Годъ 12-й. Кн. XLVII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1901, № 4.

подъ редакціей

Товарища Предсѣдателя Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1901.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, при Московскомъ университетѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отголоски сказки объ Еруславѣ.

(Окончаніе) [1].

Сказки разнаго содержанія, но объединенныя именемъ главнаго героя, должны были вызвать попытку сдѣлать изъ нихъ сводъ. Одинъ изъ такихъ сводовъ и есть сказка объ Еруславѣ Лазаревичѣ.

Въ этотъ сводъ вошли сказки и 1) о коровьемъ сынѣ и 2) о чудовищѣ, уходящемъ въ подземелье. Слѣды первой можно видѣть въ эпизодѣ о князѣ Иванѣ; это Иванъ-царевичъ, которому Бурза Воловичъ добываетъ жену; какъ на слѣдъ второй я смотрю на эпизодъ о Ѳеодулѣ Змѣѣ; я полагаю, что этотъ Змѣй отвѣчаетъ маленькой женщинѣ, уходящей подъ землю въ сказкѣ о Масангѣ, бабѣ-ягѣ сказки у Афанасьева, „Ивашко-Медвѣдь", дѣду съ ноготь борода съ локоть въ другихъ сказкахъ и пр. А такъ какъ французская сказка о Jean'ѣ de l'Ours представляетъ варіантъ этихъ сказокъ, то значитъ и она можетъ быть привлекаема для сравненія съ сказкой объ Еруславѣ. Эта послѣдняя ничего не говоритъ о зачатіи Еруслана; если она начиналась сходно съ „Бурзой Воловичемъ", то Ерусланъ могъ быть выдаваемъ за зачатаго отъ съѣденной чудотворной пищи; но намеки на сказку о чудовищѣ, ускользнувшемъ въ трещину скалы, допускаютъ догадку, что сказка начиналась разсказомъ о женщинѣ, увлеченной медвѣдемъ; съ этой догадкой совпадаетъ и звѣриное имя Еруслана или Уруслана (*арсланъ* „левъ"), не лишенное сходства и съ именемъ французскаго героя Ours. [2]).

Въ сказкѣ о чудовищѣ, убѣгающемъ въ нору, герой странствуетъ или съ двумя, или съ тремя товарищами. Всѣ они отличаются необыкновенными качествами; одинъ вырываетъ деревья съ корнемъ, другой переставляетъ горы, или поддерживаетъ гору,

---

1) См. „Этногр. Обозр.", XLVI.

2) Въ осетинскомъ преданіи Ростомъ (Рустемъ, Ерусланъ?) находитъ въ башнѣ женщину съ клыками, которая предлагаетъ (вѣроятно навязываетъ насильно) свою любовь (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. VII. стр. 20—23), отъ которой у него родился сынъ; слѣдовательно союзъ въ родѣ того, какой указанъ въ имеретинской сказкѣ о медвѣжьемъ сынѣ Датвисъ-швили: союзъ попа и медвѣдицы. (Сборникъ, в. XIX, отд. II стр. 1—8). Это тоже приводитъ къ догадкѣ, что и Ерусланъ или сынъ его представлялся, какъ сынъ медвѣдицы и человѣка, или медвѣдя и женщины.

иначе она покачнется и т. д.; эти качества однако въ сказкѣ не пригождаются; очевидно, мы тутъ имѣемъ дѣло съ пропускомъ. Въ сказкѣ другого сюжета, именно о полетѣ за похищенной дѣвицей на птицѣ или летучемъ кораблѣ шести или семи товарищей, товарищи отличаются или искусствомъ, или необычайными качествами: одинъ столяръ, другой маляръ, третій имѣетъ необыкновенный слухъ, четвертый быстрыя ноги, такъ что обгоняетъ зайца, пятый способенъ выпить цѣлое море и т. д. Всѣ эти добродѣтели пригодились, когда компанія отправилась возвращать увезенную женщину. Вѣроятно, и въ сказкѣ о чудовищѣ, уходящемъ подъ землю, необыкновенныя качества товарищей также приносили пользу. Схема у обѣихъ сказокъ сходная: похищеніе дѣвицы и поѣздка героя съ товарищами для ея возвращенія, разница только въ томъ, гдѣ помѣщается похититель: въ одной сказкѣ онъ подъ землей, и товарищи опускаютъ героя въ подземелье на веревкѣ; въ другой похититель гдѣ-то на высотѣ, можетъ быть на небѣ, и герой съ товарищами летитъ туда на автоматической птицѣ. Изъ предыдущаго обзора видно, что сказка о чудовищѣ, уходящемъ подъ землю, переходитъ въ такую, гдѣ похищенная дѣвица содержится не въ подземельѣ, а на горѣ или на вершинѣ башни.

Иногда и въ сказкѣ съ подземельемъ исключительныя способности товарищей пригождаются. Такъ, у Афанасьева въ сказкѣ № 81 Усыня [1]) кладетъ свой необыкновенно длинный усъ черезъ море и товарищи переходятъ по нему, какъ по мосту. [2]) Коскенъ указываетъ сказку изъ Пенджаба, въ которой есть разсказъ о жизни въ уединенной хижинѣ, о посѣщеніяхъ ея чудовищемъ, отнимающимъ пищу, и о необыкновенныхъ дарованіяхъ товарищей. Въ этой сказкѣ эти дарованія пригождаются [3]). Сомнительно, чтобы сказка придумала одарить товарищей героя необыкновенными способностями безъ расчета воспользоваться ими впослѣдствіи; необходимо предположить, что и три товарища сказки о подземельѣ, подобно шести или семи товарищамъ сказки съ автоматической птицей, воспользавались своими дарованіями въ интересахъ героя сказки.

Иногда и самые таланты трехъ товарищей были, кажется, сходны съ талантами семи товарищей. У Афанасьева въ той же сказкѣ № 81 [4]) одинъ изъ товарищей ловитъ рыбу; Иванъ-царевичъ хочетъ помочь ему и выпиваетъ все море, такъ что рыба очутилась на сухомъ днѣ; этотъ даръ опорожнять море перенесенъ здѣсь на главное лицо по ошибкѣ; въ имеретинской сказкѣ [5]) въ числѣ

---

[1]) *Афанасьевъ*. I, 175.
[2]) *Ibid.*, 178.
[3]) *Cosquin*, I, 25.
[4]) *Афанасьевъ*, I, № 81, a (вар. 1), стр. 176.
[5]) Сборникъ матер. для опис. Кавказа, в. XIX, отд. II, стр. 4 и 5.

товарищей медвѣжьяго сына находится опивало. Въ той же имеретинской сказкѣ въ числѣ товарищей значится хромой пастухъ зайцевъ; это вѣроятно человѣкъ, который, не смотря на хромоту, опережалъ зайцевъ; въ ряду семи товарищей онъ будетъ отвѣчать тому, который отличался быстрымъ бѣгомъ, могъ обгонять дикую козу, не смотря на то, что къ его ногамъ были привязаны камни. Appuie-Montagne, поддерживающій или толкающій гору, среди семи товарищей имѣетъ параллель въ богатырѣ, переставляющемъ горы.

Есть записи сказки о шести или семи товарищахъ, которыя кончаются заявленіемъ, что эти шесть искусныхъ товарищей теперь видны въ небѣ въ видѣ шести звѣздъ Плеядъ [1]). Эти записи даютъ поводъ и для трехъ товарищей сказки съ подземельемъ искать пріуроченія на картѣ неба. Группа изъ трехъ персонажей можетъ быть заимствована отъ трехъ звѣздъ Оріона; сказка говоритъ или о героѣ и его двухъ товарищахъ, или о героѣ и о его трехъ товарищахъ; въ первомъ случаѣ сказка, значитъ, видѣла героя въ одной изъ звѣздъ Оріона, во второмъ три звѣзды Оріона это три товарища, а самаго героя нужно искать гдѣ-нибудь внѣ этой звѣздной троицы. Самъ герой это, можетъ быть, луна, или солнце, или Большая Медвѣдица, или Плеяды.

Къ Большой Медвѣдицѣ пріуроченъ разсказъ о погонѣ; это или богатырь, который гонится за враждебнымъ существомъ, или это человѣкъ, за которымъ кто-то гонится, какъ въ тюрко-монгольскихъ сказаніяхъ, [2]) или это лось, за которымъ гонится охотникъ, какъ это въ остяцкомъ преданіи [3]). Въ своихъ „Вост. мотивахъ" я указалъ на совпаденіе чертъ остяцкаго разсказа съ монгольскимъ разсказомъ о томъ, какъ пастухъ ловитъ коня для Иринъ-Сайна [4]); если же въ этой послѣдней сказкѣ иногда на мѣстѣ Иринъ-Сайна стояло Арсланъ, т. е. имя одного брата переносилось на другого, то понятно, почему эпизодъ о ловлѣ коня явился въ сказкѣ объ Ерусланѣ. Вѣроятно въ тюрко-монгольскомъ фольклорѣ былъ разсказъ о Большой Медвѣдицѣ, который представлялъ ее не лосемъ, а конемъ, котораго кто-то ловитъ, или сама Б. Медвѣдица представлялась человѣкомъ, который гонится за лошадью, и этотъ-то разсказъ вошелъ въ сводъ объ Иринъ-Сайнѣ и въ нашу сказку объ Ерусланѣ. Въ случаѣ, представлявшемъ Б. Медвѣдицу персонажемъ, ловящимъ коня, нужно предположить, что созвѣздіе называлось Арсланъ (Ерусланъ).

У нѣкоторыхъ тюрковъ Б. Медвѣдица называется Джеты-Ка-

---

[1]) Танг.-тиб. окр. Китая, II, 146; *Jagić*, Archiv für slav. Phil., V, S. 36; *Grundwig*, Dänische Volksmärchen, übers. v. Leo, Leipzig, 1878, S. 110.

[2]) Очерки с.-з. Монг., IV, 193, 194.

[3]) *Patkanow*, Die Irtysch-Ostjaken, St. Ptb., 1897, s. 119.

[4]) Вост. мотивы. стр. 743.

ракъ или Джеты-Каракше, „семь воровъ“ [1]). Въ южнорусскихъ сказкахъ монгольскому Масангу отвѣчаетъ Коты-горошекъ, Покотыгорошекъ [2]), Катыгорошка [3]), въ бѣлорусскихъ Кацигорошекъ, Покаци-горохъ [4]), Катигорошинка [5]), въ великорусской лубочной Иванъ-Горохъ [6]); въ одномъ варіантѣ именемъ Горошникъ названъ товарищъ, а не главное лицо [7]).

Въ киргизскихъ легендахъ Б. Медвѣдица иногда представляется въ видѣ семи волковъ [8]). Представленія ея въ видѣ семи медвѣдей до сей поры не удалось встрѣтить у кочевниковъ средней Азіи; въ сѣверномъ Тибетѣ у шира-егуровъ я записалъ имя этого созвѣздія *долонъ херьгэ*, что можетъ быть истолковано, какъ „семь эркэ“, т. е. „семь медвѣдей самцовъ“ [9]). Медвѣдь по-монгольски *хара-гурёсу*, что въ переводѣ будетъ „черный звѣрь“. Семь медвѣдей по-монгольски будетъ *долонъ-хара-гурёсу*, семь звѣрей — *долонъ гурёсу*, по бурятски *долонъ-гурбхунъ*, а если допустить замѣну монгольскаго числа тюркскимъ *джиты* (что практиковалось въ ордѣ, наприм., у Рашидъ-Эддина названіе страны Секизъ-муренъ, „Восьмирѣчье“, составлено изъ тюркскаго *секизъ* „восемь“ и монгольскаго *муренъ*-„рѣка“ [10]), то получится *джиты-гурёсу*.

Если вѣрить сказкѣ, то Коты-Горошекъ названъ такъ потому, что зачатъ отъ горошины, которую его мать проглотила. Если бы дѣйствительно представленіе о проглоченной горошинѣ предшествовало имени Горошекъ или Горохъ, то едва ли русскому человѣку могло показаться болѣе естественнымъ на этомъ мѣстѣ чужое Кыріякъ, чѣмъ русское горохъ [11]). Не лучше ли предполо-

---

1) У нѣкоторыхъ тюркскихъ племенъ *еди-уру*, „семь воровъ“. Имя одного киргизскаго поколѣнія Джеты-ру (*ру*, *уруѣ*—„поколѣніе, родъ“) переводятъ не семь воровъ, а семь родовъ.

2) *Афанасьевъ*, № 74, т. I, стр. 141; *Чубинскій*, II, №№ 61, 62 и 63, стр. 229—238; *Драгомановъ*, Малорусск. преданія и разсказы, Кіевъ, 1876, стр. 260. Въ № 63 у *Чубинскаго* змѣй Ива убилъ двѣнадцать братьевъ и унесъ ихъ сестру. Покотыгорошекъ куетъ себѣ булаву, ловитъ коня при содѣйствіи пастуха (подобно Еруслану) и освобождаетъ сестру.

3) *Манжура*, Сказки (Сборн. Харьк. ист.-фил. общ., III), стр. 30; ср. со сказкой у того же собирателя Кыріякъ, Кобылячій сынъ, стр. 43—45.

4) *Шейнъ*, Матер. для изуч. яз. сѣв. зап. края въ Сбор. отд. русск. яз. и сл. Ак. Наукъ, т. LVII, стр. 86 и 89.

5) *Добровольскій*, Смоленск. сборн., ч. I, стр. 624.

6) *Афанасьевъ*, I, 149.

7) Ibid., 176.

8) Въ варіантахъ одной европейской сказки такая же замѣна воровъ волками; компанія друзей попадаетъ въ одномъ варіантѣ въ домъ семи волковъ, въ другомъ въ домъ, обритаемый ворами (*Cosquin*, II, 104).

9) Танг.-тиб. окраина Китая, II, 318.

10) *Рашидъ Эддинъ*, Сборникъ лѣтописей. Исторія Монголовъ, перев. Березина, въ запискахъ Импер. Археолог. Общ., т. XIV (Спб., 1858), стр. 79 и 249.

11) Впрочемъ о Кыріякѣ не говорится, что онъ зачатъ отъ горошины; по содержанію сказка объ немъ принадлежитъ къ группѣ сказокъ о коровьемъ сынѣ.

жить, что тутъ было какое-то архаическое, отъ котораго произошли и Кыріякъ и Горохъ, и что проглоченная горошина явилась уже подъ вліяніемъ послѣдняго имени [1]).

Коты и Покоты также, можетъ быть, архаическія формы, осмысленныя по-русски. Въ угрорусской сказкѣ о Каролѣ находится форма Кутя-татаре; хотя это Кутя прилагается здѣсь не къ главному герою, а къ песиглавцамъ, его противникамъ, но перемѣщеніе именъ въ сказкахъ вещь обыкновенная. Если Коты-горошекъ дѣйствительно имѣетъ отношеніе къ В. Медвѣдицѣ и къ ея тюркскому имени Джиты-Каракше, то Коты будетъ отвѣчать первому члену Джиты. Въ другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ Б. Медвѣдица называется Джитыганъ, Жидигянъ, Тьедыганъ и т. д. Хотя я не нашелъ до сихъ поръ ни одного случая, когда бы эта форма являлась съ иниціаломъ *к*, но связанныя съ именами Кидэнъ-ханъ, Китанъ-ханъ, Кӧдӧнъ-пи темы въ тюрко-монгольскомъ фольклорѣ наводятъ на связь этого имени съ созвѣздіемъ Б. Медвѣдицы [2]).

Въ группѣ пересмотрѣнныхъ выше сказокъ, которую можно назвать группою Еруслановскихъ сказокъ, съ бросающимся въ глаза постоянствомъ встрѣчается число три. Это число тоже могло зайти въ сказку изъ звѣзднаго эпоса. Какъ число семь въ сказкахъ можетъ быть отнесено на счетъ Б. Медвѣдицы, число шесть на счетъ Плеядъ [3]), такъ число три мы можемъ счесть за навѣянное видомъ Оріона. Три звѣзды въ поясѣ Оріона такъ рѣзко отграничены отъ остальнаго неба, (гораздо рѣзче даже, чѣмъ семь звѣздъ Б. Медвѣдицы), что должны были непремѣнно врѣзаться въ представленія людей и отразиться въ сказаніяхъ. Въ еруслановскихъ сказкахъ встрѣчаются 1) три товарища, живущіе вмѣстѣ съ главнымъ героемъ въ домѣ или хижинѣ въ какомъ-то лѣсу (въ лѣсной избушкѣ русскихъ сказокъ); 2) три дѣвицы, которыя попадаются герою въ дорогѣ; иногда это три сестры; въ сказкѣ объ Ерусланѣ о нихъ сказано, что онѣ кочуютъ въ полѣ, значитъ живутъ въ шатрахъ; этотъ образъ извѣстенъ и монгольскимъ сказкамъ, въ которыхъ упоминаются находимыя героемъ на дорогѣ три дѣвицы, живущія въ степи въ бѣлыхъ юртахъ; въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ три дѣвицы выдаются за его небесныхъ сестёръ; 3) три принцессы или царевны, которыя похищены дракономъ или змѣемъ и увлечены въ подземелье; это иногда сестры главнаго героя; 4) три дракона, которые въ нѣкоторыхъ сказкахъ стоятъ на мѣстѣ одного дракона, похитившаго

---

[1]) Впрочемъ, въ степномъ фольклорѣ есть разсказы о предкѣ племени, зачатомъ отъ проглоченной градины (Очерки с.-з. Монг., IV, 3 и 660).

[2]) См. „Восточные мотивы", 118, 455.

[3]) По крайней мѣрѣ, народное монгольское повѣрье насчитываетъ въ Плеядахъ шесть звѣздъ.

царевенъ [1]). Три области этихъ змѣевъ въ русскихъ сказкахъ называются царствами мѣднымъ, серебрянымъ и золотымъ; когда три змѣя убиты, плѣненныя ими царевны свиваютъ царства въ три яйца: мѣдное, серебряное. и золотое, которыя герой беретъ за пазуху и выноситъ съ собой наверхъ [2]). Во французскихъ сказкахъ свиванія царствъ нѣтъ; принцессы просто даютъ своему освободителю три шара, или, когда онѣ уже вынесены наверхъ, принцессы просятъ принести изъ подъ земли золотой шаръ съ изображеніемъ солнца, серебрянный съ изображеніемъ утренней звѣзды; въ нѣмецкой изъ Шлезвига—золотое солнце, золотую звѣзду и золотую луну [3]).

Часто встрѣчается въ этихъ сказкахъ дубъ. Еруслань въ спискѣ Ундольскаго ѣдетъ въ царство царя Огненный-Щитъ, но не знаетъ пути туда, на дорогѣ встрѣчаетъ дубъ, къ которому слетается стадо птицъ хохотуней; Еруслань ловитъ одну изъ нихъ, и птица переноситъ его вмѣстѣ съ конемъ въ царство царя Огненный-Щитъ. Въ другихъ сказкахъ о героѣ въ подземельѣ также встрѣчается образъ дерева въ связи съ птицами; герой не знаетъ, какъ ему выбраться изъ темнаго подземнаго царства на вольный свѣтъ, встрѣчаетъ на дорогѣ дубъ и на немъ орлиное гнѣздо; орлица выноситъ его на спинѣ въ другой міръ [4]). Гнѣздо съ

---

[1]) Въ одной сказкѣ (*Cosquin* I, 13) драконъ одинъ, но съ семью головами; тутъ слѣдовательно намекъ на Б. Медвѣдицу, а не на Оріонъ.

[2]) *Афанасьевъ*, I, № 71 и 73, стр. 133 и 137.

[3]) *Cosquin*, I, 17. Въ каталонской сказкѣ о человѣкѣ, отсуленномъ чорту, троица: луна, солнце и вѣтеръ; послѣдній даетъ герою наставленіе, какъ овладѣть одной изъ трехъ дѣвъ, которыя въ видѣ птицъ слетятъ на озеро купаться. Въ сказкѣ изъ итальянск. Тироля на мѣстѣ вѣтра св. Антоній Падуанскій (*Cosquin*, II, 14). О троицахъ въ монгольскихъ сказкахъ (солнце, луна и Плеяды) см. Вост. мотивы, 289.

[4]) Въ бѣлорусской сказкѣ „Подземное царство“ (*Романовъ*, Бѣлор. сб., т. I, в. 3, стр. 84) Ивана-царевича выноситъ на вольный свѣтъ птахъ, гнѣздо котораго на дубѣ; въ варіантѣ (стр. 87) царевичъ вылетаетъ на жаръ-птицѣ, въ другомъ варіантѣ (стр. 85) на шкурѣ бѣлаго медвѣдя, при чемъ выдра служила вмѣсто сѣдла, а самка ужа вмѣсто кнута; Иванъ-царевичъ ударилъ по шкурѣ три раза и вылетѣлъ. У Афанасьева (I, 126) въ сказкѣ изъ Пинежск. у. Ивашка Запечный вылетаетъ на орлѣ; въ варіантѣ изъ Воронежск. у. Иванъ-царевичъ нашелъ дудку и заигралъ на ней; выскочили кривой и хромой и спрашиваютъ: „что угодно, Иванъ-царевичъ?“ Они выносятъ его изъ подземнаго царства: дудка въ вестфальской сказкѣ (*Cosquin*, I, 24; *Grimm*, № 91). Въ варіантѣ *c* (стр. 133) отъ удара о землю посошка-перушка является двѣнадцать молодцовъ; они выносятъ Ивана-царевича на свѣтъ. Посошокъ отнятъ Иваномъ-царевичемъ у Ворона Вороновича, похитителя его матери. Иванъ свалился на крылья Ворона Вороновича; тотъ носилъ его по горамъ, по облакамъ, но не могъ съ себя сбросить; царевичъ оставилъ его подъ условіемъ отдать посошокъ. Въ лубочной сказкѣ (*Афан.* I, 140) похититель матери Ивана-царевича, Вихорь, имѣетъ волшебную палицу; царевичъ ухватился за нее, Вихорь поднялся на воздухъ и началъ летать, наконецъ опустился на землю и разсыпался на мелкія части; распаденіе на части въ звѣздномъ эпосѣ Монголіи связано съ созвѣздіемъ Плеяды. Въ эпизодѣ съ птицей, выносящей богатыря въ верхній міръ, часто встрѣчается мотивъ—вырѣзываніе

птенцами обыкновенно народнымъ вѣрованіемъ связывалось съ созвѣздіемъ Плеяды; на это указываютъ имена созвѣздія: Утиное гнѣздо, Куриное гнѣздо, Птичье гнѣздо, Осиное гнѣздо [1]), Квочка и съ курчатами [2]).

Бурза Воловичъ наѣзжаетъ на дубъ, закиданный костями, потомъ на два, потомъ на три дуба; въ сказкѣ „Три царства" у Афанасьева три дуба, одинъ въ 15 обхватовъ, другой въ 20 и третій въ 25; Иванъ Затрубникъ, валявшійся на печкѣ въ золѣ, собирается отыскивать увезенную царицу и пробуетъ силу, вырываетъ съ корнемъ сначала одинъ дубъ, черезъ годъ другой болѣе толстый и наконецъ самый толстый [3]). Этотъ мотивъ былъ очевидно и въ сказкѣ „Бурза Воловичъ", но скомканъ; тутъ только сказано, что два брата, выпивъ живой воды, пробуютъ свою силу, упираются въ дубъ ногами и разрываютъ его. Незначитъ ли это, что Оріонъ представлялся въ видѣ трехъ дубовъ. Въ сказкахъ объ Еруслане не три дуба съ костями, а три поля, усыпанныя костями побитыхъ ратей; на третьемъ полѣ лежитъ голова или тѣло богатыря Расланея. Въ эпизодѣ бурятской сказки „Ханъ-Гухирь", представляющемъ параллель къ этому мѣсту русской сказки, на мѣстѣ Расланея неподвижно лежитъ богатырь Хухудой. Мотивъ неподвижности въ звѣздномъ эпосѣ связанъ съ созвѣздіемъ Оріонъ; о созвѣздіи говорятъ, что это богатырь Коготэй, Кутей, Кугульдей, Коголь, Гоголь и пр., охотящійся за тремя оленухами [4]). Можетъ быть, изъ сказаній объ Оріонѣ самое правильное то, которое въ трехъ звѣздахъ Оріона видитъ только трехъ оленухъ, а стрѣлка предоставляетъ намъ искать внѣ созвѣздія. Тогда это можетъ быть сосѣднее созвѣздіе Плеяды или можетъ быть какая-нибудь другая звѣзда, наприм.. Полярная. Дерево или дубъ, когда онъ является въ единственномъ числѣ, образъ также подходящій для сближенія съ Полярной звѣздой, которая, какъ я это старался провести въ своихъ книгахъ [5]), могла представляться древнему человѣку въ видѣ колонны, поддерживающей сводъ храма или дворца, кола или камня, которымъ

куска мяса изъ икры ноги. Выхваченое изъ ноги мясо связано съ полетомъ и въ сказаніи объ Иванѣ Крестителѣ и царѣ Дукліанѣ; Дукліанъ гонится за Иваномъ, улетающимъ на небо, и вырываетъ у него кусокъ мяса изъ ступни, отчего у людей и выимка на ступнѣ. Въ сказкахъ вырѣзанное мясо потомъ снова прикладывается и прирастаетъ; искалѣченная нога возстановляется какъ будто безъ слѣда. Но въ словацкой сказкѣ (Афан., I, 141) царевичъ, вырѣзавшій мясо и отдавшій его дракону, на вѣки остался хромъ.

[1]) Танг.-тиб. окраина Китая, II, 324; Очерки, с. з. Монг., IV, 730.

[2]) Лѣтопись филол. общ. при Новоросс. универс., III, 1894 г. ст. Ястребова, стр. 64. („Курочка", подраз. съ цыплятами, въ Сѣдлецк. г., по сообщ. Н. А. Янчука).

[3]) *Афанасьевъ*, № 71, т. I, стр. 132.

[4]) Очерки с. з. Монг., II, 124; IV, 204, 789; Танг.-тиб. окраина Китая, II, 328.

[5]) Вост. мотивы, 203.

забито отверстіе и удерживаются воды, готовыя хлынуть, залить землю и погубить живой міръ, наконецъ въ видѣ мірового дерева, съ устойчивостью котораго также могла связываться прочность мірового порядка. Сюда же можетъ быть впослѣдствіи пріурочатся и представленія о каменномъ столбѣ, въ которомъ замурованъ человѣкъ, о башнѣ, въ которой заточена красавица, подвѣшенный на цѣцяхъ гробъ, въ которомъ лежитъ спящая царевна, или каменный гробъ, въ которомъ заживо погребенъ богатырь. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ сказокъ дѣйствительно встрѣчается образъ красавицы, заточенной на вершинѣ башни, или на золотой горѣ [1]). Въ смоленской сказкѣ объ Игрѣ Палугримъ сидитъ на деревѣ, а варіантъ этого образа дивій мужъ сидитъ на столбѣ [2]). Палугримъ даетъ Игру коня, на которомъ тотъ можетъ перелетѣть черезъ стѣну въ городъ, гдѣ спитъ дѣвица; слѣдовательно, этотъ конь оказываетъ герою въ сходныхъ обстоятельствахъ такую же услугу, какъ и орлица, гнѣздо которой было на дубѣ; можетъ быть, редакція этого мѣста была еще ближе къ разсказу объ орлицѣ; Палугримъ, сидѣвшій на дубѣ, на себѣ носилъ героя; и въ самомъ дѣлѣ, въ верхоянской сказкѣ Пилигримъ, освобожденный изъ заточенія въ тюрьмѣ, носитъ, летая, на себѣ своего освободителя [3]).

Бурза Воловичъ, отправляясь въ изгнаніе, идетъ сначала пѣшкомъ, потомъ по указанію старухи [4]) находитъ коня въ погребу подъ дубомъ. Конь на привязи сибирско-татарскимъ и киргизскимъ повѣрьемъ относится къ Полярной звѣздѣ; звѣзда это приколъ, къ которому привязаны на арканѣ одинъ или два коня [5]); дубъ въ этой русской сказкѣ представляетъ то же самое, что въ татарскомъ преданіи выражено представленіемъ о конѣ.

Въ числѣ товарищей французская сказка: „Jean de l' Ours“ одного называетъ Appuie-Montagne; онъ подпираетъ плечомъ гору; только онъ попробовалъ по просьбѣ Jean'a отодвинуться отъ горы, какъ гора покачнулась. Это напоминаетъ народныя повѣрья о летучей мыши, которая поддерживаетъ міръ, въ томъ числѣ и монгольское о томъ же животномъ: летучая мышь, чтобы объяснить, почему она днемъ держится прижавшись къ скалѣ, говоритъ о себѣ, будто она поддерживаетъ камень, въ противномъ случаѣ онъ

---

1) Алтынъ-ту, „Золотая гора“, миѳическая гора алтайцевъ.

2) *Добровольскій*, Смоленск. сборн., I, 495.

3) Чудесный конь, на которомъ съ несбыточною быстротой въ монгольскомъ сказаніи ѣхалъ Аргасупъ-хорчинъ, и въ которомъ я вижу монгольскій эквивалентъ къ Западному cheval de fuit, назывался Гурбилгу, именемъ птицы, которая въ другомъ преданіи стоитъ на мѣстѣ летучей мыши (См. Вост. мотивы, 327).

4) Эта старуха, дающая совѣтъ, обусловливающій успѣхъ героя въ его предпріятіяхъ, можетъ быть, его мать. Стоящій въ другихъ сказкахъ на этомъ мѣстѣ пастухъ, можетъ быть, его отецъ.

5) Вост. мотивы, 127.

можетъ упасть [1]). Эти мотивы, кажется, находятся въ связи съ представленіями о Полярной звѣздѣ, въ которой, судя по нѣкоторымъ даннымъ изъ фольклора, прежніе люди видѣли міровой столбъ или колонну, подпирающую сводъ міра (ея народное названіе у кочевниковъ „Золотой колъ"); на нее смотрѣли, какъ на основу мірового спокойствія, какъ на матицу мірозданія. Въ одной сказкѣ одинъ изъ товарищей вертитъ мельницу на своемъ колѣнѣ—указаніе на звѣздный міръ, на круговращеніе звѣздъ вокругъ Полярной звѣзды.

Въ русскихъ сказкахъ о коровьемъ сынѣ злое существо, наносящее побои товарищамъ, дежурящимъ въ лѣсной избушкѣ, въ однѣхъ изображается старикомъ съ длинной бородой (дід съ ногіть, борода съ локіть) [2]), въ другихъ это баба-яга, во французскихъ nain à grand barbe, великанъ, старая женщина или колдунья.

Въ бѣлорусской сказкѣ у Романова [3]) въ нору уходитъ похититель царскихъ коней бѣлый медвѣдь, а въ варіантѣ [4]) бѣлый волкъ; побѣдитель его Иванъ-царевичъ или Иванько. Въ общихъ чертахъ сюжетъ сходный со сказкой о коровьемъ сынѣ, только нѣтъ чудеснаго зачатія и лѣсной избушки. Брошенный братьями въ подземельѣ Иванъ-царевичъ находитъ здѣсь дѣда и бабу слѣпыхъ [5]); змѣя выпила у нихъ очи; это намекъ на сказку объ Ерусланѣ; его отецъ и дядя потеряли зрѣніе. Иванъ-царевичъ возвращаетъ зрѣніе слѣпымъ; по одному варіанту онъ заставляетъ змѣю возвратить зрѣніе, по другому заставляетъ крука принести живой воды, которая здѣсь на мѣстѣ желчи. У Афанасьева [6]) является похититель звѣрей изъ царскаго звѣринца Норка-звѣрь. Младшій изъ трехъ братьевъ за три раза, по три раны въ каждый, наноситъ Норкѣ девять ранъ; Норка уходитъ подъ *бѣлый* камень; камень этотъ величиною съ гору. Младшій изъ братьевъ, спустившись въ подземный міръ, находитъ тамъ Норку; онъ спитъ „на камнѣ по серединѣ моря," храпитъ, на семь верстъ волна бьетъ. Афанасьевъ говоритъ, что въ варіантахъ на мѣстѣ Норки стоитъ Жаръ-птица. Въ сказкѣ у Афанасьева „Три царства" подъ *желѣзную* плиту въ подземелье уходитъ серебряная птичка золотой хохолокъ [7]). Главное лицо въ сказкѣ одерживаетъ верхъ надъ чудовищемъ, дѣлаетъ трещину въ деревѣ и ущемляетъ въ ней бороду чудовища; но чудовище убѣгаетъ въ нору, въ монгольской сказкѣ въ трещину скалы [8]); товарищи пробуютъ пооче-

---

1) Очерки с.-з. Монг., IV, 175.
2) *Чубинскій*, II, 233.
3) Бѣлорусск. Сборн., т, I, в 3, стр. 78.
4) Ibid , стр. 79.
5) Ibid., стр. 85 и 87.
6) *Афанасьевъ*, I, 73.
7) Ibid., 132.
8) Шиддикӳръ въ переводѣ Гомбоева (Этногр. Сборникъ, изд. Геогр. Общ. VI), стр. 25: „Они пошли по слѣдамъ, образовавшимся отъ старушонкиной

редно спустить въ нору одного изъ товарищей, но никто изъ нихъ не можетъ спуститься до дна ямы, кромѣ главнаго лица; этотъ спускается и убиваетъ чудовище.

Въ „Восточн. мотивахъ" я указалъ на алтайскія сказанія о Ельбегенѣ. Это злое существо, которое уноситъ мальчика Тардакака или Машпарека въ узкую пещеру, доходящую до центра земли [1]); чтобы убить Ельбегеня спускается въ трещину солнце, но трещина узка, солнце не проходитъ и отказывается отъ попытки; тогда мѣсяцъ отрубилъ себѣ половину (ущербнулъ) и проникъ въ щель [2]). О мальчикѣ говорится, что онъ спасался отъ Ельбегеня на *желѣзномъ* деревѣ, или на кустѣ, но Ельбегень вырвалъ дерево съ корнемъ и унесъ мальчика съ деревомъ; мѣсяцъ, проникшій въ щель, схватилъ Ельбегеня и унесъ его съ собой на небо. И теперь въ пятнахъ луны алтайцы видятъ Ельбегеня съ кустомъ въ рукахъ. Этотъ-то звѣздный миѳъ и отразился въ монгольской сказкѣ о Масангѣ. Маленькая старуха—это Ельбегень; похищенный Тардакахъ—это похищенная царевна, унесенная въ подземелье; старуха уходитъ въ трещину скалы; это Ельбегень, уходящій въ узкую пещеру; въ аварской сказкѣ стоящее на этомъ мѣстѣ чудовище уноситъ съ собой въ трещину дерево, къ которому оно было прибито [3]); это Ельбегень, который уноситъ въ щель желѣзное дерево, на которомъ сидѣлъ мальчикъ [4]). Неудачная попытка солнца спуститься въ трещину отвѣчаетъ такой же неудачной попыткѣ трехъ товарищей; Масангъ или Jean de l'Ours,—это слѣдовательно мѣсяцъ, успѣшно спустившійся на дно трещины. Старухѣ монгольская сказка даетъ маленькій ростъ (и въ русскихъ сказкахъ дідъ борода съ локіть тоже едва видѣнъ изъ-за порога [5]) но вдругъ становится великаншей [6]). Это на-

---

крови, по нимъ пришли къ пещерѣ въ одной страшной скалѣ. Они зашли въ пещеру, гдѣ посерединѣ была трещина въ 18 миль глубиной. На днѣ этой трещины увидѣли, среди золота, бирюзы, разныхъ воинскихъ доспѣховъ и многихъ другихъ сокровищъ, трупъ старушонки".

[1]) Т. е. въ подземелье. Если подъ подземельемъ здѣсь разумѣется небо, то центральное мѣсто, куда ушелъ Ельбегень, придется видѣть въ Полярной звѣздѣ.

[2]) *Вербицкій*, Алтайскіе инор. 157—158.

[3]) *Cosquin*, I, 18.

[4]) Въ русскихъ сказкахъ встрѣчается мотивъ: чудовище, несущееся по воздуху съ деревомъ. Въ малорусской сказкѣ змій носится съ дубомъ, Кыріякъ хватается за дубъ, и змій выноситъ его изъ подземнаго міра въ верхній міръ (*Манжура*, Сказки, стр. 43—45); въ великорусской Арикадъ-царевичъ хватается за трость, которую держитъ въ рукахъ Вихорь, и тотъ заноситъ его за облака на гору (*Худяковъ*, Сказки, II, 27); Иванъ царевичъ хватается за палицу, которая была въ рукахъ у Вихря, и Вихрь понесъ его по воздуху (*Афанасьевъ*, № 71, т. I, стр. 128).

[5]) У Чубинскаго дѣдъ такъ малъ, что не можетъ перелѣзть черезъ порогъ и проситъ пересадить его (II, 232).

[6]) Товарищъ, оставшійся въ домѣ, слышитъ шорохъ у дверей и видитъ старуху, ростомъ съ вершокъ. (Шиддикӱръ, 23); а потомъ когда Масангъ за-

поминаетъ сойотское повѣрье о звѣркѣ летягѣ (Pteromys volans). по-монгольски *ольби*, тоже ночномъ, какъ и летучая мышь, животномъ, именно будто летяга споритъ съ небомъ и во время грома раздувается и становится большимъ звѣремъ [1]). Монгольское *ольби* въ сосѣднихъ діалектахъ переходитъ въ *олбо*, *олбынъ*, летяга. по-бурятски, *ольбого*, летяга по-сойотски [2]); отсюда можетъ быть и имя чудовища Ельбегень. Летучая мышь, которая легко можетъ быть смѣшиваема съ летягой, по-монгольски назыв. *бакбагай*, для медвѣдя есть монгольское *ба-абагай*; въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ медвѣдь и летучая мышь, кажется, иногда замѣняютъ другъ друга.

И такъ монгольская старуха, французскій павпъ, русскій дѣдъ съ ноготь, борода съ локоть или баба-яга, ускользающіе въ трещину земли, это летучая мышь, по-монг. или *шарисынъ*, *сарисынъ-бакба'ай* или *сарисынъ багбга* [3]).

Алтайское и сѣверномонгольское повѣрье приписываетъ нѣкоторымъ грызунамъ вражду противъ неба; алтайцы говорятъ, что, поймавъ бурундука, слѣдуетъ въ угоду неба пригвоздить его къ дереву; монголы говорятъ, что въ угоду неба слѣдуетъ летягу распинать на перекресткѣ дорогъ, сойоты—убить, сжечь и пепелъ разсѣять по воздуху [4]). На Западѣ существуетъ обычай распинать на стѣнѣ летучую мышь [5]). Не этотъ ли обычай отразился въ той казни, которой подвергается злое подземельное существо со стороны главнаго лица въ сказкѣ? оно прибито или прищемлено къ древесному стволу (или руки или борода ущемлены въ разщепъ дерева); это летяга, бурундукъ (въ болѣе древнихъ и болѣе правильныхъ редакціяхъ вѣроятно летучая мышь), пригвожденные къ дереву или перекрестку дорогъ.

Въ угрорусской сказкѣ о Каролѣ вмѣсто эпизода о подземельѣ стоитъ разсказъ о песиглавцахъ [6]), у которыхъ кладовыя съ *зо-*

ставилъ ее пойти за водой, онъ видитъ, что эта съ вершокъ старуха превратилась въ огромную женщину, чуть не достающую до неба (24).

1) Очерки с.-з. Монг., IV, 181. Танг.-тиб. окр. Китая, II, 344.

2) Ibid., 160; стр. также на стр. 747 примѣчаніе 25-е. Вмѣсто *ольби, олбо* монголы произносятъ часто *олюбъ* или *олыбъ*.

3) Очерки с.-з. Монг., IV, 173, 175.

4) Очерки с.-з. Монг., IV, 181.

5) Эпическаго оправданія этому обычаю на западѣ, кажется, не существуетъ. Монгольское преданіе говоритъ, что небо преслѣдуетъ летягу своими молніями за то, что она перегрызла горло сыну неба, когда онъ спустился на землю и здѣсь заснулъ подъ тѣнью дерева. Этотъ сынъ неба, по всей вѣроятности, первый человѣкъ на землѣ; монгольскія и калмыцкія преданія о родоначальникѣ народа (нужно понимать о родоначальникѣ всего человѣчества) изображаютъ его младенцемъ, найденнымъ подъ деревомъ; у калмыковъ это Царогъ, у монголовъ Чингелъ; и тотъ, и другой въ преданіи титулуется сыномъ Хормусты, т. е. царя неба. Алтайское сказаніе Мешперека также называетъ первымъ человѣкомъ на землѣ.

6) О песиглавцахъ см. у *А. Веселовскаго*, Двѣ замѣтки къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи. II. Хананеи кинокефалы и иконографическія изображенія св. Христофора, въ Журн. Мин. Нар. Пр., ч. CCXLI, отд. 2,

лотомъ. Въ приведенныхъ выше параллеляхъ къ этому разсказу, находящихся въ русскихъ сказкахъ, на мѣстѣ кладовыхъ стоитъ мельница, т. е. представленіе о круговращательномъ движеніи [1]). Песиглавцы люди съ собачьими головами [2]); иногда о нихъ говорится, что у нихъ одно око [3]). Благодаря послѣднему представленію въ разсказы о песиглавцахъ вошла и тема о Полифемѣ, одноглазомъ великанѣ; человѣкъ, попавшій къ песиглавцу въ домъ берется сдѣлать ему другой глазъ, но вмѣсто того и единственный выкалываетъ раскаленнымъ желѣзомъ [4]). Монгольскія преданія разсказываютъ о существахъ, у которыхъ глазъ единственное уязвимое мѣсто. У чудовища Анъ-Долмана тѣло покрыто глазами и глазъ на серединѣ спины единственная уязвимая точка, на его тѣлѣ; богатырь Гэсэръ въ этотъ-то глазъ и направляетъ свой смертельный ударъ [5]).

По русскому повѣрью песиглавцы—людоѣды; поймавъ человѣ-

стр. 189; *М. Драгоманова*, Розвідки (Збірник фільольогічной секціи наук. товариства імени Шевченка, т. II, у Львові, 1899, стр. 152; переведено изъ Кіевск. Старины, 1883, грудень, стр. 546—559)

А. Н. Веселовскій, Наблюденія надъ исторіей нѣкот. романт. сюжетовъ средневѣк. литературы въ Жур. М. Н. Пр., ч. CLXV, отд. 2, стр. 154: царь Бокхъ съ мудрецомъ Сидрахомъ идетъ войной на страну песиглавцевъ, чтобы тамъ достать травы, растущія на горѣ (ср. въ Очеркахъ с. з. Монг., IV, 581, въ тюркской сказкѣ богатырь Алтынъ-Чилтысъ, „Золотая звѣзда" видитъ гору, на ея верхушкѣ камень съ растущими на немъ девятью травками, посредствомъ которыхъ потомъ богатырь оживляетъ своего брата), безъ которыхъ не можетъ быть докончена постройка башни (тема о храмѣ Соломона); инциденты: мудрецъ Сидрахъ посаженъ подъ стражу, но царь не можетъ обойтись безъ его совѣтовъ; Сидрахъ показываетъ царю Св. Троицу въ сосудѣ, поставленномъ на трехъ деревьяхъ; попытка отравить Сидраха; буря и ливень, угрожающій потопомъ. Въ бурятскихъ преданіяхъ мотивъ неудающаяся постройка также была, повидимому, связана съ исторіей похода въ опасную страну, въ страну мрака; тутъ люди набираютъ *золото* (см Записки Вост. сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 2, Иркутскъ, 1890, стр. 91 и 143).

[1]) Въ вояжѣ Карла Великаго къ королю Гугону тема о необыкновенномъ богатствѣ также связана съ идеей о круговращательномъ движеніи; зала въ дворцѣ Гугона вертится.

[2]) У Чубинскаго въ волынской сказкѣ № 57 (т. II, стр. 208) странствующій съ войскомъ царь приходитъ въ землю, гдѣ жители на половину люди, на половину собаки; они перегрызли другъ друга отъ музыки. Далѣе слѣдуетъ эпизодъ о подземельѣ; слѣдовательно послѣдовательность эпизодовъ та же, какъ и въ угрорусской сказкѣ о Каролѣ, сначала песиглавцы, потомъ спасеніе обреченной чудовищу царевны.

[3]) *Гринченко*, Этнограф. матеріалы, собранные въ Черниговск. губ. Черниговъ, вып. 1, 1895, стр. 1; вып. 2, 1896, стр. 2; *Драгомановъ*, Малорусск. народн. преданія, Кіевъ, 1876, стр. 384

[4]) *Гринченко*, в. 2, стр. 2. По остяцкому повѣрью Лёка, имѣвшій единственный глазъ на темени, жилъ на днѣ озера; остякъ выжегъ ему глазъ, приложивъ къ нему раскаленныя внутренности жаренаго карася (Очерки с. з. монг., IV. 706). Будетъ ли Лёка испорченное русское Лихо или это своя остяцкая форма?

[5]) Танг.-тиб. окр. Китая, II, 55; Вост. мотивы, 181.

ка, они сначала откармливаютъ его пряниками и волошскими орѣхами [1]); кромѣ того они питаются змѣинымъ мясомъ; эта пища даетъ вѣщее знаніе, напр., знаніе, отъ чего какая трава пользуетъ [2]). Въ книжныхъ преданіяхъ песиглавцы помѣщались на островѣ [3]), вѣроятно на морѣ и вѣроятно на серединѣ его; они повидимому отожествлялись съ волосатыми людьми, съ василисками (лицо дѣвичье, до пупа человѣкъ, отъ пупа змѣя, змѣиный хоботъ и крылья), съ человѣкоядцами, къ которымъ ходилъ Андрей Первозванный [4]), съ велетнями, т. е. великанами. Христіанскій апокрифъ приписываетъ подобный внѣшній видъ св. Христофору; ему придается или собачья или волчья голова [5]) онъ силачъ и по легендѣ несетъ на себѣ черезъ рѣку младенца Христа, въ которомъ, какъ въ сумочкѣ Микулы Селяниновича, скопилась вся тяжесть земли [6]). По одной легендѣ Христофоръ сынъ родителей, долго бывшихъ бездѣтными; рано онъ уже началъ превосходить своихъ сверстниковъ силою; ни одинъ конь не могъ поднять его; повидимому святой совершалъ всѣ свои странствованія пѣшкомъ; онъ носилъ въ рукѣ посохъ [7]).

Палящій огнемъ и летучій Змѣй, въ родѣ царя Огненный Щитъ, знакомъ не только сказкамъ, но и нашимъ былинамъ; Змѣй Горынычъ уноситъ Марью Дивовну за рѣку Смородину въ пещеры *бѣлокаменныя* (баба-яга въ сказкѣ „Бурза Воловичъ" уходитъ подъ *бѣлую* плиту, Норка звѣрь у Афанасьева, № 73, подъ *бѣлый* камень). Змѣй Горынычъ въ былинахъ на мѣстѣ дѣда съ ноготь, борода съ локоть сказки, и если сближеніе этого эпизода съ монгольскими сказаніями о грызунѣ, враждебно отнесшемся къ первому человѣку, имѣетъ основаніе, то представленіе о Горынычѣ находится въ связи съ повѣрьями о летучей мыши. Въ одной изъ своихъ статей (Этн. Обозр., XXVI) я высказалъ подозрѣніе, что въ одной монгольской легендѣ (о Хараликѣ) русскому Горынычу отвѣчаетъ чудовищная корова Куринъ, которая мечетъ огнемъ; она умираетъ, когда къ ней пріѣхалъ герой сказки Эрдени Хараликъ, поѣхавшій за дѣвицей Билге-Биликъ. Я предполагаю, что монгольская легенда передѣлана изъ сказки, въ которой дѣло представлялось иначе, а именно: дѣвица Билге-Биликъ была похищена чудовищемъ Куринъ; Хараликъ отправился освобождать

---

1) *Гринченко*, вып. 1, стр. 2; *Драгомановъ*, Малорусск. нар. пред., Кіевъ, 1876, стр. 2.

2) Ibidem.

3) *Драгомановъ*, l. c., стр. 153.

4) Ibid., стр. 154.

5) Въ подлинникѣ Долотова о св. Христофорѣ сказано: „И о семъ прекраснымъ мученикѣ глаголется нѣкое чудно и преславно, яко песію главу имѣяше, отъ страны человѣкоядецъ". *А. Веселовскій* Хананеи-Кинокефалы, стр. 196.

6) Ibidem.

7) *А. Веселовскій*, Хананеи-Кинокефалы, стр. 202. Virga ferrea въ Passio вмѣсто посоха г. Веселовскій готовъ принять за описку (стр. 199).

ее. Сначала онъ встрѣчаетъ какихъ то безобразныхъ ассуровъ, подобно тому, какъ въ угрорусской сказкѣ Кароль на пути къ дѣвицѣ, обреченной Змѣю, встрѣчаетъ песиглавцевъ, какъ царь въ сказкѣ у Чубинскаго (II, 208) прежде, чѣмъ явиться освободителемъ дѣвицы, находящейся въ подобныхъ же условіяхъ, встрѣчаетъ людей съ собачьими головами; потомъ Харaликъ доѣзжаетъ до чудовища Куринъ, убиваетъ его и увозитъ плѣненную имъ дѣвицу. Можетъ быть, въ одномъ изъ варіантовъ этой сказки герой вмѣсто Кароля назывался Кирилъ, и первый эпизодъ о песиглавцахъ или ассурахъ сохранился въ славянской церковной легендѣ о св. Кириллѣ, идущемъ въ страну человѣкоядцевъ болгаръ, а второй эпизодъ о битвѣ съ чудовищемъ и объ освобожденіи царевны отдѣлился, и мы имѣемъ его въ кіевской легендѣ о Кириллѣ-Кожемякѣ [1]).

Если мы соединимъ солунскую легенду о св. Кириллѣ, дополнивъ ее нѣкоторыми данными изъ другихъ легендъ о томъ же святомъ, съ кіевскимъ преданіемъ о Кириллѣ-Кожемякѣ, первую представимъ себѣ первымъ, второе вторымъ эпизодомъ одного и

---

[1]) Мимоходомъ обращаю вниманіе фольклористовъ на какую-то связь темы о песиглавцахъ или человѣкоядцахъ съ темой о внезапномъ уразумѣніи иностраннаго языка. Въ разсказѣ о песиглавцахъ у Гринченко человѣкъ, попавшій къ нимъ, становится у нихъ поваромъ, варитъ имъ пищу изъ змѣинаго мяса, пробуетъ самъ, хотя это ему и запрещено, и, поѣвъ змѣинаго мяса, узнаетъ, къ чему какая трава пригодна; по другимъ записямъ о свойствѣ змѣинаго мяса поѣвшій его получаетъ даръ понимать языкъ травъ, птицъ и вообще животныхъ; каждая трава говоритъ о себѣ, отчего она полезна. У Худякова (Сказки, I, № 38 „Сага о русскомъ", стр. 135), одинъ русскій попалъ на морскіе острова къ *писигалевцамъ*, которые *воятъ* русскихъ людей. Хозяинъ, которому онъ достался, поѣхалъ съ нимъ въ лѣсъ, заставилъ подъ деревомъ выкопать яму, навелъ подъ этимъ деревомъ булатную машину, залѣзъ на дерево и сталъ играть въ дудку, которая приманиваетъ *полозовъ*; когда полозъ (змѣй) наползъ на машину, писигалевецъ дернулъ за шнуръ, и машина перерѣзала полоза; русскій сварилъ мясо змѣя, писигалевецъ поѣлъ, но русскому запретилъ ѣсть; русскій не утерпѣлъ и тоже поѣлъ, и сталъ понимать разговоръ скотинъ, звѣрей и птицъ. Тотъ же разсказъ у Ястребова въ Лѣтописи Филолог. Общества при Новоросс. универс., III, Одесса, 1894, стр. 139, но въ плохой редакціи. Св. Кириллъ идетъ къ болгарамъ человѣкоядцамъ; въ Солуни, когда онъ сидѣлъ подлѣ храма, на него изъ клюва пролетавшаго голубя упалъ „Зборькъ", вошелъ внутрь его тѣла, и св. Кириллъ сразу получилъ умѣнье говорить поболгарски. Св. Христофоръ песиглавецъ не владѣлъ человѣческой рѣчью; какой-то свѣтлый мужъ тронулъ его уста, и Христофоръ получилъ рѣчь и началъ проповѣдывать. Событіе съ св. Кирилломъ было бы сообразнѣе съ народнымъ повѣрьемъ передано, еслибъ легенда разсказывала, что „Зборькъ" упалъ въ ротъ святого, а не на плечо. Въ бурятской сказкѣ пониманіе птичьяго языка получается отъ 70 уколовъ иголкой, сдѣланныхъ на языкѣ человѣку во время его сна (Оч. с.-з. Монг., IV, 201). Въ монгольской легендѣ глупый лама получилъ даръ краснорѣчія послѣ того, какъ во время сна ему въ ротъ плюнулъ Цзонкава (записано мною въ Монголіи). Въ Викрамачаритрѣ воронъ (подъ видомъ котораго былъ обращенный мудрецъ Лутабаранъ) испустилъ испражненіе въ ротъ царя Бикрама (т. е. Викрамадитья), но безъ чудотворныхъ послѣдствій.

того же разсказа, то мы получимъ сюжетъ угрорусской сказки о Каролѣ.

Схематическій разсказъ о персонажѣ, въ которомъ будутъ слиты св. Кириллъ и Кириллъ-Кожемяка, будетъ имѣть такой видъ:

1 эпизодъ.

Семь братьевъ; изъ нихъ младшій Кириллъ—главное лицо легенды [1]). (Дополненіе изъ житія св. Константина).

Онъ идетъ въ страну человѣкоядцевъ; его отговариваютъ (Солунская легенда).

Онъ посѣщаетъ старца отшельника (митрополита) (Сол. лег.).

(Сарацины) показываютъ ему свое богатство. (Дополненіе изъ житія св. Константина).

(Они) хотятъ отравить его (Дополненіе изъ житія).

Голубь несетъ зборькъ (Солунск. лег.).

2 эпизодъ.

Женщина узницей у змія.

Голубь несетъ письмо.

Герой легенды (Кириллъ) убиваетъ Змія.

Схема угрорусской сказки о Каролѣ будетъ такая:

1 эпизодъ.

Семь братьевъ; младшій—герой сказки (Дополненіе изъ сказки о Катигорошкѣ) [2]).

Герой (Кароль) идетъ къ человѣкоядцамъ (песиглавцамъ). Его отговариваютъ.

Онъ посѣщаетъ старца отшельника.

Человѣкоядцы показываютъ ему свое золото.

Они хотятъ отравить его.

---

[1]) Число дѣтей у родителей св. Кирилла простиралось до семи; легенда называетъ Кирилла самымъ младшимъ (*Бильбасовъ*, Кириллъ и Меѳ., 139).

[2]) У *Чубинскаго* въ сказкѣ № 63 у человѣка двѣнадцать сыновей и дочь; змій Ива уноситъ дочь; двѣнадцать братьевъ идутъ искать ее, но змій всѣхъ заразъ убиваетъ. Мать братьевъ проглотила горошину, плывшую по водѣ, и родила тринадцатаго сына Покотыгорошко, который убиваетъ змѣя и освобождаетъ сестру (стр. 237). У *Драгоманова* шесть братьевъ и сестра; сестру полонилъ „Проклятый", шесть братьевъ идутъ освобождать ее, но попадаютъ въ темницу. Ихъ мать зачала отъ горошины и родила седьмого сына Покотигорошка, который и освобождаетъ сестру (Малорусск. преданія, стр. 260). Двѣнадцать удвоеніе шести; первоначальное число было вѣроятно шесть; и такъ было всего семь братьевъ, изъ которыхъ младшій герой сказки. У Афанасьева (№ 74, т. I, стр. 141 и 142) два брата гибнутъ въ поискахъ сестры; освобождаетъ ее третій, Покотигорошекъ.

2 эпизодъ.

Женщина обречена змѣю.
Герой освобождаетъ ее.
Старецъ обращается въ голубя и улетаетъ на небо.

Въ схемѣ о Кириллѣ я позволилъ себѣ дополнить солунскую легенду мѣстами изъ другихъ легендъ, именно 1) разсказомъ о Кириллѣ у сарацинъ, предполагая, что сарацины могли очутиться здѣсь на мѣстѣ болгаръ человѣкоядцевъ, и 2) разсказомъ о братьяхъ св. Кирилла. Схема о Піролѣ дополнена у меня однимъ заимствованіемъ изъ сказки о Коты-Горошкѣ, на что я считалъ себя имѣющимъ право въ виду указанныхъ выше отношеній этой сказки къ эпизоду о Піролѣ, освобождающемъ женщину, обреченную черту.

Изъ сличенія двухъ схемъ видно, что солунская легенда вошла въ схему о Піролѣ всѣмъ своимъ составомъ, за исключеніемъ двухъ мотивовъ; въ нашей схемѣ о Піролѣ нѣтъ призыва ангела итти къ человѣкоядцамъ и нѣтъ разсказа о голубѣ, несущемъ „зборькъ", но голубь все таки есть и въ этой схемѣ; въ схемѣ о Кириллѣ голубь является въ обоихъ эпизодахъ, но ни голубь перваго эпизода, ни голубь второго, не соотвѣтствуютъ голубю сказки о Піролѣ ни своимъ мѣстомъ въ схемѣ, ни своей ролью. Изъ того, что онъ такъ устойчиво появляется въ нашихъ схемахъ, слѣдуетъ однако заключить о важномъ значеніи этого мотива для сказки; можетъ быть въ видѣ голубя представлена въ сказкѣ мать героя, руководящая сыномъ и покровительствующая ему. Въ русской былинѣ мать Добрыни (который, какъ и Піроль, змѣеборецъ—онъ убилъ Тугарина Змѣевича) летитъ къ нему въ видѣ голубя съ извѣстіемъ, что его жену отдаютъ замужъ. Старецъ-отшельникъ, улетающій въ концѣ сказки на небо въ видѣ голубя, оказываетъ Піролю покровительство; онъ даетъ ему цѣлебную мазь, которая ему потомъ пригодилась, даритъ трехъ покровительствующихъ собакъ и, можетъ быть, давалъ рушникъ, дающій неисчерпаемую пищу [2]). Выше я уже указалъ, что сходной картиной—от-

---

[2]) Выше было указано, что въ западноевропейскомъ сказаніи о поѣздкѣ Аполлонія въ населенный змѣями Вавилонъ какой-то звѣрь Milgat снабдилъ путника кореньемъ, дававшимъ неисчерпаемую пищу. Угрорусская сказка разсказываетъ, что Піроль передъ встрѣчей съ отшельникомъ въ теченіе шести дней шелъ голодомъ; вѣроятно потому-то рушникъ и введенъ въ сказку, что по первоначальному плану редакціи нужно было снабдить Піроля средствомъ для питанія. Если о св. Кириллѣ не говорится, что онъ идетъ голодный, то все таки легенда заставляетъ его сказать императору, что онъ готовъ итти въ Хаварію „пѣшкомъ, босой, безъ всего, что Господь запретилъ носить своимъ ученикамъ" (Бильбасовъ, l. c., 166), т. е. паломникомъ, безъ запаса, питающимся подаяніемъ. Преданіе говоритъ, что императоръ снабдилъ Кирилла необходимымъ на дорогу; сказка тоже заставляетъ отца дать Піролю дорожный запасъ. Во французской пѣснѣ Карлъ Великій съ своими пэрами идетъ

лѣтъ троихъ и четвертаго кончается—и Гэсэріада; душа матери Гэсэра и три его небесныя сестры возносятся на небо [1]); только здѣсь не представляются онѣ въ видѣ птицъ; образъ души въ видѣ птицы, впрочемъ, не чуждъ Гэсэріадѣ; Гэсэръ зарубаетъ свою виновную жену и душа ея вылетаетъ изъ тѣла въ видѣ птицы цокцогой [2]). Въ виду этихъ параллелей можетъ быть и въ кіевскомъ преданіи голубь, несущій письмо отъ плѣненной змѣемъ царевны, тоже отголосокъ мотива о матери, летающей въ видѣ голубя, а загадочный „зборькъ“ солунской легенды, можетъ быть, найдетъ объясненіе въ преданіяхъ о птицѣ-вѣстницѣ, или сообщающей извѣстіе человѣческой рѣчью, или несущей письмо [3]). Въ солунской легендѣ голубь названъ говорящимъ; „и видѣхъ (Кириллъ) голуба глаголющи, въ устѣхъ ношаше зборькь“ [4]); этотъ глаголющій голубь находитъ себѣ подобнаго въ „говоручемъ“ голубѣ одной малорусской скзки; Елена находится въ плѣну у Змія; Чурило ѣдетъ освобождать ее; онъ увозитъ ее отъ Змія, но у Змія есть „говоручій“ голубь, который докладываетъ ему, что его узница увезена; Змій гонится [5]). Въ этой сказкѣ Чурило на мѣстѣ Кирилла-Кожемяки кіевскаго преданія; онъ также спасаетъ отъ Змія увезенную имъ царевну; голубь играетъ ту же роль, какъ и въ кіевскомъ преданіи; онъ извѣщаетъ лицо, у котораго похищена женщина, но только попалъ не на свое мѣсто; онъ является сторонникомъ Змія, врага Чурилы, тогда какъ ему слѣдовало бы быть пособникомъ Чурилы. Этотъ „глаголющій“ голубь сказанія о св. Кириллѣ намекаетъ на то, что въ сказкѣ, послужившей матеріаломъ для славянской легенды, былъ вѣроятно инцидентъ съ дѣвицей, унесенной Зміемъ [6]).

въ Іерусалимъ также въ видѣ паломника. И въ Каролѣ смутно замѣтенъ тотъ же покаянный оттѣнокъ: три раза онъ встрѣчаетъ нищихъ и подаетъ имъ милостыню. Нищіе какъ будто введены въ сказку только за тѣмъ, чтобы оттѣнить какое-то побужденіе странствованія Кароля, которое сказкой не объяснено.

[1]) Die Thaten des Bogdo Gesser-chagan, S. 286.

[2]) Die Thaten, S. 272.

[3]) Гэсэру несетъ письмо отъ жены, которой угрожаетъ увозъ, сорока. Танг. тиб. окр. Китая, II, 19.

[4]) *Бильбасовъ*, Кириллъ и Меѳодій, 218.

[5]) *Гринченко*, l. c., вып. I, стр. 160.

[6]) Параллельныя черты угрорусской сказки о Каролѣ съ стихомъ объ Егоріи Храбромъ: 1) У Кароля три собаки; у Егорія или Юрія по великорусскому и малорусскому повѣрью три собаки или три хорта (въ заговорахъ отъ бѣльма); Егорій или Юрій съ своими собаками ѣдетъ или по *желѣзному* или по *золотому* мосту; въ одномъ варіантѣ вмѣсто Егорія старецъ съ 3 торбами и 3 ципками (*Фаминцынъ*, Божества древнихъ славянъ, стр. 323; *Ястребовъ* въ Лѣтописи Филолог. Общества при Новоросс. универс. III, Од., 1894, стр. 103; *Милорадовичъ* въ Кіевск. Старинѣ, 1900, мартъ, 378). 2) Кароль въ странѣ песиглавцевъ попадаетъ въ глубокую и темную пивницу, его освобождаютъ собаки; Егорій по приказанію гонителя царя (въ рязанскомъ сказаніи Змѣя Горюныча) брошенъ въ погребъ и заваленъ бревнами и кампями; вѣтры

Главному лицу въ сказкѣ приписывается нисхожденіе въ подземный міръ и поднятіе изъ него на верхъ; монгольскій Масангъ сначала опускается подъ землю, потомъ поднимается на небо [1]). Такое движеніе не могло быть выведено изъ наблюденій надъ Б. Медвѣдицей и Полярной звѣздой; представленіе о персонажѣ, опускающемся подъ землю и поднимающемся на небо (или на гору, на башню), могло возникнуть только изъ наблюденій надъ закатывающимися звѣздами; это будутъ Оріонъ, Плеяды и еще лучше мѣсяцъ, солнце, а также Венера, по монг. Цолмонъ.

Послѣдній эпизодъ въ сказкѣ объ Еруслан҃ѣ—онъ спасаетъ царевну, обреченную на съѣденіе Змѣя, оставляетъ ей драгоцѣнный камень и уѣзжаетъ въ Подсолнечное царство; оставленный камень долженъ послужить знакомъ, по которому отецъ узнаетъ своего сына, ожидаемаго отъ спасенной царевны; и дѣйствительно Еруспанъ встрѣчаетъ потомъ своего сына въ полѣ, не узнаетъ его, вступаетъ въ поединокъ, но наконецъ видитъ перстень, и поединокъ прекращается. Въ другихъ сказкахъ эпизодъ о царевнѣ, обреченной Змѣю, имѣетъ другой конецъ: царевна спасена героемъ, но подвигъ этотъ приписываетъ себѣ постороннее лицо; царевну хотятъ выдать замужъ за этого мнимаго освободителя; но приходитъ герой, царевна видитъ у него на рукѣ перстень, который она дала ему, разставаясь, узнаетъ въ этомъ пришельцѣ своего истиннаго избавителя и выходитъ за него замужъ. Двѣ эти схемы

разносятъ эту крышу могилы и Егорій выходитъ изъ ямы. 3) Кароль истребляетъ песиглавцевъ при помощи собакъ; въ рязанскомъ преданіи: „Егорій поѣхалъ въ лѣсъ, повстрѣчалъ здѣсь много волковъ и напустилъ ихъ на Брагима хана грознаго“ (Змѣя Горюныча); въ стихѣ: Въѣхалъ Егорій въ лѣса дремучи, встрѣлись Егорію волки рыскучи, гдѣ волкъ, гдѣ два; „соберитесь вы, волки! будьте вы мои собаки“! (*Аѳанасьевъ*, Нар. русск. легенды, Лондонъ, 1859, стр. 134 и 136). Въ записи Якушкина царь насильникъ, живущій въ Китай-городѣ, напускаетъ на Егорія стадо волковъ; Егорій велитъ имъ разойтись по степямъ и лѣсамъ и ѣсть Егорьево благословеніе, и затѣмъ разсѣкаетъ Змѣю-горюницу о 12 хоботахъ и убиваетъ царя въ Китай-городѣ (*П. И. Якушкинъ*, Сочиненія, изд. Михневича, Спб., 1884; стихъ № 3). 4) Кароль освобождаетъ царевну, обреченную чертямъ; Егорій спасаетъ царевну, обреченную змѣю. 5) Кароль освобождаетъ зачарованныя четыре души, которыя возносятся на небо въ видѣ голубей: душу старца отшельника и три души, которыя были заключены въ тѣла трехъ собакъ (Гэсэръ освобождаетъ изъ ада душу своей матери и на небо возносятся одновременно мать Гэсэра и три его сестры). Стихъ Егорія кончается освобожденіемъ матери и трехъ сестеръ; тѣло сестеръ иногда обросло шерстью; Егорій освобождаетъ ихъ отъ этого звѣринаго покрова (иногда приказываетъ искупаться въ Іорданъ рѣкѣ) Въ русской народной легендѣ у Аѳанасьева (Лонд., 1859, № 16, вар. с, стр. 67 и 70) солдатъ освобождаетъ изъ ада цѣлую толпу грѣшниковъ и ведетъ ихъ въ рай.

[1]) О Масангѣ говорится, что онъ въ моментъ, когда поднимался на небо, былъ разбитъ на семь кусковъ, которые обратились въ семь буддъ. Число семь намекаетъ на Б. Медвѣдицу, которая по монгол. назыв. Долонъ-бурханъ, т. е. семь буддъ (Будда монголы переводятъ Бурханъ-бакши), но распаденіе на части приписывается больше Плеядамъ.

расходятся въ томъ, что въ одной по камню или перстню узнаетъ послѣ разлуки близкаго человѣка мужской персонажъ (сынъ), въ другой—женщина (невѣста).

Сказки о коварномъ присвоеніи чужого подвига, разсказываемыя отдѣльно, часто начинаются съ того, что царевичъ вынужденъ своимъ коварнымъ слугой уступить этому слугѣ свои права, помѣняться съ нимъ своимъ званіемъ. Такъ въ верхоянской сказкѣ царевичъ, изгнанный отцомъ изъ царства, уходитъ вдвоемъ съ водовозомъ; дорогой царевичъ захотѣлъ пить, водовозъ опускаетъ его на веревкѣ въ колодезь, но хочетъ оставить его на днѣ колодезя, если царевичъ не обмѣнится съ нимъ своими правами. Царевичъ поневолѣ соглашается; они приходятъ къ другому королю; водовозъ поселяется во дворцѣ въ званіи царевича, а царевичъ становится конюхомъ. По коварнымъ совѣтамъ самозванца король обременяетъ истиннаго царевича неисполнимыми порученіями; царевичу однако помогаетъ покровительствующее ему существо (Пилигримъ); наконецъ, при помощи того же покровителя, царевичъ поочередно побиваетъ трехъ претендентовъ на руку царевны, которую обыкновенно вывозятъ на поле побоища; эти женихи—трехголовый, пятиголовый и семиголовый богатыри; въ первоначальной редакціи тутъ вѣроятно стояли трехъ, пяти и семиголовый Змѣи; очевидно, это видоизмѣненный эпизодъ о царевнѣ, вывозимой на съѣденіе Змію. Подвигъ спасенія царевны присвоиваетъ самозванецъ, но царевна узнаетъ своего истиннаго спасителя по своему платку, которымъ она перевязала его раненую руку [1]).

Французская сказка Le roi d'Angleterre et son filleul [2]) принадлежитъ къ варіантамъ этой сказки; въ ней также вынужденная уступка права на царское расположеніе, также это происходитъ у колодезя, затѣмъ также служба у иностраннаго короля, исполненіе по порученію этого короля опасныхъ порученій, накликанныхъ на царевича его врагомъ, самозванцемъ (онъ здѣсь горбунъ, и наконецъ благополучное исполненіе этихъ порученій при помощи покровителя гиганта, только послѣднихъ событій, битвъ съ женихами царевны въ этой сказкѣ не достаетъ.

Французская сказка начинается разсказомъ о королѣ, который на охотѣ заблудился, зашелъ въ одинокій домъ и тутъ сдѣлался воспріемникомъ новорожденнаго ребенка. Удаляясь, король оставляетъ ему крестикъ и наказываетъ родителямъ, когда ребенокъ выростетъ, чтобъ они послали его къ нему, и король по этому крестику будетъ знать, что это его крестникъ; это въ родѣ того, какъ Еруслапъ, оставляя камень индѣйской царевнѣ, велитъ, если родится сынъ, дать ему камень и послать его отыскивать отца,

---

1) Верхоянскій сборникъ, 268—288.
2) *Cosquin*, I, 43.

т. е. его, Еруслана; камень дастъ ему увѣренность, что это дѣйствительно его сынъ. Крестникъ короля принужденъ отдать королевскій крестикъ своему дорожному товарищу [1]) съ условіемъ при томъ, хранить все это втайнѣ до смерти, и только на третій день послѣ смерти подлинному королевичу разрѣшалось раскрыть истину. Самозванецъ водворяется въ королевскомъ семействѣ, а подлинный царевичъ на конюшнѣ. Послѣ нѣсколькихъ удачно исполненныхъ порученій короля, придуманныхъ коварнымъ самозванцемъ, самозванецъ, убѣждаясь, что этимъ путемъ не погубитъ королевича, убиваетъ его; королевна ищетъ тѣло убитаго, на третій день находитъ и воскрешаетъ королевича посредствомъ живой воды, которую тотъ самъ же принесъ въ одну изъ своихъ опасныхъ поѣздокъ. Такъ какъ три дня прошло послѣ смерти, то королевичъ открываетъ истину и получаетъ свои потерянныя права, а самозванецъ казненъ. Эпизода о царевнѣ, обреченной Змѣю, нѣтъ; онъ какъ будто отъ этой сказки отдѣлился, но въ сборникѣ Коскэна онъ все таки появился въ видѣ сказки Jean de l'Ours. Крестникъ англійскаго короля это Jean de l'Ours; вѣроятно объ немъ передавалось, что онъ былъ изгнанъ изъ царства, терялъ знакъ своего царскаго происхожденія, затѣмъ совершалъ рядъ опасныхъ порученій и, наконецъ, освобождалъ трехъ принцессъ, но три его товарища (тутъ три вмѣсто одного) присвоивали трудъ освобожденія себѣ; однако принцессы заблаговременно снабдили своего настоящаго спасителя золотыми шарами, по которымъ онѣ его потомъ и узнали.

Трехдневная смерть и воскрешеніе указываютъ, что подъ крестникомъ короля (а также можетъ быть и подъ Жаномъ-Урсомъ) скрывается луна; трехдневный промежутокъ между ущербомъ и новолуніемъ осмысленъ, какъ трехдневное пребываніе въ гробу. Этотъ мотивъ встрѣчается и въ ордынскомъ фольклорѣ. Чингисъ-ханъ приказалъ убить шамана Тубутъ-тэнгри, о которомъ говорили, будто онъ ѣздилъ на небо верхомъ на бѣлой лошади [2]). Тѣло убитаго было положено въ запертой юртѣ; къ юртѣ приставлена стража, но на третій день оно исчезло и дымовое отверстіе оказалось открытымъ, т. е. тѣло вознеслось черезъ дымовое отверстіе. Другой случай въ сказкѣ сѣверныхъ сибирскихъ татаръ объ Акъ-Кобокѣ; какъ Тубутъ соперникъ Чингиса, такъ

---

[1]) Въ кавказскомъ преданіи сынъ Рустема выѣзжаетъ искать своего отца со знаками, по которымъ отецъ долженъ узнать его, но встрѣтившійся ему дьяволъ въ видѣ женщины смѣется надъ нимъ, увѣряя, что подвѣшенные знаки придаютъ богатырю женственный видъ; богатырь прячетъ знаки запазуху или бросаетъ на землю, вслѣдствіе чего отецъ не узнаетъ сына и встрѣчаетъ его враждебно (*Вс. Миллеръ*, Экскурсы. стр. 43, 48, 51 и 53).

[2]) *Рошидъ*-Эддинъ, Исторія Монголовъ, перев. Березина въ Запис. Имп. Археол. Общ., т. XIV, Спб., 1858, стр. 159.

Акъ-Кобокъ соперникъ Киданъ-хана, сына Мангуша; Акъ-Кобокъ [1]); израненный въ войнѣ съ Киданомъ, ложится въ готовую могилу и говоритъ, что онъ на третій день воскреснетъ [2]).

Хожденіе шамана Тубута на небо вѣроятно отголосокъ шаманской обрядности; шаманская мистерія представляетъ или нисхожденіе шамана въ подземный міръ, въ царство Ерлика, въ царство мертвыхъ, или восхожденіе на небо (по алтайски въ царство Ульгеня) [3]). На небо шаманъ поднимается или на гусѣ, или по дереву. Послѣднее дѣйствіе изображается наглядно; во время камланья въ юртѣ ставятъ срубленный стволъ березы съ сдѣланными на немъ зарубками; зарубки это ступени, по которымъ шаманъ долженъ ступать; шаманъ дѣлаетъ примѣрныя движенія, будто онъ шагаетъ по ступенямъ [4]). Кромѣ того летательными средствами для шамана представляются бубенъ (будто бы шаманъ садится въ него и летаетъ по воздуху) и жезлы; послѣдніе имѣютъ на верхнихъ концахъ конскія головки и называются мори-харьбо, „конскія харьбо"; это кони, которые переносятъ шамана въ міръ духовъ. Представляется ли шаманскій плащъ летучимъ, мнѣ неизвѣстно. Въ царство Ерлика, царя ада, шаманъ по единственной извѣстной мнѣ записи ѣдетъ на лошади. Мнѣ не довелось узнать, изображается ли эта экскурсія шамана когда-либо въ видѣ опусканія на веревкѣ, а также изображается ли поднятіе шамана на небо на цѣпи.

Пріуроченіе этой темы къ Тубуту вызываетъ догадку, не было ли объ этомъ Тубутѣ и его соперникѣ Чингисѣ сказки въ родѣ тѣхъ, которыя связаны съ именами Еруслана и Jean de l'Ours. На параллели сказанія о Чингисѣ съ сказкой объ Еруслан я указалъ въ своей книгѣ „Вост. мотивы" [5]). Во французской сказ-

---

[1]) Акъ по-татарски бѣлый. Кобокъ ср. съ якутскимъ *куобахъ*, „заяцъ". Есть какія-то отношенія зайца къ мѣсяцу.

[2]) Сагайцы перенесли этотъ мотивъ на Амуръ-сарана, т. е. на послѣдняго джунгарскаго принца Амурсаву (*Radloff*, Proben, II, 385, преданіе о Шуно). Въ исторіи Морольфа трехдневная мнимая смерть жены Соломона; языческій царь подослалъ музыкантовъ, свѣдущихъ въ волшебствѣ; они даютъ царицѣ траву; взявъ ее въ ротъ, она становится, какъ мертвая. Призванный Морольфъ не вѣритъ ея смерти, видитъ тутъ колдовство и говоритъ: „Стерегите ее покрѣпче; бьюсь объ закладъ, что она еще уйдетъ отъ васъ". На третью ночь музыканты увезли царицу (*А. Н. Веселовскій*, Слав. сказан. о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 283—284).

[3]) Дева „мѣсяцъ" потибетски.

[4]) Въ бенгальской сказкѣ о женщинѣ, унесенной черезъ нору въ подземный міръ, герой вылазитъ изъ подземнаго міра по дереву *коу*, которое, подобно Масангу, самъ засѣваетъ. (*Cosquin*, I, 21). Въ русской сказкѣ горохъ выростаетъ до неба; по нему взбирается на небо человѣкъ и находитъ тамъ козу съ семью (вар. съ двѣнадцатью) глазами, которая караулитъ домъ (*Аѳанас.*, № 6, т. I, стр. 19, № 231, т. II, стр. 376). Ср. у Cosquin'a (II, 168) сказку „Le pois de Rome".

[5]) См. стр. 296—347.

кѣ Jean de l'Ours заказываетъ себѣ палицу у кузнеца, а иногда онъ служитъ у кузнеца подмастерьемъ [1]) и оказывается искуснѣе хозяина. Этотъ мотивъ очень распространенъ въ группѣ еруслановскихъ сказокъ, хотя въ сказкѣ о самомъ Еруслашѣ его нѣтъ. Кузница и кузнечное дѣло связаны съ именемъ Чингисъ-хана [2]) и вѣроятно этотъ мотивъ былъ и въ сказкѣ объ Еруслашѣ.

Въ приведенныхъ сказкахъ нерѣдко встрѣчается разсказъ о двухъ водахъ сильной и безсильной [3]). Когда герой, спустившись въ подземный міръ, находитъ здѣсь похищенную царевну, она учитъ его, какъ одолѣть чудовище; нужно переставить бочки съ водой; утомившись отъ боя, соперники кидаются къ водѣ, чтобы прохладиться, и чудовищѳ или змѣй пьетъ безсильную воду, не подозрѣвая, что бочки переставлены, а герой пьетъ сильную воду, становится сильнѣе противника и убиваетъ его. Въ верхоянской сказкѣ Пилигримъ поитъ царевича, которому онъ покровительствуетъ, сильной водой, и царевичъ, благодаря этому, побиваетъ три войска.

Въ восточномъ фольклорѣ точь въ точь такого мотива нѣтъ, но есть спаиваніе противника виномъ передъ битвой. Въ сборникѣ „Арджи-Барджи" Бикаръ Мадзади (въ моей устной записи Бэгэръ-Меджитъ) выставляетъ передъ битвой сосуды съ виномъ; противникъ его, царь шимнусовъ, выпиваетъ вино и обезсиливаетъ, а Бэгэръ обращается въ сто львовъ (арсланъ), нападаетъ на него, убиваетъ его шимнусовъ и его самого [4]).

Сказка о Бэгэръ-Меджитѣ напоминаетъ вышеприведенныя сказки и тѣмъ еще, что начинается зачатіемъ отъ съѣденной пищи. Вмѣсто ухи изъ щуки, отъ которой родится Бурза Воловичъ, вмѣсто горошины, отъ которой былъ зачатъ Горошекъ, здѣсь мука. Царица была бездѣтна; лама отшельникъ далъ ей тѣсто; она съѣла его, остатки вылизала служанка; у царицы родился сынъ Бэгэръ, у служанки Шялу [5]). Въ „Вост. мотивахъ"

---

[1]) *Cosquin*, I, 8.

[2]) См. Вост. мотивы, 420.

[3]) *Аѳанас.* I, 128, 133, 136. *Романовъ*, Бѣлорусск. сборникъ, т. I, в. 3, стр. 80, 83. *Чубинскій*, II, 208; (два камня, сильный и безсильный), II 209.

[4])Въ японской сказкѣ Sosano, освободитель обреченной на съѣденіе змѣю царевны, выставляетъ восемь горшковъ съ *Saki* (родъ водки); драконъ съ 8 головами прикладываетъ каждую голову къ горшку, напивается пьянъ и Sosano убиваетъ его. (*Cosquin*, I, 75). Это Бэгэръ-Меджитъ (Бикаръ-Мадзади), который выставилъ сосуды съ виномъ предъ тѣмъ, какъ идти въ бой съ царемъ шимнусовъ. Въ монгольской сказкѣ нѣтъ освобождаемой царевны, но обреченныя жертвы есть; населеніе было обязано ежедневно отдавать на съѣденіе царю шимнусовъ по сту человѣкъ съ благородной персоной во главѣ. Вѣроятно только отсутствіе обреченной царевны удержало Коскэна отъ присоединенія Бэгэра къ другимъ указаннымъ имъ параллелямъ.

[5]) Въ грузинской сказкѣ (Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и племен. Кавказа, т. X, отд. II, стр. 54—61) сюжетъ сказки Jean de l'Ours (Ломъ-каци встрѣчаетъ человѣка съ жерновомъ на ногѣ, догоняющаго зайца и другого,

я сдѣлалъ сближеніе этихъ персонажей съ найманами Хорису-Маджу и Тункъ-Шялъ, которые убиваютъ Ванъ-хана, противника Чингисъ-хана [1]). Если Бэгэръ и Хорису въ самомъ дѣлѣ тожественны, то значитъ и о Хорису можетъ быть предполагаемъ разсказъ, что онъ родился отъ съѣденнаго тѣста, какъ Горошекъ отъ проглоченной горошины.

Въ нѣкоторыхъ варіантахъ, какъ, напримѣръ, въ аварскомъ и имеретинскомъ, сынъ медвѣдя дебитируетъ со своей силой въ рубкѣ лѣса. Въ аварской царь посылаетъ богатыря Медвѣжье ухо рубить дрова; богатырь сразу столько нарубилъ, что завалилъ лѣсомъ городъ [2]). Въ имеретинской [3]) царь, чтобы отдѣлаться отъ необыкновеннаго силача, медвѣжьяго сына, посылаетъ его въ самый густой лѣсъ, срубить въ немъ срубъ для дворца и доставить къ старому дворцу; медвѣжій сынъ повалилъ вѣковыя деревья и исполнилъ приказъ царя. Во французской сказкѣ о сынѣ медвѣдя (Jean de l'Ours) этого мотива нѣтъ, но онъ есть въ сказкахъ Bénédicité и L'homme fort; герои этихъ сказокъ не выдаются за сыновей медвѣдя, но такое происхожденіе ихъ можно подозрѣвать.

Такой же дебютъ и русскаго былиннаго богатыря Ильи Муромца. Послѣ того, какъ онъ просидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ [4]) проходившіе старцы дали ему пить пива, и послѣ того онъ сталъ сильнымъ богатыремъ точно такъ же, какъ тотъ царевичъ, которому покровительствовалъ Пилигримъ верхоянской сказки. Получивъ возможность ходить, Илья отправляется корчевать лѣсъ. Вѣроятно и здѣсь сила эта только напугала родителей и они, вѣроятно, сами отослали его странствовать. Изъ сходства такого начала русской сказки съ началомъ кавказскихъ вытекаетъ заключеніе, что Илья Муромецъ такой же сынъ медвѣдя, какъ аварскій C'il'in, имеретинскій Леванъ Датвисшвили и ингушій Че уа.

который воруетъ яица; жизнь втроемъ; великанъ отнимаетъ обѣдъ у двухъ товарищей, но Ломъ-каци убиваетъ великана; спускъ въ подземелье, освобожденіе принцессы, измѣна товарищей; орлица выноситъ Ломъ-каци) соединенъ не съ мотивомъ неестественнаго союза медвѣдя съ женщиной, а съ мотивомъ неестественнаго зачатія въ родѣ монгольской сказки о Бэгэръ-Меджитѣ (Арджи-Борджи); царевна съѣдаетъ яблоко, служанка кожицу съ него; у царевны родится сынъ Арджеванъ, у служанки Ломъ-каци; этотъ послѣдній отвѣчаетъ Шялу монгольской сказки. Ломъ-каци убиваетъ великана (въ монгольской сказкѣ Бэгэръ, а не Шялу убиваетъ царя шимнусовъ; о томъ, что тутъ можно предполагать испорченную редакцію см. Вост. мотивы, 258), освобождаетъ царевну и выдаетъ ее замужъ за Арджевана. Коскэнъ указываетъ греческую сказку, которая представляетъ переходъ отъ сказки Jean de l'Ours къ египетскому роману о двухъ братьяхъ (*Cosquin*, I, 25).

1) Вост. мотивы, 236 и 251.

2) *Cosquin*, II, 113.

3) Сборн. мат. для оп. Кавк., XIX, отд. 2, стр. 3.

4) Въ сказкѣ, записанной въ Бретани, Petite Bageutte до сорока лѣтъ ничего не дѣлаетъ, потомъ обнаруживаетъ силу и уходитъ съ *желѣзной* „bageutte“ въ семьсотъ ливровъ вѣсомъ (*Cosquin*, I, 5).

Сказка объ Ильѣ Муромцѣ представляетъ нѣкоторыя параллели къ монгольской сказкѣ объ Иринъ-Сайнѣ. 1) Иринъ-Шайнъ [1]) въ алтайской сказкѣ по порученію царя приноситъ Ханкыри; царь испугался и проситъ отнести Ханкыри на прежнее мѣсто [2]); въ аварской царь, чтобы отдѣлаться отъ медвѣжьяго сына, посылаетъ его принести сначала чудовище „картъ", потомъ змѣя „аждахо"; богатырь приноситъ; царь, не ожидавшій этого, пришелъ въ ужасъ и проситъ отнести чудовище назадъ; Илья Муромецъ приноситъ ко двору князя Владиміра Соловья разбойника; князь перепугался. 2) Иринъ Сайнъ бьется съ братомъ и племянникомъ; Илья бьется съ сыномъ [3]); 3) Иринъ-Сайнъ влазитъ на лѣстницу, чтобы оттуда взглянуть на толпу непріятелей; Илья поднимается на гору, чтобы посмотрѣть на непріятельское войско. Если моя догадка вѣрна, что Иринъ-Сайнъ и Джиренше-шешенъ (Ерень-шешенъ) тожественны, то и еще одно совпаденіе получается. Джиренше-шешенъ (Джиренше-мудрецъ) посаженъ царемъ въ тюрьму, Илья также; правда, о Джиренше нѣтъ разсказа, что онъ въ трудную минуту выручилъ царя, какъ Илья Владиміра. Этой чертой судьба Ильи похожа на судьбу Акиря премудраго, только при Ильѣ нѣтъ загадокъ. Въ отношеніи загадокъ Акирь сходится не съ Ильей, а съ Джиренше-шешеномъ; Джиренше разгадываетъ, какъ и Акирь, царскія загадки, и при томъ есть одна почти тожественная съ загадкой, заданной Акирю. Я думаю, что поединокъ съ сыномъ потому и стоитъ въ былинѣ объ Ильѣ, что Илья есть русскій Иринъ-Сайнъ; бой Ильи съ Борисомъ-королевичемъ или съ Збутъ-королевичемъ, это бой Иринъ-Сайна съ Арсланомъ. Въ области тѣхъ же матеріаловъ, вѣроятно, найдетъ объясненіе и появленіе въ русской былинѣ Жидовина на мѣстѣ сына Ильи Муромца; едва ли это этнографическій терминъ. Въ виду того, что въ числѣ названій Больш. Медвѣдицы есть формы Джеты-ганъ, Жидиганъ и т. п., нужно подождать на-

---

1) Иринъ ср. съ *ирей*, „медвѣдь".

2) Очерки с. з. Монг., IV, 427.

3) Ibid 452. Въ малорусской сказкѣ, Илья Муринъ (т. е. Илья Муромецъ) спрашиваетъ у одной панны: „есть ли гдѣ сильнѣе меня и краше тебя?" Оказывается, что есть; это красавица, которая содержится за *двѣнадцатью* желѣзными дверями; чтобы жениться на ней, нужно убить 30 головаго змѣя; Илья обматывается пряжей, обливается смолой т. е. поступаетъ, какъ Кирила-Кожемяка кіевскаго преданія, бьется со змѣемъ и убиваетъ его (*Вс. Миллеръ*, Очерки русск. народн. словесности. Былины. М. 1897. Стр. 408). В. Ѳ. Миллеръ думаетъ, что еруслановскіе инциденты позднѣйшее наслоеніе на имя Ильи Муромца. Мнѣ кажется, сростаніе нѣкоторыхъ еруслановскихъ темъ съ героемъ, родившимся отъ медвѣдя или медвѣдицы, началось гораздо древнѣе, чѣмъ составился сводъ объ Ерусланѣ. Илья Муринъ узнаетъ, что какой-то богатырь выкололъ глаза его отцу и матери; для исцѣленія ихъ Илья достаетъ сердце чародѣйнаго богатыря. У *Романова*, III, стр. 85 и 87, Иванъ царевичъ встрѣчаетъ какихъ-то дѣда и бабу, у которыхъ змѣя выпила очи; онъ достаетъ средство исцѣлить глаза.

копленія преданій объ этомъ созвѣздіи и не торопиться съ сближеніемъ имени Жидовинъ съ именемъ жидъ. Можетъ быть Жидовинъ окажется славянизированнымъ аварскимъ Жидиганъ [1]).

Въ сказкѣ, записанной г. Эварницкимъ, Илья Муромецъ спасаетъ царевну, обреченную змѣю, но бондарь отрубаетъ ему голову и подвигъ приписываетъ себѣ; св. Петръ оживляетъ Илью; слѣдуетъ обличеніе самозванца [2]).

Въ „Вост. Мотивахъ" [3]) я сравнивалъ съ преданіемъ объ Ильѣ. сказку о Бормѣ-Ярыжкѣ; здѣсь прибавлю, что конецъ, который мы находимъ въ сказкѣ Эварницкаго, придается и Бормѣ и его эквивалентамъ; такой конецъ—спасеніе обреченной змѣю царевны, самозванство и обличеніе самозванца—находится въ сказкахъ 1) вологодской о Михайлѣ Трунщиковѣ, 2) самарской о Иванѣ Туртыгинѣ и 3) могилевской о Дикомъ Бурьмѣ [4]). На схему сказки

---

[1]) Въ греческой былинѣ отецъ богатыря Армури въ плѣну у саракиновъ сидитъ въ темницѣ; но подвиги Армури (бой съ саракиномъ у рѣки, битва съ саракинскимъ войскомъ) наводятъ страхъ на саракинскаго эмира, онъ измѣняетъ свое обращеніе съ узникомъ, угощаетъ его, освобождаетъ изъ темницы, отсылаетъ къ сыну и обѣщаетъ отдать за сына свою дочь (*В. Ѳ. Миллеръ*, Очерки, 334). Это сходно съ татарской былиной объ Ала-Картагѣ; братья Темусы увезли въ плѣнъ отца Ала-Картаги, Акъ-хана и посадили его въ яму, но подвиги Ала-Картаги (бой съ Джедай-ханомъ) напугалъ ихъ, и они отпускаютъ Акъ-хана изъ неволи, ѣдутъ на встрѣчу къ Ала-Картагѣ съ подарками. А. Н. Веселовскій думаетъ, что далѣе въ греческой былинѣ былъ разсказъ о поединкѣ отца съ сыномъ, г. Миллеръ отклоняетъ это предположеніе. Въ побочныхъ варіантахъ, однако, можно допустить вмѣсто мирной встрѣчи отца съ сыномъ поединокъ по недоразумѣнію, какъ это и имѣетъ мѣсто въ былинѣ о Саурѣ Ванидовичѣ. Въ приведенныхъ выше татарскихъ сказкахъ мы находимъ во первыхъ столкновеніе Ала-Картаги съ Джедай-ханомъ, во вторыхъ Картыги съ Сэдэй-мэргэномъ, но сказки не дѣлаютъ ихъ родственниками. Сэдэй-Мэргэнъ, возвращаясь на родину, встрѣчаетъ въ полѣ свою дочь и не узнанъ ею съ перваго раза, но этотъ инцидентъ не принадлежитъ къ категоріи встрѣчъ съ поединкомъ; это другой типъ встрѣчъ, въ родѣ встрѣчи Одиссея съ отцомъ Лаэртомъ.

[2]) *А. Веселовскій*, Мелкія замѣтки къ былинамъ въ Журн. М. Н. Просв, ч. CCLXIX, отд. 2, стр. 63.

[3]) Стр. 701.

[4]) *Ждановъ*, Русскій былевой эпосъ, 5 и 9; *Иваницкій*, Матер. по этн. Волог. губ., стр. 165 (Изв. Моск. общ. люб. естествоз., антр. и этн., т. LXIX); *Садовниковъ*, Сказки и пред. самарск. края, стр. 22—27; *Романовъ*, Бѣлорусск. сборн., в. 3., № 28, стр. 205. Въ вологодской и могилевской сказкахъ герой сказки (Трунщиковъ или Дикій Бурьма), везущій царскія инсигніи, въ одномъ мѣстѣ останавливается отдохнуть и засыпаетъ; товарищи уплываютъ на кораблѣ съ добытыми вещами и выдаютъ себя за виновниковъ пріобрѣтенія ихъ; истинный ихъ пріобрѣтатель просыпается только черезъ *три дня* (такъ въ могилевскомъ варіантѣ у Романова). Въ православное царство Дикаго Бурьму переноситъ левъ, которому онъ оказалъ услугу въ борьбѣ съ змѣемъ (эпизодъ, отвѣчающій борьбѣ двухъ быковъ, чернаго и бѣлаго въ монгольской сказкѣ о Масангѣ). Борьба льва съ змѣемъ описывается и въ другомъ могилевскомъ варіантѣ (о проворной Ярыжкѣ), и въ самарской сказкѣ, но въ обоихъ случаяхъ забытъ вѣроломной поступокъ товарищей. Во всѣхъ однако случаяхъ благодарный левъ доставляетъ героя сказки на мѣсто.

о Бормѣ похожа схема былины о Васильѣ Буслаевѣ. Борма ѣдетъ втроемъ; и Буслаевъ ѣдетъ втроемъ; Борма перелазитъ черезъ змѣя, замѣняющаго городскую стѣну; Буслаевъ поднимается на Сорочинскую гору; на обратномъ пути Борма запнулся на вершинѣ змѣинаго хребта; Буслаевъ запнулся на Сорочинской горѣ, у камня Алатыря. Василій Буслаевъ никакихъ святынь изъ Іерусалима, не принесъ; но три святыни въ новгородскихъ преданіяхъ были, только они попали повидимому въ другое народное сказаніе, именно въ сказаніе о сорока каликахъ которые принесли изъ Іерусалима чашу, копкарь и скатерть „во веки имъ кормленіе“ [1]).

Но можетъ быть тотъ же мотивъ вставлялся и въ былину о Васильѣ Буслаевѣ или сказаніе о сорока каликахъ можетъ быть ставило его атаманомъ каликъ. Въ одномъ варіантѣ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ одинъ изъ трехъ пословъ императора, идущихъ въ Вавилонъ, называется Васильемъ-русеникомъ [2]). Г. Ждановъ указываетъ на сказку у Афанасьева [3]), въ которой какой то Весельчакъ отправляется въ змѣиный городъ доставить мазь, чтобы исцѣлить больные глаза царевны; онъ перелазитъ черезъ змѣя, облегавшаго городъ вмѣсто стѣны, находитъ подъ камнемъ мазь и убѣгаетъ съ нею, спасаясь отъ погони [3]),—слѣдовательно это варіантъ сказки о Бормѣ. Имя Весельчакъ, можетъ быть, вызвано созвучіемъ съ именемъ Василій.

Жизненный дебютъ Василья Буслаева напоминаетъ Jean'a de l'Ours; во время игръ онъ „у кого руку оторветъ, у кого голову росколетъ“. Мать отдала его учиться къ старчищу Угрумищу „листы писать“. Однажды Угрумище созвалъ гостей на пиръ, а Буслаева не позвалъ; Буслаевъ пришелъ на пиръ не званый, „изъ передняго угла гостей повыхваталъ, со скамеечки повыдергалъ, проводилъ на новы сѣни чернымъ вязомъ“ [4]). Во французской сказкѣ подобная сцена происходитъ въ школѣ; Jean de l'Ours цѣлую лавку учениковъ однимъ ударомъ высадилъ изъ за стола, а учителя выбросилъ въ окно [5]).

Обзоръ матеріала, которымъ я воспользовался для этой статьи, приводитъ къ заключенію во 1-хъ, что сказка объ Еруслanѣ вышла изъ сказки о медвѣжьемъ сынѣ, во 2-хъ, что она относится къ звѣздному эпосу. На нѣкоторыя звѣзды, какъ напримѣръ на Венеру, на луну есть въ приведенныхъ мною сказкахъ прямыя указанія; въ другихъ случаяхъ звѣзду или созвѣздіе легко уга-

---

[1]) *Вс. Ѳ. Миллеръ*, „Къ былинѣ о сорока каликахъ со каликою“ въ Журн. М. Нар., Пр., 1899, августъ (CCCXXIV), стр. 489.

[2]) *А. Веселовскій* Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ стр. 133 (Славянскій Сборникъ т. III).

[3]) *И. Н. Ждановъ*, Русск. былев. эпосъ, 18.

[4]) *Афанасьевъ*, № 176 (II т. стр. 256).

[5]) Cosquin, I, 2.

дать по обстоятельствамъ, въ которыхъ выведено дѣйствующее лицо. Для нѣкоторыхъ сказокъ главную роль при созданіи сюжета играло, повидимому, наблюденіе надъ небесными свѣтилами, при чемъ движеніе свѣтила или явленіе, происходившее съ нимъ, осмысливалось при помощи явленій въ жизни людей и звѣрей на землѣ. Напримѣръ было замѣчено движеніе одного созвѣздія вслѣдъ за другимъ, какъ бы по пятамъ его; ему придавался смыслъ погони охотника за оленемъ или преслѣдованія оленя хищнымъ звѣремъ. Примѣры того, что звѣзды представлялись звѣрями, не рѣдки; народное повѣрье видитъ въ нихъ лосей, оленей, волковъ, собакъ. Было и обратное воздѣйствіе; представленіе, возникшее изъ наблюденія надъ небомъ, могло переноситься на землю. Такъ напримѣръ, замѣтивъ неподвижное положеніе Полярной звѣзды, человѣкъ нашелъ параллельное къ нему явленіе въ образѣ жизни летучей мыши, неподвижно прижавшись къ скалѣ, проводящей день; затѣмъ, связавъ съ Полярной звѣздой прочность мірозданія, признавъ въ ней залогъ того, что небо не обрушится на землю, человѣкъ перенесъ это представленіе на летучую мышь и создалъ легенду, будто летучая мышь воображаетъ, что она поддерживаетъ скалу отъ паденія, иначе скала упадетъ и задавитъ людей.

Имена созвѣздій иногда смѣшиваются. Еще болѣе смѣшенія между созвѣздіями нужно ожидать въ сюжетахъ, пріуроченныхъ къ нимъ. Такъ напримѣръ, разсказъ о подъемѣ дѣйствующаго лица въ сказкѣ на гору или опусканіе его въ подземелье можетъ быть выведено изъ наблюденія надъ свѣтиломъ, восходящимъ къ зениту или заходящимъ за горизонтъ, но такое явленіе наблюдается и надъ Венерой, и надъ Плеядами, и надъ Оріономъ, и надъ луной, и надъ солнцемъ. Есть, впрочемъ, явленія, связанныя только съ опредѣленными свѣтилами. Такъ напримѣръ, неподвижное положеніе замѣчается только у Полярной звѣзды; разсѣченіе тѣла пополамъ или періодическое убываніе тѣла и нароставіе его можетъ быть выведено только изъ наблюденія надъ фазами луны; движеніе противъ теченія—изъ наблюденій надъ Большой Медвѣдицей; вѣчное движеніе взадъ и впередъ, какъ маятникъ (напр. представленіе о вѣчномъ перевозчикѣ) только изъ наблюденій надъ тѣмъ же созвѣздіемъ. Но въ теченіе вѣковъ традиція нарушилась, утратилось пониманіе связи между сказкой и той реальностью, которая въ ней прежде подразумѣвалась, особенно при переходѣ сказанія въ чужую народность безъ перевода собственныхъ именъ, и тогда явилась возможность и детали, выведенныя изъ наблюденія надъ фазами луны, и детали, идущія изъ наблюденія надъ Б. Медвѣдицей, или Плеядами, или Полярной звѣздой, соединять на одномъ дѣйствующемъ лицѣ, не имѣя повода усматривать тутъ нелогичность. Въ виду этого разоблаченіе сюжетовъ возможно только въ извѣстныхъ границахъ. Нельзя, напримѣръ, сказать, что Еруславъ вотъ такая-то звѣзда или такое-

то созвѣздіе. Возможно открытіе генезиса только инцидента, а не сказки.

На протяженіи статьи нерѣдко дѣлались указанія то на ту, то на другую звѣзду. Здѣсь, на послѣднихъ страницахъ статьи, я хочу свести вмѣстѣ эти указанія. Чаще всего мнѣ приходилось указывать на Полярную звѣзду. Въ „Вост. мотивахъ“ я высказалъ мнѣніе, что съ этой звѣздой были связаны эсхатологическія темы. По одному народному повѣрью семь звѣздъ Большой Медвѣдицы—это семь волковъ, которые гонятся за лошадью, привязанной къ приколу, а подъ послѣднимъ подразумѣвается Полярная звѣзда, которая въ разныхъ частяхъ орды такъ и называется Желѣзный колъ или Золотой колъ. Когда волки догонятъ лошадь, конецъ міра. По другому повѣрью міръ погибнетъ отъ водъ, которыя изольются изъ отверстія, пока заткнутаго камнемъ. Есть къ этому представленію параллельное, впрочемъ не связанное съ идеей о кончинѣ міра—воды изливаются изъ отверстія, сдѣланнаго въ земной поверхности посредствомъ *желѣзнаго* посоха; посохъ былъ воткнутъ въ землю и вынутъ, изъ пробитаго имъ отверстія потекли воды и образовали море. Предполагая для всѣхъ этихъ представленій одно общее происхожденіе, я прихожу къ заключенію, что въ Полярной звѣздѣ иногда видѣли камень или колъ, которымъ было закупорено отверстіе, ведущее къ хранилищу водъ, угрожающихъ всеміpнымъ наводненіемъ [1]).

Къ той же группѣ представленій слѣдуетъ отнести и представленіе объ отверстіи, сдѣланномъ также посохомъ, но изъ котораго на землю извергаются не воды, а гады, гнусъ и всякое подобное зло; отверстіе это дѣлаетъ Ерликъ, царь ада [2]). Это представленіе можетъ быть принято за переходъ къ другому, къ представленію объ отверстіи, ведущемъ въ подземный міръ, обитаемый нечистыми духами (въ царство Ерлика). Сюда примкнутъ тѣ инциденты въ сказкахъ, въ которыхъ герой отваливаетъ камень, прикрывающій отверстіе, спускается въ подземное царство и тамъ вступаетъ въ поединки съ злыми силами, похитителями царевенъ (въ переводѣ на языкѣ тюркомонгольскихъ повѣрій, съ споспѣшниками Ерлика, похищающими на землѣ человѣческія души и прячущими ихъ въ казематахъ ада). Иначе сказать, Полярная звѣзда представлялась отверстіемъ, ведущимъ въ другой міръ, гдѣ живетъ злое существо, насылающее на людей смерть. *Бѣлая* плита, подъ которую уходитъ баба-яга, *бѣлый* камень, подъ который уходитъ Норка-звѣрь, *желѣзная* плита, подъ которую уходитъ птичка, золотой хохолокъ [3]), это образы, въ которые на-

---

[1]) Вост. мотивы, 363; Танг.-тиб. окр. Китая, II, 211—214 и 331. По якутскому повѣрью не Полярная звѣзда, а Плеяды отверстіе въ небѣ чѣмъ-то заткнутое; когда оно отмыкается, на землю дуютъ вѣтры (Вост. мотивы, 325, 571).

[2]) Вост. мотивы, 569.

[3]) *Афанасьевъ*, изд. 1897, т. I, стр. 132.

родное воображеніе превратило Полярную звѣзду. Злая сила уноситъ черезъ это отверстіе въ темный міръ царевну, и иногда тамъ приковываетъ ее цѣпями; представленіе о подземномъ мірѣ переходитъ въ представленіе о темницѣ съ заточенной царевной [1]). Заточеніе въ темницѣ можетъ толковаться въ сказкѣ, какъ возмутительное насиліе или какъ наказаніе за преступленіе [2]). Иногда же это не темница, а погребъ, куда спрятаны дѣти, чтобы спасти ихъ отъ злого существа, которое умышляетъ унести ихъ; или пещера, въ которой укрывается бѣглецъ (я припоминаю въ этомъ случаѣ Чингисъ-хана монгольскаго преданія, собственно Темучина, а также Балъ-Дорчжи тибетскаго преданія, убившаго царя Ландарму, прячущихся въ пещерѣ).

Въ одной сказкѣ возлѣ отверстія, ведущаго въ подземный міръ, помѣщается столбъ, но онъ не запираетъ входъ, а врытъ для того, чтобы герой могъ привязать къ нему веревку, на которой онъ долженъ спуститься въ подземелье. Тутъ связь столба съ отверстіемъ иная, чѣмъ въ предыдущихъ преданіяхъ, но эта версія показываетъ, что дѣло идетъ о какой то реальности, которая представлялась и въ видѣ отверстія и въ видѣ столба.

Столбъ иногда замѣняетъ темницу. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ сказокъ сестра измѣнница въ наказаніе за измѣну выставлена на *каменномъ* столбѣ; въ варіантахъ этой сказки она помѣщена на вершинѣ дуба (и оттуда свергнута) или привязана

---

[1]) Подъ прикованной цѣпями царевной могла подразумѣваться Больш. Медвѣдица, которая покиргизски назыв. Джиты-Каракше, а на другомъ тюркскомъ нарѣчіи, алтайскомъ, *каракчинъ* значитъ „красавица". У алтайцевъ есть сказка объ Очу-Каракчинъ, „Злой красавицѣ", у которой *семь* братьевъ. Въ русской былинѣ Змѣй Горынычъ унесъ Марью Дивовну за рѣку Пучай и заключилъ въ пещеры бѣлокаменныя. Въ сказкѣ объ Еруслане Ѳеодулъ-Змѣй утекаетъ за море въ каменныя ворота. У Афанасьева въ сказкѣ № 71, вар. *Б* входъ въ пещеру, т. е., въ подземное царство имѣетъ видъ *желѣзной* двери (изд. 1897, I, 127). Заточенныя собаки представлялись или сидящими на цѣпи, вѣроятно прикованными къ столбу т. е. къ Полярной звѣздѣ, или запертыми въ (каменномъ) домѣ; онѣ пытаются освободиться и (или грызутъ цѣпи или) грызутъ каменныя двери; отсюда какъ будто можно догадываться, что Полярная звѣзда представлялась или столбомъ, или дверями, или воротами, иногда каменными, иногда желѣзными. „*Желѣзныя* ворота" очень распространенное народное представленіе и часто встрѣчается, какъ названіе урочища (Темиръ-капу потурецки, Тѣ-мынь покитайски). Народному преданію извѣстны также и „*Золотыя* ворота".

[2]) Въ разныхъ варіантахъ сказки о сестрѣ-измѣнницѣ встрѣчается представленіе о деревѣ, къ которому выставлена измѣнившая женщина, но въ нѣкоторыхъ заточеніе терпитъ и человѣкъ, потерпѣвшій отъ измѣны. Такъ у Романова, въ № 5 „Юда беззаконный чортъ" вар. *а*, сестра-измѣнница, въ союзѣ съ Юдой, кладетъ убитаго брата въ бочку, нагоняетъ на нее двѣнадцать обручей и бросаетъ ее въ море (стр. 59); въ № 7 Иванъ Ивановичъ, руській царевичъ, брошенъ сестрой измѣнницей въ боченкѣ въ море (стр. 65); въ варіантѣ къ этой сказкѣ несчастный братъ защемленъ въ расщепленной на двое соснѣ (стр. 66).

къ дереву, въ одномъ случаѣ привязана къ явору [1]. Въ другихъ сказкахъ привязаннымъ является несправедливо страдающій; Ай-долей пригвожденъ семью гвоздями къ землѣ у основанія столба, который служитъ коновязью. Иногда положеніе на деревѣ не мотивируется, какъ казнь; это просто мѣсто жительства. Такъ въ русскихъ сказкахъ Дивій мужъ сидитъ на дубѣ, на границѣ царства; очевидно это пограничный сторожъ; его замѣститель въ варіантѣ Полугримъ сидитъ на столбѣ, а въ верхоянской сказкѣ Пилигримъ, онъ же и *золотой* человѣкъ, содержится въ тюрьмѣ не какъ преступникъ, а какъ диковинка. Въ алтайской сказкѣ Тарданакъ сидитъ на *желѣзномъ* деревѣ.

Посохъ, вбитый въ землю, сливается съ деревомъ. Въ кавказскомъ преданіи объ Амиранѣ костыль, который Христосъ вбиваетъ въ землю, пускаетъ глубокіе корни и превращается въ дерево, и Амиранъ напрасно старается раскачать дерево и вырвать его; если это ему, однако, удастся, будетъ конецъ міра. Встрѣчаются преданія о мечѣ, всаженномъ въ землю или въ скалу, о ножѣ, всаженномъ въ тѣло оленя, и никто, кромѣ героя сказки, не можетъ его извлечь. Мечъ Навуходоносора былъ заложенъ въ городскую стѣну (вмѣсто стѣны служилъ обложной змѣй), и когда онъ былъ вынутъ, послѣдовалъ конецъ жизни въ Вавилонѣ.

Преданіе о Тарданакѣ, сидящемъ на *желѣзномъ* деревѣ и о Джельбегенѣ, который вырвалъ его вмѣстѣ съ деревомъ и вмѣстѣ съ деревомъ несетъ по воздуху, имѣетъ, можетъ быть, свои отраженія въ разсказахъ о Дзміѣ, который носится по воздуху съ дубомъ и прицѣпившимся къ нему Кыріякомъ, Кобылячьимъ сыномъ [2], о Вихорѣ, который летаетъ съ тростью и ухватившимся за нее Арикадъ-царевичемъ, и о Вихрѣ, носящемся съ палицей, за которую держится Иванъ-царевичъ.

---

1) Иногда, помѣстивъ измѣнницу на вершинѣ дерева, сбрасываютъ ее оттуда, встряхнувъ дерево. Вейнемейненъ садитъ и выращиваетъ дубъ; когда Ильмариненъ влѣзъ на него, Вейнемейненъ потрясъ за стволъ и Ильмариненъ улетѣлъ въ Похіолу. Мотивъ сверженія съ высоты не разъ встрѣчается въ ламайскихъ легендахъ о кающемся грѣшникѣ, который потомъ становится богомъ Майдари (Вост. мотивы, 511); грѣшникъ приходитъ къ отшельнику, загордившемуся своей святостью; гордый святой искушаетъ пришельца предложеніемъ броситься со скалы въ пропасть. Въ легендѣ о Мила-райбѣ, кажется также совершающемъ трудъ покаянія, сверженіе не со скалы, а съ крыши храма (Танг. тиб окр. Китая, II, 374).

2) *Манжура*, Сказки, стр. 43. Дзмій вырываетъ съ корнемъ дубъ, въ трещину котораго была ущемлена его борозда, и уходитъ въ подземелье; Кыріякъ спустился подъ землю и ухватился за дубъ; дзмій вынесъ его на верхъ (вѣроятно на небо). Я думаю, что тутъ дзмій, какъ злое существо, стоитъ на мѣстѣ Джельбегеня, а подъ Кыріякомъ подразумѣвается мѣсяцъ. Ср. съ повѣрьями и преданіями о Кирикѣ; по одному преданію онъ брошенъ матерью въ огонь, чтобы спасти Христа отъ преслѣдующихъ жидовъ, но остался невредимъ; харьковское преданіе не знаетъ имени Кирикъ, а называетъ сгорѣвшаго мальчика Папарымомъ и говоритъ, что онъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ умираетъ, но вмѣстѣ съ мѣсяцемъ и родится. Если Кирикъ тожественное лицо

Въ одномъ преданіи мнѣ встрѣтилась булава, всаженная въ землю [1]). Въ большинствѣ случаевъ съ палицей не связана идея о неподвижномъ положеніи. Есть только разсказы о томъ, какъ герой пробуетъ только что скованную желѣзную палицу, бросаетъ ее къ небу, и она, при паденіи, глубоко входитъ въ землю, но герой вытаскиваетъ ее изъ земли и странствуетъ съ нею.

Въ рядѣ сказокъ вмѣсто подземнаго царства гора, т. е. все то, что герой находитъ въ подземномъ царствѣ, здѣсь также помѣщается около Полярной звѣзды, только Полярная звѣзда представляется не отверстіемъ, ведущимъ въ подземелье, а вершиной горы; на эту гору перенесены и эпитеты съ звѣзды; вмѣсто именъ Золотой или Желѣзный колъ образовались имена: Золотая гора или Желѣзная гора. Чтобы попасть туда, герой долженъ не опускаться, а подниматься. Иногда онъ поднимается по дереву, которое выростаетъ изъ косточекъ, имъ же самимъ посаженныхъ, и вершиной достигаетъ до неба (въ отрывкахъ можетъ быть отъ этой же сказки выростаетъ горохъ до неба и по нему взбирается на небо старикъ); по тому же дереву онъ могъ и спуститься. Но въ другихъ случахъ герой слетаетъ внизъ съ горы на трости,—это та же трость, вѣроятно, съ которою летаетъ Вихорь и которая замѣщается въ варіантахъ дубомъ или палицей, только въ послѣднихъ случаяхъ этой трости или палицѣ не приписывается летучести,—или по полотну, спущенному съ Золотой горы [2]). Эквивалентами этого средства являются *желѣзная* цѣпь, посредствомъ которой Масангъ поднимается на небо [3]), паутина, по которой спускается съ неба паукъ и которая немного не достигаетъ до земли [4]). Алтайское повѣрье знаетъ Золотую гору, подошва которой на небѣ, а вершиной она обращена къ землѣ и только на локоть не достигаетъ до земной поверхности.

Большая Медвѣдица должна отразиться въ сказаніяхъ особенностью своего состава; созвѣздіе состоитъ изъ семи звѣздъ, и дѣйствительно число семь встрѣчается въ сказкахъ очень часто. Нѣкоторые случаи безъ затрудненія могутъ быть сведены съ Больш. Медвѣдицей, наприм. семь хортовъ Иванъ-царевича, семь собакъ

съ харьковскимъ Папарымомъ, то, значитъ, о Кирикѣ говорили, что онъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ умираетъ и вмѣстѣ съ нимъ родится. Сагайское повѣрье приписываетъ ту же судьбу Джедай-Хану. Большая Медвѣдица называется у разныхъ тюрковъ: Джеты-гань, Джеты-Каракше, Джеты-Каракъ (см. Вост. мотивы, 459; Этн. Обозр., кн. XX, стр. 108).

1) Вост. мотивы, 549.

2) Въ Лассѣ, по разсказамъ паломниковъ, ежегодно совершается обрядъ—по протянутому канату со скалы на дно долины спускается лама, одѣтый птицей Ханъ-Гариди; кажется, это совершается въ 3-ій день 2-ой луны; см. Nouveau Journ. asiatique 1829, t. IV, p. 143.

3) Интересны повѣрья осетинъ, соединенныя съ цѣпью, на которой котелъ подвѣшивается къ потолку сакли.

4) Вост. мотивы, 407.

Джедай-хана близкое представленіе къ киргизскому о Б. Медвѣдицѣ, которое видитъ въ созвѣздіи семь волковъ. Семь богатырей, приставленныхъ караулить Айдолея, пригвожденнаго при основаніи коновязнаго столба, также сильно намекаютъ на ордынскія представленія о Б. Медвѣдицѣ, какъ о семи человѣкахъ, которые скрадываютъ лошадь, прикованную къ желѣзному столбу, т. е. Полярной звѣздѣ, или въ варіантѣ—караулящихъ, чтобъ ее не украли.

Остяцкое представленіе нѣсколько отклоняется отъ киргизскаго; по послѣднему семь звѣздъ или семь воровъ преслѣдуютъ лошадей, которыя ходятъ кругомъ Полярной звѣзды; остяки говорятъ, Б. Медвѣдица это лось, за которымъ гонится богатырь (Тункъ-похъ, который вмѣстѣ съ мѣсяцемъ родится, вмѣстѣ съ нимъ и умираетъ, какъ Джедай-ханъ); по варіанту лось представленъ только четырьмя звѣздами созвѣздія, а остальныя три—три охотника, преслѣдующіе лося. Я выше высказалъ предположеніе, что въ степномъ фольклорѣ мѣсто лося долженъ былъ занять конь, такъ что въ ордѣ вмѣсто погони за лосемъ были разсказы о ловлѣ коня, и вотъ эти-то разсказы вошли въ сказку объ Еруславѣ. Въ этомъ эпизодѣ обыкновенно появляется царскій пастухъ Ивашка, но ловитъ коня самъ Еруславъ; въ монгольской же сказкѣ объ Иринъ-Сайнѣ ловитъ коня пастухъ [1]), а не самъ Иринъ-Сайнъ; въ русской сказкѣ ловитъ коня Иванъ-царевичъ. Въ сказкѣ объ Еруславѣ имя Иванъ съ главнаго героя перешло на второстепеннаго, а ловля коня осталась при главномъ героѣ.

Вліяніе Оріона можно угадывать тамъ, гдѣ число три, наприм. три ели въ урянхайской сказкѣ, на вершину которыхъ спаслись убѣжавшія отъ Джельбаги дѣти, три придорожныя дѣвицы (три сестры Гэсэра), три собаки, три дикозинки.

Въ Плеядахъ народное представленіе видитъ гнѣздо съ птенцами; въ сказкахъ мы часто встрѣчаемъ дерево, на вершинѣ котораго гнѣздо съ орлятами; орлица на своей спинѣ выноситъ героя въ верхній міръ [2]).

---

[1]) По русскому повѣрью, сохранившемуся въ загадкахъ, пастухомъ представлялся мѣсяцъ, по монгольскому звѣзда Цолмонъ, т. е. Венера; см. Вост. мотивы, 192.

[2]) Къ приведеннымъ выше примѣрамъ этого представленія можно присоединить еще одинъ изъ румынской сказки. Бездѣтный старикъ съѣлъ яблоко, заснулъ и, пробудившись, нашелъ возлѣ себя дѣвочку; ее уноситъ грифъ въ свое гнѣздо на деревѣ; изъ колодезя высовываетъ голову змѣй и хочетъ съѣсть птенцовъ сидящихъ въ гнѣздѣ; ангелъ убилъ змѣя; грифъ выкармливаетъ дѣвочку; царевичъ, охотившійся, хотѣлъ стрѣлять по грифятамъ, увидѣлъ дѣвочку и женился на ней (*Веселовскій*, Разысканія, X, 422). Г. Веселовскій сближаетъ эту сказку съ апокрифическимъ преданіемъ объ императорѣ Фануилѣ и его сенешалѣ Іоакимѣ; отъ сока яблока колѣно Фануила набухло и разрѣшилось дѣвочкой; по приказанію императора дѣвочка была отнесена въ лѣсъ; положенная въ гнѣздо лебедей, она выросла вмѣстѣ съ птицами; во время охоты Фануилъ находитъ ее и выдаетъ за Іоакима. Эта дѣвочка была св.

По бурятскому преданію Млечный путь образовался изъ молока небожительницы, которое она разлила, осердившись на Гэсэра, похитившаго у нея эрдени. Я думаю, что это молочное море имѣло цѣлью задержать убѣгавшаго вора; оно вѣроятно образовалось впереди Гэсэра. Въ другихъ случаяхъ или передъ убѣгающимъ, или между нимъ и преслѣдующей его погоней внезапно возникаетъ рѣка (какъ въ египетскомъ романѣ о двухъ братьяхъ Анпу и Битью, въ кавказской сказкѣ о Колой-Кантѣ и орхустойцахъ). Въ вышеприведенныхъ сказкахъ встрѣчается представленіе, которое, можетъ быть, относится къ той же реальности, какъ и молочное море; это борозда, которая проводится плугомъ, запряженнымъ змѣемъ; но мотивовъ, которые представляли бы переходъ отъ молочнаго моря или рѣки къ этой бороздѣ, я указать не могу. Пропаханная на змѣѣ борозда преданьемъ отожествляется съ Зміевымъ валомъ, который указываютъ около Кіева. Въ Монголіи встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ остатки вала Чингисъ-хана. Это по одному преданію ровъ, вырытый для свадебнаго поѣзда; по другому это дорога, насыпанная для проѣзда Чингисъ-хана въ то время, какъ онъ объѣзжалъ кругомъ свое царство. По нѣкоторымъ намекамъ этого преданія въ немъ дѣло идетъ не объ историческомъ Чингисъ-ханѣ, а о какомъ-то деміургѣ, который, повидимому, объѣзжалъ не царство, а всю землю и при этомъ творилъ (по собраннымъ мною въ послѣднюю поѣздку показаніямъ). Въ эпизодахъ объ убѣгающемъ отъ погони героѣ или объ убѣгающихъ дѣтяхъ иногда внезапно появляется не рѣка, а мостъ черезъ рѣку или море, и убѣгающіе переходятъ по мосту; это переходъ отъ представленія о рѣкѣ къ представленію о дорогѣ [1]).

Въ русскихъ сказкахъ при разныхъ случаяхъ появляется мельница, представленіе, внушенное, можетъ быть, зрѣлищемъ небеснаго свода, вращающагося вокругъ Полярной звѣзды. Въ однихъ сказкахъ сестра-измѣнница посылаетъ брата достать муки или мучной пыли изъ мельницы, въ которой мелятъ черти; у этой мельницы двѣнадцать дверей (удвоеніе числа шести, что намекаетъ

Анна. Дерево, на которомъ росли яблоки, было крестное дерево, оно не тожественно съ тѣмъ деревомъ, на которомъ сидѣла св. Анна, но крестное дерево также представлялось иногда съ сидящимъ на немъ младенцемъ (Разысканія, IV, 60 и слѣд.), Крестное дерево было срублено Соломономъ. Въ урянхайской сказкѣ о Джельбагѣ, приведенной выше, три дѣвочки, сидящія на вершинахъ трехъ деревьевъ.

[1]) Мостъ чудеснымъ образомъ возникаетъ отъ взмаха платка или полотенца; братъ и сестра благополучно переходятъ на другую сторону, мостъ исчезаетъ, и змѣй остается на другой сторонѣ; но онъ соблазняетъ сестру, и она выманиваетъ чудесное полотенце у брата подъ предлогомъ, что его нужно вымыть, взмахиваетъ имъ надъ рѣкой и вызываетъ появленіе моста, по которому змѣй и переходитъ. Не было ли этого мотива въ южнославянскомъ преданіи о Троянѣ, посѣщавшемъ царевну по ночамъ, т.-е. не приходилъ ли онъ къ ней по мосту, который она вызывала взмахомъ полотенца, и не этотъ ли мостъ подразумѣвается въ Словѣ о полку Игоревѣ подъ видомъ „тропы Трояна“?

на Плеяды, въ которыхъ монголы насчитываютъ шесть звѣздъ); здѣсь иногда находится скопленное богатство. Въ аварской сказкѣ о медвѣжьемъ сынѣ одинъ изъ его товарищей имѣетъ мельницу на колѣнѣ.

Въ одномъ варіантѣ русской сказки вмѣсто мельницы домъ, въ которомъ живутъ двѣнадцать или двадцать четыре разбойника; они сидятъ на двѣнадцати креслахъ кругомъ бочки съ виномъ, картина, которую осетинское повѣрье видитъ въ созвѣздіи Плеяды. Сходный мотивъ въ сказкѣ у Афанасьева, № 71, вар. *b*: Иванъ-царевичъ обходитъ три подземныя царства: мѣдное, серебряное и золотое; у воротъ мѣднаго дворца на мѣдныхъ цѣпяхъ прикованы страшныя змѣи; подлѣ колодезь, у колодезя мѣдный корецъ на мѣдной цѣпочкѣ виситъ. Иванъ-царевичъ зачерпнулъ корцомъ воды и напоилъ змѣй. Въ слѣдующемъ царствѣ серебряный дворецъ, змѣи прикованы серебряными цѣпями, подлѣ колодезь съ серебрянымъ корцомъ. Въ третьемъ царствѣ золотой дворецъ, змѣи на золотыхъ цѣпяхъ, корецъ золотой, на золотой цѣпочкѣ.

Кромѣ наблюденій надъ небесными явленіями и надъ явленіями въ жизни звѣрей и въ жизни людей вообще, въ сказкахъ можно еще отмѣтить отраженія изъ спеціальной области человѣческой жизни, отраженія шаманской обрядности. Въ богатырѣ, который поднимается на гору или опускается въ подземный міръ, можно видѣть звѣзду, поднимающуюся къ зениту или опускающуюся подъ горизонтъ, но также и шамана, поднимающагося на небо предстательствовать за пострадавшаго предъ Ульгенемъ или Эсэгэ-малакомъ, царемъ неба, или спускающагося въ адъ предстательствовать предъ Ерликомъ. Представленіе о богатырѣ, летающемъ на трости, едви ли можно объяснить иначе, какъ только отраженіемъ народнаго повѣрья о шаманскихъ жезлахъ или костыляхъ, что это кони, на которыхъ шаманъ летаетъ въ область темныхъ духовъ [1].

Г. Потанинъ.

---

[1]) Въ былинѣ (*Гильфердингъ* № 101 и 207) о Каликѣ-богатырѣ говорится „О костыль Каликушка опиралася, высоко Каликушка поднималася, поднялся тутъ Каликушка поповыше лѣсу стоячаго, поднялся тутъ Каликушка попониже оболочка ходячаго“ (изд. 1896, стр. 218). Колосовъ (Филологич. записки, 1874, II, 17) сблизилъ эти стихи съ однимъ мѣстомъ Слова о полку Игоревѣ: „Той (т.-е. Всеславъ) клюками подпръся о кони и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевьского“. О шаманскихъ костыляхъ см. въ ост. мотивахъ, 716. У Худякова, II, № 43, стр. 20: Арикадъ-царе.

Значеніе народнаго праздника „Свѣчи".

Гдѣ свѣчи, тамъ и воскъ.
Народная поговорка.

Къ числу самыхъ древнихъ и популярныхъ на Руси праздниковъ принадлежитъ „Свѣча".

„Свѣча" справляется весною, осенью и зимою; около „свѣчи" происходятъ большія собранія сосѣдей и родныхъ. Лица, справляющія свѣчу, называются въ Красненскомъ и Рославльскомъ уѣздахъ „братчиками".

Нерѣдко тотъ или другой характеръ составляетъ принадлежность „братчины"; „братчики" Красненскаго уѣзда, въ сравненіи съ братчиками Рославльскаго уѣзда, отличаются кротостью нрава.

Братчики заготовляютъ воскъ на свѣчу, вмѣстѣ сучатъ ее, вмѣстѣ варятъ пиво и брагу. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Порѣчскаго уѣзда Смоленской губерніи и Мосальскаго уѣзда Калужской губерніи варенье пива составляетъ непремѣнную принадлежность „Свѣчи". Братчики во время собраній ведутъ мирный разговоръ про хозяйство, семейныя и общественныя дѣла, говорятъ „рѣчь-пословья все старинныя"; вмѣстѣ сучатъ свѣчу, вмѣстѣ пируютъ, вмѣстѣ варятъ пиво и брагу.

Пѣсни поются преимущественно семейныя, хвалебныя: въ нихъ выставляются по преимуществу свѣтлыя стороны хозяина и хозяйки, супруговъ и супругъ, и всего рода-племени.

Какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ обрядахъ выражаются пожеланія счастливой жизни, многочадія. Такія пожеланія высказываются въ особенности въ обрядѣ свѣчи Порѣчскаго уѣзда: тамъ, послѣ варенья пива, когда приготовленное пиво и бражка распиваются присутствующими, появляются такъ называемыя „цыганки" и бьютъ вѣниками попавшихся молодыхъ супруговъ и колдуютъ при этомъ,

чтобы дѣтки у нихъ родились, и чтобы они съ женками „жили ладнѣе".

Не разъ мнѣ приходилось разсматривать свѣчу, слѣпленную „братчиками". Свѣча эта имѣла подобіе человѣка; у изображенія, сдѣланнаго изъ воска, были глаза [1]) и руки; на свѣчу была надѣта рубашечка. Въ нашей мѣстности часто встрѣчаются въ церквахъ выпуклыя изображенія святыхъ и ангеловъ. Сначала мнѣ думалось, что крестьяне лѣпятъ изъ воска того святого, въ честь котораго совершается праздникъ, свѣча сучится и пиво варится.

— Кого изображаетъ свѣча ваша?—спрашивалъ я у крестьянъ.

— Да мы и сами не знаемъ! отвѣчали мнѣ. Такъ испредь вѣковъ дѣлали дѣды наши—и мы дѣлаемъ такъ, какъ заведено.

Но вотъ замѣчательная особенность празднованія свѣчи въ Калужской губерніи. Тамъ въ Сильковичахъ, Мосальскаго уѣзда, свѣча тоже имѣетъ человѣкообразный характеръ; но тамъ въ обрядѣ сохранилась живо особенность, проливающая свѣтъ на значеніе праздника „Свѣчи".

Надъ свѣчею тамъ бабы жалобно причитываютъ, какъ надъ покойникомъ: охъ, свѣча, ты матушка наша! Голосятъ и надъ покойниками, когда священникъ отслужитъ молебенъ Прасковьѣ мученицѣ; а пиво, которое готовится къ Прасковейщинѣ, заземистое и рѣзвое, давно уже сварено. „Проголосятъ" сначала батьку и матку: „Што жъ вы, родители, меня оставили одну свѣчу справлять, а моя жъ жисточка и закупится и заложится"...

Бывшій священникъ Спасъ-Деменскаго прихода старался искоренить празднованіе свѣчи, находя въ немъ черты какого-то языческаго культа.

Есть вѣрованія, которыя прочною тканью входятъ въ сѣть народного міросозерцанія,—вѣрованья, которыя не исчезли даже подъ сильнымъ вѣяньемъ нашего просвѣщеннаго вѣка. Къ числу такихъ вѣрованій несомнѣнно принадлежитъ культъ домовыхъ и покойниковъ,—по бѣлорусскому выраженію, „родителей".

По мнѣнію народа, между живыми и покойниками существуетъ постоянная и непрерывная связь, ведутся постоянныя сношенія. Домовые пекутся объ хозяйствѣ: земледѣліи, скотоводствѣ и пчеловодствѣ; принимаютъ живое участіе въ семейныхъ дѣлахъ и во

---

[1]) Вмѣсто глазъ—мѣдныя деньги.

всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Домовые и жены ихъ, „домáхи“, вѣстники всевозможныхъ перемѣнъ, болѣзней, смерти, переселенія, передъ которыми домовики непремѣнно являются хозяину или его домашнимъ, трогаютъ ихъ голою или косматою рукою, дышатъ на нихъ теплымъ или холоднымъ дыханьемъ, смотря къ худу или добру ихъ таинственное явленье.

Домовыхъ и домáхъ представляетъ народное воображеніе людьми; при чемъ выражаются такъ: видѣлъ „его“, „самогó“, „яé“, „самоé“. Домовики любятъ миръ, ладъ въ семьѣ, а ссоры и брань наказываютъ, насылая ломоту, утинъ, горячки и разныя болѣзни. Если сами домовики отличаются капризнымъ и своенравнымъ характеромъ, вмѣшиваясь во всѣ крупныя и мелкія дѣла и семейныя отношенія, слѣдовало бы думать, что крестьяне ихъ не долюбливаютъ.—Наоборотъ, слѣдуя пословицѣ: „не по хорошему милъ, а по милому хорошъ“, крестьяне чуть не за святыхъ почитаютъ своихъ домовиковъ, и кто назоветъ домовыхъ чертями, тому назидательно замѣчаютъ, что „хозяина“ нельзя называть „чернымъ“ именемъ; что „хозяинъ“ молъ этого не любитъ и даже отомститъ за это. Развѣ можетъ вестись исправно хозяйство безъ домовика и домахи; развѣ можетъ быть дворъ безъ хозяина? Конечно, нѣтъ! А потому, если нѣтъ хозяина: онъ ушелъ; его нужно приманить; если своего хозяина одолѣваетъ чужакъ, надо получше подкрѣплять своего домовика относами, чтобъ онъ справился съ чужакомъ и прогналъ бы съ позоромъ изъ своего пепелища.

Честь и слава хозяевамъ, если ихъ домовой жиренъ, и, наоборотъ, позоръ и поношеніе, если домовой въ черномъ тѣлѣ. Изъ-за этого происходятъ даже брань и ссоры между хозяйками села Мамошекъ Порѣчскаго уѣзда. Баба, желая уколоть другую, язвительно замѣчаетъ: „твой—я видѣла—худъ, какъ шкилéтъ, а мой-то дамовой жиринъ, какъ апекушъ“.

Сосѣдка съ запальчивостью отвѣчаетъ:

— Врешь ты, дрянь етакая! Твой-то какъ шкилетъ, а мой-то жиренъ, да и сила какая: какъ хлестнетъ, какъ хлестнетъ пугою,—какъ изъ пистолета бьетъ. А ты еще, дрянь етакая, говоришь, что мой худъ, а твой жиренъ.

Бабы сначала перебраниваются, а потомъ „идутъ въ чупы“ и начинаютъ драться; потомъ, по совѣту сосѣдки, старающейся ихъ

примирить, идутъ къ *ясновидящей*—Алдонѣ. Ясновидящая одарена сверхчувствомъ и видитъ „какъ на ладони", лучше другихъ: чей домовикъ жирнѣе, толще, и, конечно, она скажетъ спорящимъ правду, кто добросовѣстнѣе относится къ своему домовику.

Кто не поминаетъ покойниковъ, не подкрѣпляетъ домовыхъ приношеніями, того постигаетъ какая нибудь утрата.

„Покойникъ у дверей не стоитъ, а свое возьметъ", говоритъ пословица.

Къ числу такихъ отвѣтственныхъ культовъ принадлежитъ и праздникъ „свѣчи".

Крестьяне разсуждаютъ: „весь хлѣбъ побило градомъ оттого, что „свѣчу" не справили: супроти Бога не пойдешь".

Тѣсная связь живыхъ съ покойниками особенно ярко выражается пословицей: „гдѣ свѣчи, тамъ и воскъ", — пословицей, указывающей на единственнаго у извѣстнаго лица родственника. Пословица совѣтуетъ поддерживать такое лицо, заботиться о накопленіи его хозяйства, а послѣ смерти поминать непремѣнно.

Огонь домашняго очага у крестьянъ Смоленской губерніи считался священнымъ. При переселеніи они старались захватить въ узелочекъ золицы изъ печи старой избы или родной земельки, считая ихъ, т. е. золицу и прахъ родной земли, цѣлебными отъ болѣзней и предохраняющими отъ послѣднихъ.

„Въ древне-русскихъ юридическихъ актахъ XVI и XVII вѣка владѣльцы земель обозначаются словами „огнище, печище." Это были кровные союзы, члены которыхъ жили у одного огня, очага и вели общее хозяйство, вмѣстѣ работали и потребляли" [1]).

Семейная обстановка праздника „свѣчи"; происходящіе здѣсь толки и разговоры о хозяйствѣ и объ общихъ дѣлахъ, семейныя пѣсни и дифирамбы въ честь рода-племени, вареніе-пива и бражки и пивныя пѣсни съ обрядами о ниспосланіи супругамъ многочадія, причитанія объ умершихъ родственникахъ, наконецъ, отвѣтственность за неисполненіе этого торжественнаго праздника,—все это, взятое вмѣстѣ, склоняетъ насъ къ гипотезѣ, что празднованіе свѣчи— не что иное, какъ чествованіе свѣта домашняго очага, а свѣча— изображеніе предка, чтимаго ближними и дальними родственниками.

---

[1]) Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности, *М. М. Ковалевскаго.*

Я позволю себѣ провести параллель между нашей „свѣчей" и культомъ домашняго очага у древнихъ.

И въ Греціи и въ Римѣ, какъ и въ Германіи, очагъ былъ тѣмъ мѣстомъ, около котораго обыкновенно происходили всѣ семейныя собранія. Со всѣхъ сторонъ его окружали изображенія предковъ. Постоянно горѣлъ огонь, этотъ символъ вѣчности семейнаго союза.

Очагъ, по словамъ Авесты,—основа семьи и всего ея благосостоянія: онъ пріумножаетъ ея имущество, сохраняетъ здоровье ея членовъ и нарождаетъ ей сильныхъ дѣтей, если только въ него постоянно подкладываютъ дрова, нарубленныя съ соблюденіемъ всѣхъ религіозныхъ обрядовъ. То же самое вѣрованіе встрѣчается и въ ведической Индіи, въ обращеніяхъ къ огню, такъ называемому Агни. „О Агни, читаемъ мы въ одномъ изъ гимновъ, ты—жизнь, ты—покровитель человѣка. Внемли ради нашихъ хваленій мольбѣ отца семейства, дай мнѣ славу и богатство и избавь насъ отъ недородовъ. Пусть долго, долго проживу я на бѣломъ свѣтѣ и подобно дневному свѣтилу тихо проведу дни своего заката" [1]).

И у древнихъ культъ домашняго очага былъ обязателенъ и строго отвѣтственъ. Между живыми и мертвыми былъ постоянный обмѣнъ услугъ; ни живой не могъ обойтись безъ мертваго, ни мертвый безъ живого.

„Въ Греціи и Римѣ сынъ былъ обязанъ дѣлать возліянія и приносить жертвы манамъ (т.-е. душамъ) своего отца, дѣда, прадѣда и другихъ кровныхъ родственниковъ по прямой восходящей линіи. Преступить этотъ долгъ значило бы совершить нечестивый поступокъ, такъ какъ перерывъ отправленій культа неизбѣжно влекъ за собою прекращеніе прежняго блаженства усопшихъ. Такого рода небрежность была настоящимъ отцеубійствомъ, усугубленнымъ столько разъ, сколько предковъ насчитывалось въ семьѣ.

Если, напротивъ того, жертвоприношенія совершались по установленному обряду, если яства приносились на могилу въ опредѣленное для этого время, предокъ становился богомъ-покровителемъ. Враждебно относясь ко всѣмъ чужакамъ, гоня ихъ отъ

1) *М. Ковалевскій*, назв. соч.

своей могилы, насылая на нихъ болѣзни, если они всетаки къ ней подходили, онъ былъ расположенъ къ своимъ предкамъ и охотно приходилъ къ нимъ на помощь.

Между живыми и мертвыми членами семьи постоянно происходилъ обмѣнъ услугъ. Рядъ жертвоприношеній доставлялъ предку все доступное ему наслажденіе. Зато потомокъ встрѣчалъ въ немъ поддержку и при его посредствѣ пріобрѣталъ нужную силу. Тѣсная связь устанавливалась между всѣми поколѣніями одной и той же семьи и дѣлала изъ нея что-то вѣчное и нераздѣльное" [1]).

Въ культѣ домашняго очага древнихъ принимали участіе и ближніе и дальніе родственники; въ жертву имъ приносились рисовые пироги и хмѣльный напитокъ особаго рода; священнодѣйствующимъ высказывалось пожеланіе, чтобъ у мужняго поколѣнія родились преимущественно сыновья. Невольно вспоминается колдованіе „цыганокъ" Порѣчскаго уѣзда, которыя бьютъ вѣниками молодыхъ супруговъ и чаруютъ при этомъ, желая имъ счастливой жизни и многочадія; припоминаются также слова пирушечной пѣсни, которая поется и на „свѣчахъ" въ похвалу жены: „родила сына, какъ бѣла сыра".

„Кромѣ отца семьи въ почитаніи мертвыхъ принимали участіе и близкіе и дальніе родственники. У Римлянъ не было особаго термина для отличія ихъ отъ другихъ родственниковъ, жившихъ отдѣльно, у грековъ же они были извѣстны подъ именемъ anchisteis. То же раздѣленіе родственниковъ на двѣ категоріи существовало и въ Индіи, какъ это мы сейчасъ покажемъ. Почитаніе усопшихъ предковъ „мановъ" или „пенатовъ", а въ Греціи—„геніевъ" не было чуждо и древней Индіи. Почитатели Агни, а впослѣдствіи и Брамы поклонялись вмѣстѣ съ тѣмъ и „питрисъ", т.-е. семейнымъ духамъ-покровителямъ. Какъ Ригъ-Веда, такъ и Ману совѣтуютъ приносить имъ въ жертву рисовые пироги и хмѣльный напитокъ, приготовляемый изъ сока растенія „*сомма*". Жертвоприношенія перваго рода были обязательны для однихъ лишь членовъ семейной общины (sapinda); жертвы же второго рода должны были приноситься всѣми даже наиболѣе отдаленными родственниками покойнаго. Священнодѣйствовать долженъ былъ ближайшій родственникъ по мужской линіи. Предки, по словамъ свода Ману,

[1]) *М. Ковалевскій*, назв. соч., стр. 42.

постоянно выражаютъ такое желаніе: „пусть вѣчно родятся сыновья у нашего мужского потомства, чтобы было кому приносить намъ рисовой кашицы, сваренной на молокѣ, меду, и очищеннаго коровья масла“ [1]).

Пройдутъ года—и многіе народные обычаи забудутся и отойдутъ въ область этнографическихъ преданій; а „Свѣча“ долго еще будетъ справляться народомъ: значеніе этого праздника общечеловѣческое, и онъ тѣсно связанъ съ міросозерцаніемъ народа и нѣжными струнами человѣческаго сердца.

Нижеслѣдующія записи подробнѣе познакомятъ читателей съ празднованіемъ „свѣчи“ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Смоленской губерніи.

Праздникъ „Свѣчи“ въ с. Бородѣ Порѣчскаго уѣзда.

За недѣлю до Николы собираются въ какой нибудь дворъ „братьщики“. Братьщики совѣтъ держатъ, по скольку будутъ ссыпать солоду. Обыкновенно соглашаются ссыпать по полъ-мѣркѣ. Совѣщаніе идетъ въ томъ домѣ, гдѣ будетъ стоять образъ. Посовѣтовавшись объ солодѣ, братьщики идутъ копать яму. Яма копается на улицѣ противъ того двора, гдѣ будетъ икона, въ сторонѣ отъ дороги. Выкопавъ яму, братьщики идутъ за котломъ. Пивной котелъ находится въ амбарѣ у того хозяина, у котораго въ прошедшемъ году была икона. Икону берутъ дворомъ поочереди. Надъ вырытой ямой вѣшаютъ котёлъ и расходятся домой. Придя домой, приказываетъ каждый хозяинъ своей хозяйкѣ сыпать солодъ по полъ-мѣркѣ въ печку. Черезъ два дня солодъ готовъ. Хозяинъ беретъ солодъ, несетъ въ тотъ домъ, гдѣ икона, и ссыпаетъ въ одно мѣсто.

На слѣдующій день, послѣ ссыпки солода, мужчины встаютъ рано утромъ, еще темно, и идутъ въ тотъ домъ, гдѣ ссыпанъ солодъ. Войдутъ въ хату ссыпщики, а хозяинъ того дома уже ихъ ждетъ. Зажигаютъ предъ иконами свѣчку, молятся Богу; берутъ какую нибудь икону и солодъ, и идутъ къ ямѣ, гдѣ завѣшенъ котелъ. Прикрѣпляютъ икону къ какой нибудь постройкѣ повыше, чтобы малыя дѣти не могли достать ее изъ своихъ шалостей; ликъ иконы направленъ въ ту сторону, гдѣ котёлъ. Приносятъ ушаты воды, и наливаютъ котелъ полный. Въ ямѣ раскладываютъ подъ котломъ огонь и нагрѣваютъ котелъ. Солодъ ссыпаютъ въ „чепъ“. Чепъ—это огромная широкая кадка, вышиною не болѣе четвертей пяти, вмѣстимостью ведеръ на шестьдесятъ. Горячую воду изъ котла берутъ черпахой, или черпакомъ, и выбираютъ изъ котла

---

[1]) *М. Ковалевскій*, назв. соч., стр. 61.

всю воду (котелъ ведеръ въ тридцать). Котелъ ушатами опять наливаютъ и эту воду подогрѣваютъ. Веслами мѣшаютъ солодъ въ чепу. Кладутъ палки сверхъ чепа, укрываютъ ихъ мѣхами. Хозяинъ дома, гдѣ икона,—назовемъ его Герасимъ — идетъ въ домъ свой и накладываетъ котлы хмелемъ и наливаетъ водой; накрываетъ котлы крышками и ставитъ въ печку, въ легкій духъ. Затѣмъ, поставивши въ печку хмель, идетъ къ ямѣ, гдѣ мужчины, и приглашаетъ ихъ итти съ нимъ въ сарай къ предыдущему хозяину взять другой чепъ. Всѣ мужчины идутъ и выкатываютъ оттуда чепъ, катятъ его къ ямѣ, приносятъ также оттуда большое широкое корыто, нарочно сдѣланное для пива; на это корыто приправляютъ чепъ. Въ этомъ чепу въ днѣ есть дырочка, и такъ приправленная, что приходится прямо надъ корытомъ.

Къ этой иконѣ, что возлѣ ямы, прилѣпятъ восковую свѣчку, зажгутъ ее и начнутъ Богу молиться. Помолившись Богу, кладутъ въ чепъ „щебры", доски, шириною въ три четверти, а длиною во всю длину дна чепа. Ставятъ эти „щебры" на ребро крестообразно; по щебрамъ сверху стелютъ чистую солому; слой соломы будетъ въ вершокъ толщины. Открываютъ мѣшки, принимаютъ сверху палки, которыми былъ устланъ чепъ, и скорѣе черпаками перекладываютъ солодъ въ приготовленный пустой чепъ надъ корытомъ. Когда переложатъ весь солодъ, то вольютъ немного кипятку въ первый чепъ, ополоснутъ его и вольютъ это въ чепъ съ солодомъ; вода въ котлѣ кипитъ. Этотъ кипятокъ черпаками переливаютъ въ солодъ, мѣшаютъ веслами, не доставая до щебровъ. Котелъ опять наливаютъ холодной водой и разводятъ огонь подъ котломъ. Чепъ, въ которомъ солодъ, покрываютъ палками и по верху дерюгой, тогда стелютъ соломой по дерюгѣ погуще, а сверху соломы мѣшками. Идетъ Герасимъ за хмелемъ; хмель уже утопился. Тогда хмель выливаютъ въ ушаты и несутъ къ ямѣ. Открываютъ чепъ съ солодомъ и выливаютъ этотъ хмѣль въ солодъ, берутъ черпаками изъ котла кипятокъ и льютъ тоже въ солодъ; сверху солодъ покрываютъ мѣшками, какъ и прежде.

Жижица начинаетъ протекать понемногу въ корыто чрезъ отверстіе въ донушкѣ чепа. Герасимъ идетъ въ свой домъ, беретъ узбанокъ (кувшинъ поливаный, съ узкимъ горломъ) и баранокъ, и опять идетъ къ ямѣ, приноситъ съ собою и ковшъ. Ковшомъ беретъ изъ корыта пива, наливаетъ въ кувшинъ до половины, кладетъ туда одну баранку, несетъ въ хату, поставитъ въ жилое мѣсто. Черезъ сутки дрожди готовы. Мужчины будутъ кипятить воду и каждый разъ, какъ закипитъ котелъ, выливаютъ воду въ чепъ, а изъ корыта пиво выливаютъ черпакомъ въ пустой чепъ. Такъ дѣлаютъ до тѣхъ поръ, пока пойдетъ совсѣмъ свѣтлая жидкость въ корыто. Тогда опоражниваютъ котелъ съ горячею водой и льютъ туда пиво; наливаютъ цѣлый котелъ и кипятятъ его хорошенько. Изъ котла кипяченое пиво выливаютъ въ ушаты и носятъ

ушаты съ пивомъ во дворъ и выливаютъ въ бочки. Изъ приготовленныхъ дрождей хозяинъ наведетъ ведро и льетъ въ бочки ковша по два, по три въ каждую. Такъ дѣлаютъ, пока перекипятятъ все пиво, нальютъ пива бочки три по сорока ведеръ и самаго хорошаго два боченка ведеръ по пятнадцати; послѣ всего нальютъ полный чепъ съ солодомъ и кипяткомъ и заткнутъ колышкомъ то отверстіе, чрезъ которое текло пиво. Закрываютъ чепъ мѣшкомъ и дерюгою. Больше уже пока не сливаютъ пиво. Это называется „ку́ма". „Ку́му" сливаютъ по окончаніи праздника Николы, когда освободятся бочонки. Пиво сварено и слито; осталась одна кума въ чепѣ. Всѣ мужчины молятся Богу. Хозяинъ беретъ свою икону и несетъ на мѣсто. Мужчины убираютъ пивную посуду въ сарай къ Герасиму. Каждый хозяинъ беретъ по ведру пива для пробы и несетъ домой.

Николинъ батька.

Наканунѣ Николина дня бываетъ, по народному мнѣнію, Николинъ батька. Вечеромъ хозяинъ, у котораго слѣдуетъ праздновать Никольщину, посылаетъ кого-нибудь изъ своихъ домочадцевъ по всѣмъ домамъ; проситъ ихъ къ батькѣ Богу молиться. Приходятъ вечеромъ одни мужчины и приносятъ съ собою по пустому ведру, берутъ съ собою и восковыя свѣчи. Въ деревнѣ новопріобрѣтенный образъ Николая по окончаніи праздника относятъ въ церковь, и онъ остается до слѣдующаго праздника.

Наканунѣ праздника Николы весенняго или зимняго утромъ хозяинъ, у котораго будетъ Никольщина, съ двумя дѣвками своими или сосѣдними отправляется въ церковь за образомъ; приноситъ образъ и ставитъ на кутѣ въ тотъ домъ, гдѣ онъ былъ. Возлѣ образа стоитъ большой деревянный подсвѣчникъ работы самихъ крестьянъ, и въ немъ огромная толстая восковая свѣча, которая существуетъ очень давно. Недавно горѣла деревня Хвошня, и сгорѣла ихъ Никольская свѣча. Крестьяне купили себѣ новую свѣчку за семь рублей. Какъ только мужчина войдетъ въ хату, перекрестится, подходитъ къ образу и кладетъ къ большой свѣчѣ свои свѣчки; потомъ говоритъ „здароў и садится на лавкѣ.

Когда соберутся всѣ, начинаютъ молиться Богу. Хозяинъ зажигаетъ свѣчи, также и большую свѣчу. Помолившись Богу, хозяинъ гаситъ большую свѣчку, а малыя свѣчи горятъ. Хозяинъ обернется по всѣмъ своимъ гостямъ, говоря: „желаю вамъ братьщики, добраго здоровья! Поздравляю васъ съ Отцомъ Николаю!" Всѣ отвѣчаютъ: „благодаримъ покорно!" Тогда беретъ себѣ каждый по ведру пива и идетъ домой. Въ домѣ хозяина ужинаютъ и идутъ ложаться спать. На утро хозяйка печетъ пироги, готовитъ ужинъ братьщикамъ.

Николинъ день.

На Николинъ день, какъ обѣдня на отходѣ, посолъ идетъ по домамъ, зоветъ братьщиковъ: и мужчинъ, и женщинъ. Всѣ собираются къ хозяину, несутъ опять съ собою восковыя свѣчи. Хозяйки несутъ по булкѣ хлѣба. Богу молятся. Хозяинъ проситъ вошедшихъ садиться за столъ. Садятся. Хозяйка подаетъ на столъ пироги, а хозяинъ самъ ковшомъ обноситъ всѣхъ пивомъ; потомъ беретъ водку, даетъ гостямъ по два стакана и потомъ еще по стакану. Выпивъ эту водку, закусываютъ пирогомъ. Тогда выходятъ изъ-за стола, благодарятъ хозяина за угощеніе, берутъ по ведру пива и идутъ домой. Придя домой, обѣдаютъ. Послѣ обѣда, кто хочетъ, черпаетъ изъ ведра пиво и пьетъ. Отдыхаютъ. Вечеромъ опять идетъ посланецъ по домамъ, говоря: „Приходите къ намъ на обѣдъ". Всѣ собираются, и бабы и мужчины; мужчины несутъ свѣчи, а бабы несутъ по булкѣ хлѣба. Войдя въ хату, всѣ перекрестятся. Мужчины зажигаютъ свои свѣчи, а бабы молча кладутъ хлѣбъ на столъ. Хозяйка убираетъ этотъ хлѣбъ себѣ. Когда всѣ соберутся, хозяинъ зажигаетъ большую свѣчку; начинаютъ всѣ Богу молиться. Помолившись Богу, садятся за столъ. Хозяйка кладетъ пироги, а хозяинъ ковшомъ обноситъ всѣхъ пивомъ. Затѣмъ хозяинъ беретъ водку, обноситъ стаканомъ всѣхъ водкою по два стакана; хозяйка подаетъ на столъ щи, похлебку съ грибами. Въ скоромный день подается похлебка съ говядиной, клецки, каша. Послѣ каждаго кушанья подноситъ хозяинъ по стакану водки. Вылѣзаютъ изъ-за стола, благодарятъ хозяина и хозяйку, садятся всѣ, гдѣ кому мѣсто есть; бабы начинаютъ пѣсни пѣть:

Зилянѣить, зилянѣить
Зялёный садъ ў гароди;
Висялѣить, висялѣить
Игнатынька въ своемъ домѣ;
За имъ ходить, за имъ ходить
Христининька Васильивна;
Ина носить, ина носить
Бѣлый сахаръ на блюдецки.
Ина просить, ина просить:
«Игнатынька Иванывицъ,
Сядь—пакушай!»
Ай, спасиба, ай, спасиба,
Христининька Васильивна,
Ни за сахаръ, ни за бѣлый—
За словицка, за вѣрнинька,
За вѣрная, ай спасиба!

Винаградъ росъ ў поли, 2
А ягада малинина ў гароди. 2
Винаградъ расцвитаить, 2
А ягада малинина пуспиваить. 2
Винаградъ—Игнатынька, 2
Винаградъ—Иванывицъ, 2
А ягада малинина—Христининька. 2
А ягада малинина—Васильивна. 2
Дивувалися люди 2
А нашиму харошиму да й савѣту. 2
Ни дивуйтися, люди, 2
А нашиму харошиму да й савѣту; 2
Сами такъ удайтися, 2
А хорыша у савѣти пыживитя, 2
По ймению пу батюшки назовитя!

Дѣвка пьяна ни была,
Шубку юбку прапила,
Собѣ дружка нажила,
Прикащицка—миргунка.
Прикащицыкъ—миргунокъ,
Даведи меня дамой,
Да горенки да навой,
Да высокыга крыльца.
Ли высокыга крыльца
Стоить бабъ кырагодъ,
А дѣвушикъ шаринка.
Мижи дѣвакъ мижи бабъ,
Ходить холыстъ, нижинатъ,
Прасмихаить всихъ рибятъ.

Бабы, напѣвшись пѣсенъ и поплясавъ, расходятся домой.

10 мая.

На утро опять идетъ посолъ отъ хозяина Игната: „приходитя похмѣлятца!“ И бабы, и мущины идутъ всѣ. Когда соберутся, хозяинъ проситъ садиться за столъ. Садятся всѣ. Хозяйка кладетъ на столъ пироги, рыбный стюдень. Хозяинъ подноситъ всѣмъ по три стакана водки. Послѣ закуски вылѣзаютъ вонъ. Тогда кто нибудь одинъ изъ братьщины зоветъ къ себѣ гостей. Хозяйка подготовилась съ утра: наварила рыбы, а въ скоромные дни состряпала скоромный столъ: стюдень, жареное и проч.

Хозяева просятъ пришедшихъ гостей садиться за столъ. Хозяйка подаетъ на столъ пироги и рыбу. А хозяинъ обноситъ всѣхъ гостей водкою по три рюмки. Вылѣзаютъ изъ-за стола, благодарятъ хозяевъ и идутъ домой. Герасимъ, слѣдующій хозяинъ по порядку дворовъ, куда надо сейчасъ переносить икону Николая Чудотворца, тоже готовится съ утра: онъ и водки призапасилъ три гарнца на братьшину. Хозяйка напекла пироговъ, наварила варева. Теперь на другой день Николы вечеромъ хозяинъ Герасимъ посылаетъпосла по деревнѣ, проситъ мужчинъ и дѣвокъ переносить Николу.

Всѣ мужчины и дѣвки собираются въ хату къ Игнату, зажигаютъ большую свѣчу и много малыхъ свѣчей, начинаютъ Богу молиться.

Тогда хозяинъ вноситъ въ хату ведро пива, а хозяйка накрываетъ ведро чистымъ полотенцемъ да беретъ въ руки булку хлѣба и ведро съ пивомъ, покрытое полотенцемъ, и становится посрединѣ хаты впереди всѣхъ ближе къ иконѣ. Дѣвки подымаютъ икону и свѣчку и идутъ не спѣша по хатѣ, направляясь къ порогу, а за ними вслѣдъ идетъ хозяйка съ пивомъ и хлѣбомъ; и несутъ икону въ домъ къ Герасиму на дворъ. На дворѣ останавливаются. Выходитъ Герасимъ съ матерью или женой. Несутъ на встрѣчу ведро пива, покрытое полотенцемъ, и булку хлѣба. Выйдя на дворъ, они кланяются иконѣ въ землю три раза, врикладываются къ иконѣ. Дѣвки несутъ икону въ хату и ставятъ на кутъ, а также и подсвѣчникъ со свѣчею, а на дворѣ хозяйки кланяются, цѣлуются, обмѣниваются пивомъ и хлѣбомъ.

Прежняя хозяйка идетъ съ пивомъ и хлѣбомъ назадъ домой, а новая хозяйка тоже съ пивомъ и хлѣбомъ возвращается назадъ въ свою хату; булку хлѣба кладетъ на столъ, а пиво ставитъ на лавкѣ около иконъ.

Всѣ немного помолятся Богу и садятся на лавкахъ; однѣ только дѣвки ушли домой, поставивши икону. Хозяинъ сейчасъ посылаетъ посла звать бабъ „*на обѣдъ*", хотя это и бываетъ вечеромъ. Соберутся всѣ мужчины и бабы. Зажигаютъ свѣчи и большую свѣчу и молятся Богу. Помолившись Богу, хозяинъ приглашаетъ гостей за столъ: „господа батюшки, прошу я васъ къ столу!" Они отвѣчаютъ: „покорно васъ благодаримъ", и садятся за столъ. Хозяйка подаетъ пироги и обѣдъ, а хозяинъ обноситъ всѣхъ гостей водкою. По окончаніи обѣда выходятъ всѣ изъ-за стола, молятся Богу, благодарятъ хозяина и хозяйку и садятся по мѣстамъ. Тогда хозяинъ скажетъ: „Ну, молодухи, за хлѣбъ-соль и медвѣдь скачетъ!" Молодухи начинаютъ пѣсни пѣть, а подъ веселыя пѣсни пляшутъ.

А ў поли бугры,
На буграхъ вада.
Тамъ дяўцонка воду брала,
  Сама малада.
Идетъ дѣўка съ воды.
Паринь по ваду.
—Пастой, дѣвка красавица,
  Дай каню вады!
—„Ни магу я стать
Каню вады дать:
Трава роса,
Дѣўка боса—
  Ножиньки знибўять".
—Я скину панцў
Ножиньки увярцу;
Кали Гаспоть Бохъ паможить,
  Бушмацки куплю,—
—„Ни купляй ты мнѣ—
Купи ты сабѣ,
А я, дѣўка красавица,—
  Я такъ прабуду!"

Какъ лятѣў саколъ
Чирезъ тёмный боръ.
На саколи сизы перья,
  Гребень залатой.
Ѣхаў маладецъ
Чирезъ мой дварецъ.
Подъ малойцымъ
Пара коній,
  Пара вараныхъ.
Каба етымъ канямъ
Да мѣрацка аўса,
А мнѣ малайцу маладому
  Рюмыцка винца.

11 мая.

На утро Герасимъ раненько посылаетъ гостей будить, звать на похмелье. Посолъ говоритъ: „Приходите похмилятцы поскарѣй—батька вялѣў".

Гости встаютъ, одѣваются и идутъ похмеляться. Соберутся въ хату, немножко посидятъ, пока всѣ соберутся. Сейчасъ хозяинъ проситъ садиться за столъ. Садятся. Хозяинъ обноситъ всѣхъ

водкой. Хозяйка подаетъ пироги на столъ; даетъ по два стакана, а потомъ и по третьему. Вылѣзаютъ изъ-за стола. Бабы запоютъ пѣсни; немножко попоютъ и поскачутъ и бьютъ въ ладошки.

Ай, Тотя, ты Тотя, Татьяна, 2
Ай, штожъ не бѣла, ни румяна? 2
Ай, што у тябе, Тотюшка, на мысляхъ,
Цорныи брови понависли?
—А я была роду ни худова,
Зайшла за хвицера маладова.
Я й пѣша къ абѣдни ни хадила—
Усё мине на конихъ вазили,
А ўсе были кареты зылатыи,
Усе были лакеи маладыи.

Тогда подгулявши тутъ немного, бабы идутъ домой печки топить; расходятся по домамъ и мужчины. Около полудня Герасимъ опять посылаетъ звать гостей на похмелье. Собираются всѣ, и мужчины, и женщины. Хозяинъ проситъ гостей садиться за столъ. Садятся. Закусятъ пирога и рыбы. Вылѣзаютъ изъ-за стола и идутъ кругомъ изъ двора во дворъ поочереди. Въ каждомъ домѣ подается закуска—пирогъ и рыба, а въ скоромный день—пирогъ и стюдень. Хозяинъ обноситъ всѣхъ водкою, давая по два стакана разомъ, и подъ конецъ закуски еще по одному стакану. Пока всю деревню обойдутъ—уже совершенно темно, да и бабы уже очень пьяны. Расходятся по домамъ.

12 мая.

(Цыганки; паренье вѣниками встрѣчныхъ) [1].

Наутро, печку протопивши, одна баба, самая бойкая и говорунья, идетъ по деревнѣ, подговариваетъ своихъ подругъ—бабъ итти въ цыганки, говоря:

— Убирайтись, бабы! пойдемъ въ цыганки.

— Авой, авой, галава балить. Нада жъ идѣ-нибудь разживатца. Собирайтись жа у маю хату!

Скоро бабы всѣ соберутся. Всѣ онѣ идутъ по деревнѣ, держа въ рукахъ березовые вѣнички. Кого встрѣтятъ на улицѣ, сейчасъ начнутъ парить, и при этомъ онѣ припѣваютъ хоромъ:

Я—цыганка маладая,
Я—цыганка заўдалая;
Знаю варажить,
Знаю варажить!

Ты палажъ-ка денихъ кучку—
Погляжу я табѣ ў ручку,
Ўсю праўду скажу,
А я не солгу!

[1] См. „Юбилейный Сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера, стр. 282—283.

Подъ слѣдующую пѣсню бабы пляшутъ и махаютъ при этомъ грозно вѣниками:

Какъ у Сидара п...—ну, ну, ну.
Была Дарья хороша—ну, ну, ну.
Какъ и унадиўся п...къ—ну, ну, ну.
Онъ и къ Дарьюшки хадить—ну, ну, ну.
Сладки прянички насить—ну, ну, ну.
Ай арѣшки-щелканки—ну, ну, ну.
Ай увидили п...—ну, ну, ну.
Са маіорьскага двара—ну, ну, ну.
П..ъ видитъ, што худа́—ну, ну, ну.
Нейди дѣтца никуда—ну, ну, ну.
Ёнъ и къ Дарьи на кравать—ну, ну, ну.
Дарья яго прикрывать—ну, ну, ну.
Вы маёрушки дружки—ну, ну, ну.
Вы зацы́мъ сюда пришли—ну, ну, ну.
А я ў терими одна—ну, ну, ну.
Да́рамъ, да́рамъ што одна—ты одна—ну, ну, ну.
Ты подай сюда п...—ну, ну, ну.
П... видитъ, што худа—ну, ну, ну.
Нейди дѣтца никуда—ну, ну, ну.
Ёнъ у горинку подъ кутъ—ну, ну, ну.
Салдатъ кажитъ: а ты тутъ—ну, ну, ну.

Тогда одна изъ бабъ, попаривъ вѣничкомъ прохожаго или какого нибудь мѣстнаго обывателя, въ родѣ волостного писаря или учителя (бабы стараются выбрать для нападенія жертву побогаче), разговариваетъ по доброму съ тѣмъ, кого парила: „я тибе попарю, я тибѣ живатокъ поправлю, горше́цки ўскину на животъ! у мине и мыльца есть у кармани".—Примѣръ дѣлаетъ, будто черпаетъ рукою воду, лѣчитъ больного, по ея мнѣнію, хотя бы онъ и упорно отрицалъ свою болѣзнь.

— Ты и съ жонкой ни ладна живешь; дѣти у тибе ни вядутца... Я тибе вѣникомъ попарю, и дѣти будутъ вестца.

— Все вы, цыганки, врётя: я жонку свою люблю и жалѣю, и самъ я здароў!—оправдывается тотъ.

Тогда цыганка говоритъ: „откупись—позолоти руку..." Дасть ей тотъ сколько нибудь денегъ и откупится. Цыганки весьма любятъ останавливать проѣзжающихъ и парятъ ихъ вѣничками, прося позолотить руку и откупиться. Почти всегда проѣзжающіе даютъ сколько нибудь денегъ цыганкамъ. Ходятъ по селу и парятъ всѣхъ, кого попало: мѣстную интеллигенцію и проч., парятъ въ ихъ домахъ и при встрѣчѣ на улицахъ. Къ вечеру цыганки соберутъ много денегъ и идутъ въ кабакъ. Въ кабакѣ къ вечеру собираются и мужья цыганокъ, покупаютъ на собранныя деньги водку, и пьютъ всѣ: и мужчины, и женщины. Возвращаются до-

мой цыганки совсѣмъ пьяныя и теряютъ по дорогѣ и платки, и вѣники. Одно время въ с. Бородѣ было два щедрыхъ учителя, а третій скупой; скупому больше другихъ попадало отъ цыганокъ: съ нимъ онѣ были какъ-то строже.

Дѣвки не участвуютъ въ „Никольщинѣ" вмѣстѣ со всѣми, а празднуютъ отдѣльно. Каждой дѣвкѣ мать даетъ провизію, даетъ миску пшеничной муки, даетъ 10 яицъ, кусокъ сала, полъ-бутылочки горѣлки. Онѣ нанимаютъ себѣ у кого нибудь пустую хату. Эта хата остается за ними круглый годъ. Плата за хату съ дѣвокъ полагается по полъ-мѣркѣ жита и по полъ-мѣркѣ картофеля. Дѣвки сами себѣ обѣдъ варятъ, пекутъ „дранцу́къ" изъ яицъ и сала, зовутъ къ себѣ въ гости парней холостыхъ; пива дѣвки берутъ на вечеринку, сколько нужно, а парни несутъ дѣвкамъ водку, пьютъ водку вмѣстѣ съ дѣвками, *гарѣзаютъ* и гуляютъ; погулявъ немного, мальцевъ (парней) отправляютъ вонъ изъ хаты, а хозяйку просятъ на ночь ихъ замкнуть и ключъ отъ хаты взять себѣ. Какъ только дѣвки захотятъ спать, онѣ даютъ знать хозяйкѣ; хозяйка ихъ замыкаетъ и ключъ беретъ себѣ въ карманъ, чтобы никто не могъ сомнѣваться въ цѣломудренности дѣвокъ. Иногда онѣ идутъ по улицѣ; если захотятъ пройти куда нибудь въ другой дворъ, то идутъ всѣ кучею съ пѣснями.

Во время большихъ праздниковъ дѣвки гуляютъ на гульбищахъ, т.-е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ устроены качели и гдѣ есть музыканты. Гульбища устраиваются чаще всего возлѣ кабаковъ. Дѣвки на гульбищахъ не гуляютъ до темнаго, а не задолго до заката солнца собираются всѣ кучею и идутъ домой съ пѣснями.

Духовъ день въ деревнѣ Хвошнѣ.

Дня за четыре до Духова дня въ Хвошнѣ варятъ пиво. Въ субботу передъ Духовымъ днемъ послѣ обѣда каждый хозяинъ запрягаетъ себѣ коня и ѣдетъ за *„ма́емъ"*. „Маемъ" называются молодыя лиственныя деревья. Высаживаютъ крестьяне линіями май возлѣ домовъ на улицѣ и около каждаго двора. Хозяинъ, у котораго была Никольщина, выноситъ изъ клѣти образъ Николая и св. Троицы, ставитъ въ хатѣ на кутѣ, а также и свѣчи.

Въ субботу передъ Духовымъ днемъ вечеромъ посылаетъ хозяйка звать къ себѣ однихъ бабъ, велитъ послу сказать такъ: „приходите, бабы, и приносите деньги на Троицу". Бабы всѣ идутъ и несутъ деньги по пятнадцати копеекъ съ бабы. На Духовъ день хозяинъ ѣдетъ въ городъ и покупаетъ бабамъ на всѣ эти деньги водки.

На утро хозяйка печетъ пироги и всѣхъ угощаетъ завтракомъ. Завтракаютъ поздно по случаю позднягo окончанія обѣдни (въ Хвошнѣ храмовой праздникъ). Тѣмъ, которыя отправляются въ церковь, а оттуда на гулянье, хозяйка увязываетъ имъ въ платокъ

закуску: пирогъ и драцоны. Выйдя изъ церкви, мужчины и молодухи идутъ къ попамъ и пьютъ горѣлочку, закусываютъ своею закускою, и идутъ на гульбище къ кабаку; тамъ дѣвки пляшутъ, а молодухи съ мужчинами водку пьютъ. Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ пиво варятъ, зовутъ гостей. На гульбищѣ, когда увидятъ родныхъ изъ другой деревни, то зовутъ ихъ къ себѣ въ гости.

Приходятъ домашніе вмѣстѣ съ гостями уже совсѣмъ вечеромъ и садятся гости на лавкѣ; ихъ угощаютъ пивомъ. Потомъ просятъ за столъ садиться и угощаютъ ихъ ужиномъ и водкою. На утро просыпаются гости, хозяйка подаетъ имъ завтракъ. Послѣ завтрака гости выходятъ на улицу и поютъ пѣсни; пока обѣдъ, они ходятъ по сосѣднимъ домамъ и сидятъ тамъ.

Въ гости ходятъ однѣ молодухи и женатые мужчины, а дѣвки и холостые не ходятъ по гостямъ.

Когда придетъ время обѣда, около одиннадцати часовъ утра, хозяйка посылаетъ кого-нибудь разыскать своихъ гостей и привести ихъ въ ея домъ. Когда соберутся всѣ домашніе и гости, молятся Богу и садятся за столъ. За обѣдомъ хозяинъ угощаетъ гостей водкою и пивомъ; послѣ обѣда всѣ молятся Богу, благодарятъ хозяевъ и уходятъ. Дѣвки собираются кучею и идутъ, а холостые мальцы своею кучею, и всѣ идутъ на гульбище къ кабаку. Замужнія бабы и женатые мужчины остаются дома. Хозяинъ, у котораго была „Никола", готовится на Троицу гостей звать. Въ Хвошнѣ есть свой образъ братскій св. Троицы и этотъ образъ мѣстные крестьяне носятъ вмѣстѣ съ „Николой". Кто беретъ образъ Николы, беретъ и образъ св. Троицы. И такая же большая свѣча, какъ передъ Николою, стоитъ передъ Троицей и въ такомъ же большомъ деревянномъ подсвѣчникѣ. Когда гости и дѣвки идутъ на гульбище, хозяйка идетъ звать къ себѣ въ гости всѣхъ бабъ своей деревни.

Соберутся гости, хозяйки несутъ по булкѣ хлѣба, по восковой свѣчкѣ. Войдя въ хату, помолятся; свѣчечки кладутъ на подсвѣчникъ, а хлѣбъ кладутъ на столъ. Богу молятся, кланяются; всѣ между собою рукаются, хозяйка съ хозяйкой цѣлуются. Немного посидятъ всѣ въ ожиданіи, пока войдетъ полное число гостей. На Троицу мужчины въ гости не ходятъ. Хозяйка принесетъ ведро пива и ставитъ на лавкѣ около иконъ, угощаетъ бабъ пивомъ. Вотъ всѣ собрались. Бабы становятся на колѣна и молятся Богу. Послѣ молитвы всѣ бабы одна съ одной порукаются и поцѣлуются; тогда хозяйка проситъ садиться за столъ. Всѣ садятся: старѣйшія на кутъ, а молодыя въ конецъ стола. Прежде всего всѣхъ сидящихъ обнесутъ пивомъ; тогда рѣжутъ пирогъ, и хозяйка даетъ свою водку: каждой гостьѣ по два стакана льетъ и капусту подаетъ на столъ, потомъ поливку съ говядиной, лапшу, а передъ лапшой хозяйка даетъ еще по одному стакану водки, потомъ подается холодецъ и каша. А передъ кашей хозяйка вно-

ситъ боченокъ водки, которая куплена за бабскія деньги. Бабы сами выливаютъ эту водку въ ашайки и зовутъ къ себѣ хозяина дома пить свою водку: „Грасимъ Восипывицъ, хади нашей водки выпій!“ Хозяинъ подходитъ, „здоровкается“ съ бабами и пьетъ. Тогда одна изъ бабъ обноситъ всѣхъ бабъ водкою. Бабы выпьютъ своей водки по одному стакану, остальную водку послѣ обѣда бабы сами несутъ прятать въ клѣть, ставятъ ее въ сундукъ и сундукъ примыкаютъ, а ключъ беретъ къ себѣ которая нибудь изъ бабъ, но не хозяйка дома. Сами онѣ тутъ пляшутъ, поютъ пѣсни, веселятся, а иногда попробуютъ пройти цыганками по своей деревнѣ, но пройдутъ тихо, безъ вѣниковъ по всѣмъ дворамъ. Вечеромъ возвращаются въ свой домъ и ложатся спать.

Троичонокъ.

На другой день послѣ Троицы празднуютъ въ Хвошнѣ Троичонка. Утромъ хозяйка посылаетъ звать однихъ бабъ къ себѣ въ домъ, гдѣ иконы св. Троицы и Никола. Собираются бабы, несутъ съ собою сало, яйца и сковороды. Бабы сами отмыкаютъ свою горѣлку и вносятъ ее въ хату, наливаютъ въ ашаекъ, и одна изъ бабъ обноситъ всѣхъ водкою по одному стакану. Остальную водку выносятъ опять бабы въ клѣть и замыкаютъ ее. Начинаютъ драничукъ жарить. Бабы сами посылаютъ кого нибудь изъ этого двора звать сюда мужчинъ. Мужчины сидятъ кучею на улицѣ около чьего нибудь двора. Велятъ бабы сказать: „мужчины, идите къ бабамъ. Ти будитя вы класъ на гарѣлку? А то бабы ужу дранцукъ жарютъ!“ Мужчины скажутъ: „идемъ!“

Мужчины всѣ собираются и приносятъ каждый по пятнадцати копеекъ. Собравши эти деньги, кто нибудь одинъ идетъ поскорѣе за горѣлкой. Пока бабы драничукъ сжарятъ, и водка готова. Садятся непрошенные за столъ: мужчины на кутъ, а бабы въ концѣ стола. Бабы несутъ свою остальную водку, а мужчины достаютъ свою; выливаютъ всѣ вмѣстѣ въ ашайки и пьютъ. Который нибудь изъ мужчинъ раздаетъ водку мужчинамъ, а одна которая нибудь изъ бабъ раздаетъ водку бабамъ, дѣлятъ водку равно какъ между мужчинами, такъ и между бабами; безъ ссоры, тихо и спокойно; водку разопьютъ и начинаютъ водку закусывать дранцукомъ. Закусивши, выходятъ изъ-за стола, Богу молятся, благодарятъ хозяина и хозяйку. Тогда бабы пѣсни поютъ и скачутъ, а потомъ пойдутъ гулять на улицу и тамъ пѣсни поютъ и скачутъ.

В. Добровольскій.

У болгаръ въ Таврической губерніи.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Голая, выжженная солнцемъ, скучная степь... Одна за другой тянутся въ безконечную даль тощія десятины крестьянскихъ посѣвовъ. Ни одной зеленой травки, ни одного деревца, на которомъ могъ бы отдохнуть глазъ, утомленный скучнымъ однообразіемъ степного пространства. Съ трудомъ даже вѣрится тому, что говорятъ о недалекомъ прошломъ этой мѣстности, когда большая часть приазовскихъ степей еще была покрыта густымъ ковромъ зарослей кустарника и высокой травы, гдѣ не только находили себѣ пріютъ миріады дикихъ гусей, дрофъ, утокъ и другой твари, но и свободно могли укрываться разныя темныя личности, въ родѣ разбойника Остроилова, наводившіе своимъ геройствомъ ужасъ на мѣстныхъ жителей и оставившіе по себѣ громкую славу во всемъ околоткѣ.

Совершенно другую картину представляетъ бердянская степь въ настоящее время. Тяжелую жизнь пережила она, не мало и горя пришлось ей увидѣть на своемъ вѣку. Здѣсь кочевали когда-то орды дикихъ кавказскихъ народностей; здѣсь несомнѣнно бывали и древніе греки, которыхъ отечество, въ интересахъ своего развитія, высылало на безлюдные берега далекихъ морей, и сыны Греціи даже въ этой непривлекательной обстановкѣ быстро созидали славу своей родины, хотя также быстро и сходили съ исторической сцены, смытые волнами новыхъ народныхъ теченій.

Черезъ эти степи проходили гунны и авары, направляясь къ богатымъ странамъ западныхъ народовъ. Здѣсь побывалъ когда-то и князь Игорь Святославичъ... Уже въ болѣе близкое къ намъ время, черезъ азовскія степи пришли на Русь татары, но снова

ушли, очевидно мало разсчитывавшіе на успѣхъ своего предпріятія. Болѣе прочно утвердились здѣсь нѣсколько позднѣе другіе татары, которые пришли съ сѣверо-востока на югъ Россіи и начали кочевать въ ея степяхъ, прилегающихъ къ нашимъ южнымъ морямъ — Азовскому и Каспійскому, а впослѣдствіи, разбившись на двѣ орды — Астраханскую и Ногайскую, основали здѣсь два царства.

Въ теченіе всего послѣдующаго и ближайшаго къ намъ времени въ Бердянскій у. являлись все новыя и новыя народности. Въ началѣ нашего столѣтія сюда пришли нѣмцы, которые, въ свою очередь, застали здѣсь молоканъ и другихъ переселенцевъ изъ русскихъ губерній. Въ шестидесятыхъ годахъ, вскорѣ послѣ Севастопольской обороны, въ Бердянскій уѣздъ явились болгары и заняли громадную его площадь. Это были люди, бѣжавшіе нѣкогда изъ своего отечества (особенно въ началѣ XIX ст.) отъ угнетеній турокъ въ сосѣдніе предѣлы Россіи — Бессарабскую губ. и обосновавшіеся здѣсь въ окрестностяхъ Измаила, т. е. въ той части Бессарабской губ., которая по парижскому трактату 1856 г. отходила къ Турціи; здѣсь, въ Бессарабской губ., каждый болгаринъ-хозяинъ, т. е. крестьянинъ, имѣвшій свою землянку и кое-какой хозяйственный инвентарь, получалъ отъ общества въ пожизненное пользованіе шестьдесятъ десятинъ земли, которыя съ его смертью снова переходили въ собственность общества. Крестьяне занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, но сѣяли сравнительно немного, хотя земли въ своемъ распоряженіи имѣли больше, чѣмъ теперь. Послѣ Севастопольской кампаніи, когда та часть Бессарабской губ., гдѣ между прочимъ были расположены и поселки нашихъ болгаръ, должна была перейти къ Турціи, болгарамъ было предложено, если они желаютъ оставаться въ предѣлахъ Россіи, занять въ вѣчное, наслѣдственное владѣніе казенные участки земли въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губ. по пятидесяти десятинъ на „номеръ", т. е. дворъ или хозяйство. Болгары, хотя и не всѣ, согласились на это предложеніе, и вскорѣ въ числѣ шестидесяти тысячъ душъ обоего пола переселились въ Бердянскій уѣздъ.

Въ болгарскомъ журналѣ „Періодическо Списаніе" (Срѣдецъ, 1894, кн. XLIV) напечатано нѣсколько народныхъ болгарскихъ пѣсенъ, записанныхъ у болгаръ въ Бердянскомъ уѣздѣ. Собиратель этихъ пѣсенъ, народный учитель А. В. Варбанскій, обра

тился, между прочимъ, въ редакцію журнала съ просьбой опредѣлить на основаніи этихъ пѣсенъ ту мѣстность, откуда, можно предполагать, вышли болгары, заброшенные судьбою на берега Азовскаго моря. Редакція, помѣстивъ въ своемъ изданіи записанныя г. Варбанскимъ болгарскія пѣсни, любезно отвѣтила въ примѣчаніяхъ къ этимъ пѣснямъ, что языкъ пѣсенъ даетъ нѣкоторые основанія считать бердянскихъ болгаръ выходцами изъ мѣстности, расположенной между Пловдивомъ, Аджаръ, Калоферъ, Карлово въ южной Болгаріи. Такое точное указаніе мѣстности, намъ кажется, однако, не вполнѣ правильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, записывая народныя пѣсни, г. Варбанскій обращалъ больше вниманія на сюжетъ и его обработку въ народномъ творчествѣ, чѣмъ на особенности мѣстнаго говора, и въ своихъ записяхъ не воспроизвелъ ихъ въ должной строгости и послѣдовательности, а между тѣмъ это обстоятельство является необходимымъ условіемъ для правильнаго рѣшенія поставленнаго имъ вопроса. Неотмѣченныя г. Варбанскимъ характерныя особенности говора, къ числу которыхъ относится, напримѣръ, мягкость произношенія согласныхъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ другихъ болгарскихъ говорахъ слышатся твердые звуки, особенность говора, сближающая его по характеру отчасти съ нашими великорусскими говорами, и другія особенности въ этомъ родѣ остались, конечно, неизвѣстными редакціи „Період. Спис.", въ виду чего и рѣшеніе ея можетъ быть принято нами лишь съ нѣкоторой оговоркой. Кажется, было бы нѣсколько правдоподобнѣе ближайшимъ мѣстомъ родины бердянскихъ болгаръ считать сѣверо-восточную часть Болгаріи, часть, прилегающую къ Россіи, куда болгары и бѣжали отъ турецкихъ угнетеній, потому что имъ было рукой подать до русской границы. Если бы они жили въ южной Болгаріи, то не проще ли было имъ бѣжать въ сѣверные предѣлы своего княжества и тамъ искать себѣ защиты отъ турецкихъ угнетеній. Народныя массы въ тяжелыя минуты своей жизни не легко разстаются съ родиной своихъ предковъ, и мы имѣемъ много примѣровъ изъ исторіи переселенія болгаръ въ Таврическую губ., подтверждающихъ это положеніе. Когда, напримѣръ, болгарамъ было предложено переселиться въ Бердянскій уѣздъ, многіе изъ нихъ, не смотря на всѣ выгодныя условія переселенія, предпочли или остаться на старыхъ мѣстахъ поближе къ Болгаріи, или даже совсѣмъ уйти обратно въ Бол-

гарію. Такимъ образомъ, не безъ нѣкоторыхъ основаній можно также предполагать, что болгары, переселившіеся въ Бердянскій уѣздъ изъ Бессарабской губ., своей родиной имѣли нѣкогда сѣверо-восточную часть нынѣшней Болгаріи, характерныя черты говоровъ которой находятъ себѣ соотвѣтствіе и въ говорахъ бердянскихъ болгаръ.

Занявъ степное пространство Бердянскаго уѣзда, вновь прибывшіе сюда болгары вступили въ самыя широкія сношенія съ своими сосѣдями, отдававшими съ готовностью новымъ пришельцамъ тѣ формы своей внѣшней культурности, которыя бросались имъ рѣзко въ глаза, какъ-то: характеръ своихъ построекъ, домашнюю обстановку, костюмъ и украшенія, но въ связи съ этимъ пришлому населенію передавались и нѣкоторыя новыя для нихъ черты нравственности. Какъ бы ни относились къ подобнымъ явленіямъ акклиматизаціи пришлаго населенія на новыхъ мѣстахъ жительства, мы должны, однако, согласиться съ тѣмъ, что эти явленія—результатъ многихъ и часто неизбѣжныхъ топографическихъ, экономическихъ и др. условій развитія народа, поставленнаго въ необходимость международнаго взаимодѣйствія. Насколько эти явленія развитія можно, вмѣстѣ съ тѣмъ, считать и признакомъ жизнеспособности той націи, которая, какъ бы уступая подъ давленіемъ не только болѣе сильныхъ, но часто даже случайныхъ элементовъ, быстро теряетъ типичныя черты своей физіономіи,—рѣшить очень трудно. Впрочемъ, разсмотрѣніе этого вопроса въ настоящее время отвлекло бы насъ слишкомъ въ сторону. Ближайшая задача нашей замѣтки дать краткій очеркъ жизни, дѣятельности и условій развитія болгарской народности, какъ новой этнографической единицы, входящей въ составъ населенія южнаго края Россіи. Врядъ ли можно не соглашаться съ тѣмъ, что только народъ, поставленный въ благопріятныя условія своего экономическаго развитія и такъ или иначе освободившійся отъ гнета давящихъ на него отовсюду житейскихъ обстоятельствъ, что только такой народъ мало-по-малу начинаетъ ощущать потребность въ извѣстномъ культурномъ общеніи, изъ котораго старается извлекать новыя формы для своего быстро развивающагося самосознанія. Потребность въ общеніи вызывается развитіемъ народнаго самосознанія, характеръ общенія опредѣляется чисто случайными обстоятельствами—сосѣдствомъ, тѣми или иными потребностями и т. д.; формы же, въ

какихъ проявляется или выражается это общеніе, зависятъ, конечно, отъ степени развитія самосознанія. Вполнѣ естественно, что народъ, стоящій на низкой ступени культурности, но поставленный въ благопріятныя условія своего развитія, безсознательно обращаетъ вниманіе только на внѣшнюю сторону сосѣдней культуры, не отдавая себѣ отчета въ ея необходимости или пригодности для своего развитія. Во всякомъ случаѣ, это явленіе уже можетъ служить показателемъ нѣкоторой степени культурнаго развитія народа; въ будущемъ, если ему позволятъ обстоятельства, онъ, можетъ быть, создастъ и соотвѣтствующее содержаніе: легче изъ землянки перейти жить въ лучшую обстановку тогда, когда уже есть эта обстановка, чѣмъ измѣнить гигіеническія условія своей жизни, если, не имѣя хорошаго помѣщенія, приходится ютиться рядомъ въ одномъ помѣщеніи со скотиной.

Переселившись въ Бердянскій уѣздъ, болгары столкнулись здѣсь лицомъ къ лицу съ болѣе культурной нѣмецкой колоніей, которая въ силу этого явилась для новыхъ поселенцевъ образцомъ, впрочемъ, сначала образцомъ только лишь нѣкоторыхъ частностей крестьянскаго хозяйства. Мы говоримъ, лишь нѣкоторыхъ частностей крестьянскаго хозяйства потому, что болѣе серьезными указаніями нѣмецкой колоніи болгаринъ не воспользовался. Нѣмецкая колонія дала ему хорошихъ лошадей, удобные для мѣстнаго хозяйства экипажи, научила его владѣть машиной, но не сообщила ему своихъ болѣе раціональныхъ началъ землепользованія, своей болѣе выгодной системы землевладѣнія, и нѣкоторыхъ частностей своего самоуправленія. Вліяніе нѣмецкой колоніи созданное потребностями хозяйственной жизни болгарскаго поселка, быстро развивалось и постепенно начало сказываться и на нѣтоторыхъ частностяхъ домашней жизни, хотя первое, безспорно, въ этой области мѣсто слѣдуетъ отвести вліянію сосѣдней городской, русско-мѣщанской культуры.

Культурность сосѣдней съ болгарскимъ поселкомъ нѣмецкой колоніи—явленіе слишкомъ сложное, созданное долгой эволюціей жизни народа, его нравовъ и обстановки, причемъ не послѣднюю, несомнѣнно, роль въ этой эволюціи играли и черты народной наслѣдственности, т. е. тотъ готовый запасъ культурности, съ какимъ нѣмецкіе колонисты явились къ намъ въ Россію. Каждая частность жизни и обстановки нѣмецкой колоніи говоритъ о томъ,

что пріобрѣтена она упорнымъ трудомъ долгихъ лѣтъ жизни народа и въ народномъ сознаніи является чѣмъ-то необходимымъ для него, чѣмъ-то такимъ, безъ чего нарушается обычный порядокъ вещей и самыя естественныя требованія жизни. Иначе говоря, жизнь и обстановка нѣмецкой колоніи тѣсно связана съ требованіями болѣе или менѣе развитого народнаго самосознанія. Что же дѣлаетъ болгаринъ, сосѣдъ нѣмецкой колоніи? Не успѣвъ на новыхъ мѣстахъ еще сколько нибудь окрѣпнуть, не успѣвъ еще урегулировать свой бюджетъ и въ своихъ счетахъ свести даже концы съ концами, онъ тѣмъ не менѣе строитъ большой каменный домъ, такой же точно по размѣрамъ и типу постройки, какъ и домъ въ нѣмецкой колоніи, вкладываетъ въ него всѣ свои капиталы, которыхъ однако не хватаетъ, влазитъ въ долги, продаетъ землю... Домъ, наконецъ, выстроенъ, а рядомъ съ нимъ еще раньше онъ успѣлъ построить такую же каменную конюшню, которая вплоть примыкаетъ къ самому дому, такъ что обѣ эти постройки сходятся обыкновенно подъ одной крышей. Такимъ образомъ, значительная часть болгарскаго двора съ внѣшней стороны устроена по образцу нѣмецкой колоніи, хотя далеко не соотвѣтствуетъ своему образцу въ другихъ отношеніяхъ. Мы, однако, не должны упускать изъ виду, что разсматриваемое нами явленіе далеко не общеобязательно: мы говоримъ о немъ всего лишь какъ о наиболѣе рѣзкой тенденціи крестьянскаго хозяйства, наблюдаемой на каждомъ шагу жизни болгарскаго поселка.

Выстроивъ себѣ большой каменный домъ о трехъ или четырехъ комнатахъ съ набѣло выштукатуренными стѣнами и деревянными полами, болгаринъ тѣмъ не менѣе продолжаетъ ютиться въ проходной между домомъ и сараемъ комнатѣ съ глинянымъ поломъ, съ удушливыми испареніями изъ конюшни, съ пылью и копотью отъ большой оригинальной болгарской печи, съ выходящимъ прямо въ потолокъ отверстіемъ для дыма. Въ комнатахъ болгарскаго дома вы найдете полную мѣщанскую обстановку: деревянные диваны съ обитыми пестрымъ ситцемъ спинками и сидѣніемъ, такіе же, впрочемъ иногда и вѣнскіе, стулья, столы „подъ орѣхъ" и „подъ ясень" базарнаго производства, зеркала на стѣнахъ грошеваго издѣлія, въ которыхъ въ одно и то же время можно видѣть нѣсколько своихъ физіономій, комодъ съ гипсовыми изваяніями собакъ и куколъ на немъ и т. д. И комнаты эти откры-

ваются только по особо торжественнымъ случаямъ: въ остальные дни года они стоятъ заперты...

Нѣкоторые очень зажиточные нѣмцы-колонисты имѣютъ у себя рессорные экипажи. Самый посредственный болгаринъ старается и у себя завести такой же экипажъ—„тачанку", хотя этого экипажа вы не встрѣтите ни въ одномъ, даже болѣе зажиточномъ, сосѣднемъ русскомъ селѣ, гдѣ крестьяне пользуются заимствованной у нѣмца же, но болѣе приспособленной къ хозяйству, обычной, впрочемъ, и въ болгарскомъ хозяйствѣ, нѣмецкой бричкой.

Эти и другіе подобные факты въ жизни болгарскаго крестьянина рѣзко рисуютъ своеобразное отношеніе народа къ сосѣднимъ культурамъ и къ вопросамъ своего культурнаго развитія. Безотчетное стремленіе къ воспроизведенію у себя того, что имѣетъ сосѣдъ—вотъ характерная черта, если не ошибаемся, всей массы болгарскаго народа, и ей болгаринъ остается вѣрнымъ и на новыхъ мѣстахъ своего жительства, гдѣ благопріятныя къ тому же топографическія и этнографическія условія развитія, давая богатый матеріалъ, еще болѣе способствуютъ укрѣпленію въ населеніи этого оригинальнаго и характернаго явленія его жизни.

Кромѣ Бердянскихъ болгаръ въ Таврической губ. есть еще болгары на полуостровѣ въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ, переселившіеся сюда изъ Болгаріи нѣсколько раньше переселенія бессарабскихъ болгаръ въ Бердянскій уѣздъ. Эти болгары при тѣхъ же экономическихъ условіяхъ своего развитія, но въ силу исключительныхъ условій, топографическихъ (горы) и этнографическихъ (сосѣди—бѣдные, безземельные татары или почти такіе же русскіе поселенцы), сохранили почти въ полной неприкосновенности всѣ типичныя черты своей частной и общественной жизни, не смотря и на болѣе продолжительный промежутокъ времени жизни въ чужихъ совершенно краяхъ, вдали отъ своей родины, и сохранили на столько прочно эти черты, что бердянскій болгаринъ, въ сравненіи съ крымскимъ, кажется совершенно другимъ народомъ: если бы не общій языкъ да нѣкоторыя общія частности бытовой и обрядовой жизни того и другого народа, мы никогда не сказали бы, что обѣ болгарскія семьи своимъ отечествомъ имѣютъ одну и ту же Болгарію и вышли въ Россію чуть ли даже не изъ одного и того же села. Такъ рѣзко и сравнительно быстро измѣняется типъ народности, поставленной въ извѣстныя условія своего развитія.

Подъ вліяніемъ этихъ же условій болгары степной части Таврич. губ. начинаютъ постепенно забывать и свою поэзію. Пѣсни у нихъ замѣтно дѣлаются меньше по объему, при чемъ нерѣдко забывается даже смыслъ отдѣльныхъ выраженій, которыя, несомнѣнно, не такъ давно были еще вполнѣ осмыслены. Что касается народныхъ обычаевъ и обрядовъ, то ихъ и половины не уцѣлѣло отъ того запаса, съ какимъ болгары явились въ Бердянскій уѣздъ. Я приведу одинъ любопытный примѣръ, прекрасно иллюстрирующій процессъ постепеннаго вымиранія народной поэзіи у болгаръ въ Бердянскомъ уѣздѣ. У этихъ болгаръ ежегодно 9-го мая можно наблюдать характерный праздникъ, сохранившій названіе „пеперу́да ля́да"

Праздникъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. Нѣсколько дѣвочекъ-подростковъ собираются вмѣстѣ, выбираютъ изъ своей среды одну главную, обыкновенно эта роль выпадаетъ на долю какой нибудь сиротки, надѣваютъ ей на голову вѣнокъ, и эта „пеперу́да" въ сопровожденіи своихъ подругъ ходитъ по дворамъ. Заходя въ домъ, она кропитъ комнаты водой, а хозяева дарятъ гостямъ подарки въ видѣ муки, хлѣба, масла и др. припасовъ и обливаютъ дѣвочекъ водой, а онѣ въ это время поютъ:

„Пеперу́да ля́да,
Изъ во́да са мя́да.
Дай ми, Боже, дожде́ца,
Да ми ро́ди жи́ту,
Жи́ту и пшени́чка
И ля́тна рачи́чка!"

На слѣдующій день эти дѣвочки изъ собранныхъ припасовъ готовятъ обѣдъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изъ грязи лѣпятъ фигуру мальчика, которую относятъ въ поле и съ плачемъ закапываютъ въ землю, послѣ чего возвращаются домой и ѣдятъ приготовленное кушанье.

На мои разспросы, что значитъ въ переводѣ на русскій языкъ и какой, вообще, имѣетъ смыслъ начало пѣсни:

„Пеперу́да ля́да
Изъ во́да са мя́да!.."

никто изъ тѣхъ лицъ, кто пѣлъ эту пѣсню, не могъ дать сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія. Объяснить его можно приблизительно такъ. „Пеперуда" — значитъ мотылекъ; „ляда", повидимому, отождествляется съ „лада" или „ладо„ — какое то

миѳическое существо, „мяда“ — вм. „мята“ твердое произношеніе звука *т*. Слѣдовательно, вм. „са мяда“ слѣдуетъ предполагать „са мята“, т. е. бросается; „изъ вода са мя́да“ можно перевесть— выбрасывается изъ воды, или купается, ныряя въ водѣ. Такое же безсознательное вначалѣ твердое произношеніе звука *т*, переходящее съ теченіемъ времени къ сознательно произносимое *д*, мы можемъ допустить и для слова „ля́да“ и вмѣсто него предполагать первоначальное „лята“, т. е. летаетъ.

И такъ, въ этой пѣснѣ разсказывается о мотылькѣ, который летаетъ и купается въ водѣ. Вещь сама по себѣ, можетъ быть, и возможная, но врядъ ли наше толкованіе будетъ вполнѣ отвѣчать дѣйствительности, и въ этомъ очень легко убѣдиться, если сравнить эту пѣсню съ аналогичною же пѣснею, впрочемъ гораздо длиннѣе по содержанію, записанною у болгаръ въ Ѳеодосійскомъ уѣзда. Пѣсня эта начинается такъ:

„Пеперу̀га ля́та
Изъ во́да са мя́та“ и т. д.,

т. е. ласточка летаетъ и, ныряя, купается въ водѣ. Несомнѣнно, о ласточкѣ, какъ птицѣ весны, болѣе умѣстно говорить въ весенней пѣснѣ, чѣмъ о какомъ то купающемся мотылькѣ. И такъ, можно предполагать, что дѣвочка, украшенная цвѣтами, должна являться прообразомъ не бабочки, а весенней ласточки, которая, купаясь въ водѣ, окруженная своими подругами, несетъ какую то вѣсть населенію. Мы привели одинъ чисто случайный примѣръ, отчасти характеризующій процессъ постепеннаго упадка народнаго творчества. Но такихъ примѣровъ можно найти очень много, въ томъ числѣ и любопытные случаи смѣшенія въ одной и той же пѣснѣ различныхъ сюжетовъ и ихъ деталей, которые раньше, несомнѣнно, были предметомъ самостоятельной обработки.

Намъ извѣстны четыре народно-музыкальныхъ болгарскихъ инструмента: *гайда*, *кеменче*, *коваль и свирка*, которые не такъ давно можно было встрѣтить очень часто, хотя каждый изъ этихъ инструментовъ, надо полагать, имѣлъ свою площадь распространенія, гдѣ онъ пользовался преимущественными симпатіями. Въ настоящее время какой нибудь „гайдаджія“, т. е. артистъ, играющій на „гайдѣ“—музыкальномъ инструментѣ въ родѣ „козы“ или „волынки“, или какой нибудь „кеменчеджія“,—умѣющій хорошо

играть на „кеменче“,—муз. инструментѣ въ видѣ скрипки о трехъ струнахъ—бываютъ обыкновенно извѣстны на весь уѣздъ, и для того, чтобы послушать, напримѣръ, игру на „гайдѣ“, я долженъ былъ ѣхать верстъ за тридцать въ другое село. Болѣе или менѣе прочно у бердянскихъ болгаръ удержался наиболѣе легкій изъ музыкальныхъ инструментовъ—„кеменче“; въ каждомъ почти болгарскомъ поселкѣ его пиликанье можно слышать такъ же часто, какъ и напѣвы—„Эй, горе не бѣда!..“ и „Разлука, ты разлука“, распѣваемые по улицамъ болгарскими парнями. Число профессіональныхъ народныхъ пѣвцовъ музыкантовъ, которые когда то могли поражать слушателей богатствомъ своей творческой памяти, ежегодно убываетъ, въ виду чего и запись произведеній народнаго творчества въ настоящее время сопряжена уже съ большею трудностью: осталось слишкомъ мало лицъ, которыя могли бы сообщить что нибудь интересное, заслуживающее вниманія.

У болгаръ существуетъ обычай—„сѣдянки“. Осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, какъ только зайдетъ солнце, дѣвушки раскладываютъ среди улицы костры, садятся вокругъ нихъ съ работою и поютъ особыя, такъ называемыя „сѣдяночныя“ пѣсни, содержаніе которыхъ посвящается исключительно вопросамъ сердечныхъ отношеній.

Къ дѣвушкамъ очень чинно подходятъ молодые люди, всѣ вымытые, пріодѣтые, и усаживаются въ сторонѣ, молча наблюдая за ихъ работой. Мало-по-малу завязывается скромный разговоръ, но не надолго, бесѣду опять смѣняютъ пѣсни и работа. Зимою эти „сѣдянки“ переносятся въ комнаты и продолжаютъ въ томъ же порядкѣ до самой весны. Такой характеръ „сѣдянки“ носили прежде. Теперь, въ виду преслѣдованія костровъ полиціей, дѣвушки поютъ на улицахъ безъ костровъ, если есть луна, то при лунномъ освѣщеніи. Парни являются на сѣдянки съ какимъ то дикимъ гиканьемъ и въ безобразнѣйшихъ костюмахъ, разсчитанныхъ скорѣе на то, чтобы въ случаѣ вольной выходки удобнѣе скрыть физіономію, чѣмъ на то, чтобы показать себя въ приличномъ видѣ той, которая этой же осенью можетъ стать подругою его жизни. Мнѣ разсказывали, между прочимъ, что недавно въ одномъ селѣ парни во время „сѣдянки“ вытащили арканомъ изъ комнаты нѣсколько пожилыхъ особъ, сохранившихъ свою старую привычку присутствовать на „сѣдянкахъ“ съ того сравнительно

недавняго времени, когда ихъ присутствіе въ обществѣ молодежи было еще самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, когда онѣ, являясь на такую „сѣдянку", пользовались даже особымъ вниманіемъ... Очевидно, теперь ихъ присутствіе на „сѣдянкѣ" было совершенно не кстати.

Можно было бы привести еще цѣлый рядъ подобныхъ фактовъ, но мы думаемъ, что и приведенныхъ нами вполнѣ достаточно. Они ясно говорятъ о томъ, что наши болгары въ настоящее время постепенно утрачиваютъ типичныя, характерныя черты своей національности. Но пріобрѣтаетъ ли народъ что либо новое взамѣнъ того, что онъ такъ быстро теряетъ, рѣшить очень трудно; впрочемъ рѣшать и преждевременно: нуженъ опытъ исторіи для того, чтобы по вопросамъ, касающимся развитія народа, можно было дѣлать какія бы то ни было заключенія. Къ чему приведетъ народъ его развитіе, выйдетъ ли онъ побѣдителемъ изъ борьбы разнородныхъ элементовъ національности и международнаго воздѣйствія и, пройдя переходную ступень, вступить на путь общекультурнаго развитія, или же, потерявъ въ борьбѣ свою индивидуальность, потеряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всякую способность развитія и, войдя органически въ составъ населенія, не внесетъ съ собою ничего ни физически, ни нравственно его оздоравляющаго,— это покажетъ будущее.

Не менѣе интересный кризисъ переживаетъ и современное крестьянское хозяйство. И въ немъ идетъ такая же точно борьба старыхъ культурныхъ началъ съ новыми условіями развитія, борьба, которой крестьянинъ къ сожалѣнію, платитъ, почти полнымъ разореніемъ своего хозяйства, и только надежда на лучшее будущее, въ которомъ главная роль отводится судьбамъ Провидѣнія и отчасти личной иниціативѣ, поддерживаетъ крестьянина въ этой борьбѣ.

Южная приморская полоса Россіи—полоса преимущественно земледѣльческая. Исключительныя почвенныя и климатическія условія мѣстности, дающія возможность культивировать выгоднѣе по своей урожайности сорта зернового хлѣба, непосредственная связь съ внѣшнимъ рынкомъ, особыя качества южно-русскаго хлѣба, обезпечивающія скорый и выгодный сбытъ его за границу: все это дѣлаетъ хлѣбопашество главною отраслью крестьянскаго хозяйства въ сѣверной части Таврической губерніи.

Переселившись въ Бердянскій уѣздъ, болгары разбились здѣсь на такія же приблизительно группы или общества, на какія они дѣлились и въ Бессарабской губ., гдѣ каждый крестьянскій дворъ имѣлъ въ пожизненномъ владѣніи по шестидесяти десятинъ общинной земли.

Крестьянинъ распахивалъ тотъ участокъ земли, какой ему ежегодно указывало общество, а въ интересахъ равномѣрности распредѣленія земли по качеству и производительности ея почвы между всѣми членами общества, „нивки" крестьянина оказывались обыкновенно разбросанными по всему полю. Но такое распредѣленіе пахотной земли сохранялось только на одинъ годъ: въ слѣдующемъ году крестьянинъ долженъ былъ ждать новаго распредѣленія, а тѣ „нивки", которыя обработывалъ онъ въ этомъ году, переходили въ руки новаго владѣльца. Такой порядокъ землепользованія при хорошей вначалѣ урожайности почвы исключалъ, конечно, возможность болѣе осмысленнаго отношенія населенія къ своему дѣлу, и при отсутствіи обязательнаго удобренія никто изъ крестьянъ по личной инипіативѣ не предпринималъ никакого удобренія, считая это дѣло для себя совершенно излишнимъ, разъ онъ пользуется своей „нивкою" всего лишь въ теченіе одного года, потому что въ слѣдующемъ году она должна перейти къ другому владѣльцу, который настолько индифферентно относится къ вопросамъ своего хозяйства, что никогда не сталъ бы принимать никакихъ мѣръ къ тому, чтобы сколько нибудь поднять производительность почвы своей десятины. Вся пахатная общинная земля, къ тому же, раздѣлялась у нихъ обыкновенно на два поля — одно распахивалось, другое оставлялось подъ „толоку". Въ слѣдующемъ году дѣлалось наоборотъ: распахивалось то поле, которое въ предыдущемъ году оставлялось подъ „толоку", и т. д. Такой обмѣнъ совершался ежегодно. Вотъ, въ общихъ чертахъ, тѣ начала, съ которыми болгарскіе колонисты явились въ Таврич. туб. Съ ними они свыклись на родинѣ и не находили нужнымъ измѣнять имъ и на новыхъ мѣстахъ своего хозяйства при совершенно другихъ условіяхъ его существованія. Всѣ поселенцы болгары Бердянскаго у. считаются крестьянами собственниками, изъ которыхъ каждый въ началѣ поселенія располагалъ пятьюдесятью десятинами собственной земли, за которую, какъ собственникъ, платилъ и платитъ всѣ земскія и государственныя повинности, которую, какъ полную соб-

ственность, можетъ продать кому угодно, впрочемъ, только членамъ своего общества, наконецъ, какъ собственность, можетъ передать ее по наслѣдству своимъ дѣтямъ или кому пожелаетъ, но распоряжаться ею въ хозяйственномъ отношеніи по своему усмотрѣнію онъ не имѣлъ и почти не имѣетъ права: имъ руководитъ въ этомъ отношеніи приговоръ общества, который не всегда, конечно, сообразуется съ интересами индивидуальнаго хозяйства. Крестьянинъ такимъ образомъ оказывается поставленнымъ въ какое то двусмысленное положеніе: въ одно и то же время онъ и собственникъ и не собственникъ... Очень часто крестьянинъ бываетъ не въ состояніи принять самыхъ примитивныхъ мѣръ для того, чтобы поднять производительность почвы своихъ десятинъ, хотя и сознаетъ всю необходимость этихъ мѣръ, не имѣетъ возможности ихъ принять по тому, что его личная инціатива парализуется приговоромъ общества. И на этой почвѣ въ крестьянской жизни создается масса компромиссовъ.

Недавно, напр., въ одномъ селѣ имѣлъ мѣсто такой случай. Приговорами общества изъ года въ годъ, обыкновенно, постановлялось, что каждый крестьянинъ на десятину своей земли, которая у него остается подъ „толокой", имѣетъ право выгонять одну штуку крупнаго скота или опредѣленное количество мелкаго. Если же у крестьянина количество десятинъ превышало соотвѣтственное количество штукъ домашняго скота, то общество платило ему извѣстное вознагражденіе за каждую, остававшуюся у него свободную десятину, такъ какъ въ обществѣ всегда были члены, у которыхъ количество скота значительно превышало количество ихъ толочной земли. Недавно такіе члены отказались платить установленный взносъ, хотя и продолжаютъ выгонять въ поле больше опредѣленной нормы домашняго скота. Въ виду этого одинъ изъ крестьянъ заявилъ, что онъ будетъ запахивать тѣ свои десятины, которыя у него остаются свободными, не принося никакого дохода, хотя за нихъ ему ежегодно приходится платить извѣстныя повинности. Сельскій сходъ, которымъ обыкновенно руководятъ лица, имѣющія крѣпкія голосовыя связки и не желающія принимать въ соображеніе никакихъ доводовъ, предоставилъ этому крестьянину дѣлать съ своими десятинами все, что ему угодно, говоря, что никакихъ денегъ какъ ему, такъ и всякому другому, платить не намѣренъ. Опираясь на это, крестьянинъ, не долго думая, запахалъ

свои свободныя „толочныя“ десятины. Но произволъ этотъ не понравился обществу, и когда посѣвы взошли, то сельскій староста, по порученію схода и съ согласія земскаго начальника, далъ приказъ табунщикамъ потравить противозаконный посѣвъ. Другой крестьянинъ былъ привлеченъ обществомъ къ отвѣтственности за то, что, желая къ осени приготовить нѣкоторыя десятины къ весеннему посѣву, вспахалъ ихъ слишкомъ рано, т. е. тогда, когда послѣ уборки хлѣба, на поляхъ еще пасется домашній скотъ.

Такое положеніе индивидуальнаго хозяйства крайне неблагопріятно отражается на общемъ состояніи крестьянскаго хозяйства, особенно при такихъ условіяхъ землепользованія, когда каждый членъ общества сознаетъ себя юридически полнымъ собственникомъ извѣстнаго участка земли.

Въ настоящее время очень многіе крестьяне съ нетерпѣніемъ ждутъ того времени, когда имъ можно будетъ „вырѣзать“, какъ они говорятъ, свою землю въ отдѣльный участокъ и вести на немъ самостоятельное хозяйство, а нѣкоторые для того только, чтобы избавиться отъ современныхъ невыгодныхъ условій землепользованія и устроить свое собственное, самостоятельное хозяйство, готовы каждую минуту продать всю свою землю и искать для себя новыхъ мѣстъ жительства, разсчитывая, что тотъ же самый участокъ земли, какимъ они владѣютъ въ настоящее время, поставленный въ зависимость лишь отъ личной иниціативы, дастъ имъ вдвойнѣ, сравнительно съ тѣмъ, что онъ даетъ теперь, при безалаберномъ управленіи его общественнымъ приговоромъ. Въ минуты такого настроенія являются, обыкновенно, разныя темныя личности, предлагающія народу купить на очень выгодныхъ условіяхъ прекрасную землю гдѣ-то на Дону или на Кавказѣ. Трудно не поддаться увѣщаніямъ этихъ спекулянтовъ, но, продавъ свою, прекрасную, хотя крайне запущенную и истощенную землю, легко можно остаться и безъ земли и безъ денегъ. Безусловно и теперь еще не поздно и не такъ трудно исправить нѣкоторые недочеты въ жизни крестьянскаго общества, поддержать прекрасное, но пошатнувшееся крестьянское хозяйство и этимъ спасти населеніе. Въ настоящее время далеко не всѣ болгары крестьяне въ Бердянскомъ у. имѣютъ ровно по пятидесяти десятинъ земли, какъ это было въ шестидесятыхъ годахъ при началѣ поселенія. Многіе крестьяне

сейчасъ же продали свои участки и ушли обратно въ Бессарабію, но, возвратившись опять въ Бердянскій у. къ своимъ родичамъ, уже были не въ состояніи купить проданную раньше землю и остались почти безъ куска хлѣба. Другіе на первыхъ же порахъ принуждены были продавать часть своихъ надѣловъ, такъ какъ не имѣли достаточныхъ средствъ для устройства и веденія на нихъ своего хозяйства. По мѣрѣ возрастанія населенія распредѣленіе земельныхъ участковъ между отдѣльными хозяйствами дѣлалось все болѣе и болѣе неравномѣрнымъ, и въ настоящее время, послѣ сорока лѣтъ существованія болгарскихъ поселковъ въ Бердянскомъ у., когда населеніе ихъ увеличилось почти вдвое, общее же количество земли осталось тѣмъ же самымъ, когда и число дворовъ въ отдѣльныхъ поселкахъ почти удвоилось, такъ что, напр., вмѣсто 170 дворовъ теперь ихъ насчитывается 283 [1]),—распредѣленіе земельной собственности уже крайне неравномѣрно. Когда-то всѣ 170 хозяйствъ имѣли по пятидесяти десятинъ каждое, теперь же:

4	хоз.	имѣютъ	по	1	д.	3	хоз.	имѣютъ	по	22	д.	2	хоз.	имѣютъ	по	55	д.
2	„	„	„	2	„	1	„	„	„	23	„	2	„	„	„	56	„
2	„	„	„	3	„	2	„	„	„	24	„	1	„	„	„	57	„
2	„	„	„	4	„	41	„	„	„	25	„	1	„	„	„	59	„
15	„	„	„	5	„	2	„	„	„	26	„	1	„	„	„	60	„
3	„	„	„	6	„	3	„	„	„	27	„	2	„	„	„	62	„
2	„	„	„	7	„	4	„	„	„	28	„	1	„	„	„	64	„
3	„	„	„	8	„	8	„	„	„	30	„	5	„	„	„	65	„
2	„	„	„	$8^1/_2$	„	1	„	„	„	32	„	1	„	„	„	66	„
15	„	„	„	10	„	1	„	„	„	33	„	1	„	„	„	70	„
1	„	„	„	11	„	1	„	„	„	35	„	1	„	„	„	73	„
14	„	„	„	12	„	1	„	„	„	37	„	1	„	„	„	75	„
1	„	„	„	13	„	2	„	„	„	38	„	1	„	„	„	80	„
5	„	„	„	14	„	8	„	„	„	40	„	1	„	„	„	87	„
12	„	„	„	15	„	1	„	„	„	42	„	1	„	„	„	88	„
14	„	„	„	16	„	1	„	„	„	43	„	1	„	„	„	91	„
9	„	„	„	17	„	2	„	„	„	44	„	1	„	„	„	100	„
1	„	„	„	18	„	5	„	„	„	45	„	1	„	„	„	103	„
1	„	„	„	19	„	1	„	„	„	48	„	1	„	„	„	112	„
9	„	„	„	20	„	49	„	„	„	50	„	1	„	„	„	143	„
3	„	„	„	21	„	1	„	„	„	51	„	1	„	„	„	147	„

И такъ, черезъ 40 лѣтъ существованія крестьянскаго поселка, картина его жизни значительно измѣнилась: только 49 хозяйствъ,

[1]) См. записи волостного правленія о селѣ Преславѣ.

т. е. 17,3% общаго числа ихъ, такъ или иначе, удержали нормальный надѣлъ въ 50 десятинъ, или то количество земельной собственности, какое сорокъ лѣтъ тому назадъ имѣли всѣ 170 хозяйствъ; 25 дворовъ (8,8%) увеличили его и остальное большинство, 209 хозяйствъ (73,9%), уменьшили.

Этимъ пока мы и закончимъ свою краткую этнографическую замѣтку о болгарахъ въ Таврич. губ. Болѣе подготовленныя лица могли бы найти здѣсь богатый матеріалъ для спеціальнаго изслѣдованія намѣченныхъ нами вопросовъ, касающихся жизни народа и условій развитія его хозяйства, построеннаго на началахъ мелкой земельной собственности, т. е. того хозяйства, какимъ живутъ наши южные поселенцы. Мы же, съ своей стороны, надѣемся еще возвратиться къ вопросу о жизни нашихъ болгаръ и остановиться преимущественно на ихъ языкѣ и поэзіи.

Н. Державинъ.

Вѣрованія крестьянъ Орловской губ. [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ грамота все болѣе и болѣе стала проникать въ среду крестьянства; съ тѣхъ поръ, какъ школы, благодаря земству, стали все болѣе и болѣе встрѣчаться въ нашихъ селахъ и деревняхъ, а также контингентъ сельскихъ учителей сталъ съ бо́льшимъ умственнымъ кругозоромъ,—съ тѣхъ поръ и прежнія языческія вѣрованія все болѣе и болѣе исчезаютъ изъ памяти нашего деревенскаго люда, такъ что молодое поколѣніе старается уже дать объясненіе необъяснимымъ для ихъ дѣдовъ и отцовъ вещамъ. Явленія видимаго міра крестьянскою молодежью разсматриваются уже не такъ, какъ разсматривались стариками, которые принимали ихъ безъ всякаго разсужденія. Критическій взглядъ на вещи появляется среди крестьянъ, что, по моему мнѣнію, свидѣтельствуетъ объ умственномъ ростѣ нашего темнаго, какъ привыкли его называть, крестьянскаго люда. Недостаточно вѣровать, не зная, дѣйствительно ли то, во что мы вѣруемъ. Развѣ только невидимое смущаетъ сердце крестьянина, да одного ли его пугаетъ то, чего мы не видимъ?—Отсюда понятно, что вѣрованія въ духовъ и въ другія болѣе или менѣе таинственныя явленія еще играютъ роль въ умозрѣніи крестьянъ. Но надо сознаться, что тѣ языческія вѣрованія, которыя уцѣлѣли среди крестьянъ не имѣютъ точнаго объясненія; равнымъ образомъ сплошь и рядомъ также извѣстный обрядъ исполняется, но почему, съ какою цѣлью, что онъ означаетъ—крестьянинъ отвѣта не дастъ, и исполняетъ все безсознательно.

Но всякому безсознательному вѣрованію приходитъ конецъ, оно ветшаетъ и со временемъ уничтожается. Только то прочно и

---

[1]) По даннымъ, собраннымъ въ с. Богодуховѣ и сосѣднихъ селеніяхъ Орловск. уѣзда.

живуче, что принимается съ убѣжденіемъ, сознательно, а не такъ себѣ, на словахъ, на вѣру, какъ говорится.

Передавая собранныя нами свѣдѣнія по вѣрованіямъ мѣстныхъ крестьянъ, мы заранѣе предупреждаемъ читателя, что въ нашей передачѣ не будетъ стройной системы, какъ по самому характеру матеріала, такъ и потому, что эти вѣрованія въ настоящее время представляютъ уже только жалкіе обломки прежняго. Въ общемъ я имѣю въ виду, послѣ сообщенія краткихъ космогоническихъ взглядовъ, остановиться подробнѣе на духахъ, а затѣмъ перейду къ колдунамъ и вѣдьмамъ и заключу статью нѣкоторыми отдѣльными суевѣріями.

Крестьянскія вѣрованія и предразсудки я каждый разъ иллюстрирую соотвѣтственными разсказами, легендами, сказками, а подчасъ и личными впечатлѣніями.

I. Космогоническія представленія.—Духи.

До сотворенія міра Богъ плавалъ на бѣломъ камнѣ. Разъ Онъ кашлянулъ, харкнулъ и появился отъ Его харковины Гоголь-Сатана. Богъ и говоритъ Гоголю: „нырни въ море и достань песку, только когда нырнешь, то непремѣнно скажи: Господи Іисусе Христе!“ Гоголь нырнулъ, но не сказалъ „Господи Іисусе Христе!“ а потому и не досталъ песку. Тогда онъ нырнулъ въ другой разъ и только подумалъ про себя: „Господи Іисусе Христе!“ а потому и вытащилъ подъ ногтями немного песочку. Богъ посѣялъ этотъ песокъ, и появилась жидкая земля, ровная. Тогда Богъ и говоритъ Гоголю: „ты иди на западъ, а я пойду на востокъ, и давай жать землю“.—Пошли, стали жать, и появилась твердая земля, образовались горы, верхи и овраги. Чёртъ и спрашиваетъ у Бога: „зачѣмъ это горы?“ Богъ и говоритъ: „съ горы будетъ ѣхать человѣкъ, то скажетъ: поможи, Господи, съѣхать! а взглянетъ назадъ, то и проговоритъ: эка чёртова Гора! Помянетъ, стало-быть меня и тебя“.

По другимъ разсказамъ, Богъ плавалъ на бѣломъ камнѣ, а тамъ взялъ да и плюнулъ,—появился оттого Гоголь, который нырнулъ въ море и не досталъ дна; нырнулъ Гоголь въ другой разъ, захватилъ было песочку, да вымыло песокъ изъ рукъ; нырнулъ, по повелѣнію Божію, въ третій разъ и принесъ во рту

пять песчинокъ. Богу отдалъ четыре, изъ которыхъ Богъ сотворилъ землю, а пятую песчинку Гоголь оставилъ у себя. Оттого въ мірѣ больше зла, что песчинки для сотворенія земли принесъ Гоголь-Сатана.

Огонь сотворилъ Богъ и схоронилъ его въ кремень. Богъ благословилъ Михаила Архангела и велѣлъ ему изъ кремня высѣкать съ произнесеніемъ словъ: „во имя Отца, и Сына, и Св. Духа!“ Архангелъ сталъ высѣкать, и появились ангелы. Подвернулся Гоголь и говоритъ Михаилу: „ты усталъ, отдохни, дай я посѣку за тебя“. Михаилъ согласился. Сталъ Гоголь высѣкать, и появилось чертей видимо-невидимо, глазомъ не окинешь.

Изгнанные Михаиломъ Архангеломъ изъ рая, злые духи стали врагами людей и съ самаго начала старались вредить имъ. Такъ, когда Ной спасался въ ковчегѣ, дьяволъ обернулся мышью и сталъ прогрызать дыру, чтобы потопить Ноя съ семействомъ. Но ужъ замѣтилъ прогрызенную дыру и заткнулъ ее своей головою, за что Богъ наградилъ его коронкой съ крестомъ, что ясно замѣтно у ужа на головѣ и теперь.

Про кончину міра говорятъ: появятся дороги каменныя, а тамъ желѣзныя, затѣмъ люди станутъ летать по воздуху, земля перестанетъ родить и въ концѣ концовъ окаменѣетъ,—вотъ тогда-то и конецъ міру.

Кстати о желѣзныхъ дорогахъ: когда открылось движеніе по Моск.-Курской ж. д., то крестьяне, живущіе близъ станціи Становой Колодезь, вынесли иконы съ цѣлью остановить поѣздъ, движущійся, по ихъ тогдашнему убѣжденію, дѣйствіемъ черта; когда же поѣздъ остановился на станціи, то всѣ были увѣрены, что это чертъ убоялся ихъ. Теперь, конечно, всѣ думаютъ иначе.

Кромѣ изложеннаго выше о началѣ міра, иного не приходилось слышать, не смотря на все мое стараніе узнать объ этомъ побольше, и на задаваемыя на эту тему вопросы крестьяне отвѣчали мнѣ въ большинствѣ случаевъ согласно библейской исторіи.

Перехожу къ понятію о духахъ. Духи нечистые, иначе черти, повсюду строятъ козни людямъ, и для этого часто принимаютъ видъ различныхъ животныхъ и предметовъ, даже людей.

Между крестьянами ходитъ мнѣніе, что во время метели черти

играютъ съ вѣдьмами и сбиваютъ людей съ дороги; а также опасно ѣхать до пѣнія пѣтуховъ: пропоетъ пѣтухъ—собирайся въ дорогу, тогда чертъ тебѣ ничего не сдѣлаетъ. До пѣнія пѣтуховъ гуляютъ также мертвецы, поэтому въ полночь опасно идти мимо кладбища. Иногда путнику встрѣчаются мыши, въ большомъ количествѣ переходящія дорогу, слышится будто бы въ это время свистъ и хлопанье кнутомъ: это, думаютъ, гонитъ мышей чертъ, и, если кто раздавитъ мышь, то непремѣнно заблудится.

Иногда зимою попадаются старички и просятъ подвезти ихъ; но таковыхъ не слѣдуетъ брать съ собою, а то они приведутъ тебя въ оврагъ или въ болото. Блудятъ не только зимою, но и лѣтомъ, когда тоже чертъ водитъ тебя.

Во время блужданія многіе читаютъ 90-й псаломъ: „Живый въ помощи Вышняго" и т. д., и увѣряютъ, что прочтешь съ вѣрою этотъ псаломъ, и непремѣнно найдешь дорогу; кто же не знаетъ его, то дѣлаетъ такъ: переворачиваетъ съ груди крестъ на спину, стряхиваетъ одежду, полы засучиваетъ назадъ, дугу перепрягаетъ назадъ кольцомъ; сдѣлавъ это, находитъ будто-бы дорогу.

Кто идетъ къ заутренѣ, на Пасху, и погружается въ плотскія грѣховныя мысли, то непремѣнно такого чертъ заведетъ или въ рѣку, или въ болото; является въ это время чертъ въ видѣ красивой женщины и увлекаетъ человѣка. Одинъ экономическій староста разсказывалъ мнѣ, что ѣхалъ онъ верхо́мъ по полю во время цвѣтенія ржи, вдругъ изъ оврага выскакиваетъ что-то бѣлое, гонится за нимъ и хохочетъ; дѣйствительно, староста этотъ пріѣхалъ въ экономію, какъ мнѣ передавали, блѣдный и нѣсколько дней послѣ этого былъ боленъ.

Народъ говоритъ, что чертей видимо-невидимо; не думаешь, не гадаешь, а онъ съ рожками тутъ-какъ-тутъ, и всегда чертъ что-нибудь напоскудитъ, онъ и святого въ грѣхъ вводитъ. Повсюду чертъ.

— Жилъ на селѣ крестьянинъ Пахомъ; былъ онъ трезвый и честный мужикъ, Бога помнилъ и всегда Ему молился, людямъ плохого слова никогда не скажетъ. Только Пахомъ съ самаго вѣнчанія въ церкви не былъ. Думали-гадали сосѣди, отчего это онъ въ храмъ Божій не ходитъ, и додумались до того, что считать стали нашего Пахома колдуномъ. Однажды Пахомовъ сынъ и говоритъ ему: „ты бы, батюшка, хоть разъ въ церковь

сходилъ; а то мнѣ глаза повыкололи, нельзя на улицу показаться; всѣ отъ мала до велика кричатъ: колдунъ твой отецъ, да и полно!“ Что дѣлать! Собрался Пахомъ въ первый воскресный день идти въ церковь, помолиться Богу, да и пошелъ не дорогой, а прямо по водѣ, и идетъ себѣ какъ по суху. Приходитъ, становится, гдѣ людей поменьше, и усердно молится Богу. Глядь, откуда ни взялся маленькій чертикъ, тащитъ онъ воловью кожу, кряхтитъ. Пахомъ увидѣлъ это и усмѣхнулся... Отошла обѣдня, подошли ко кресту, Пахомъ тоже, а тамъ всѣ и по домамъ, кто пѣшкомъ, кто на лошади. Пахомъ же нашъ опять по водѣ, но что-же—идетъ ужъ по колѣно; согрѣшилъ значитъ, усмѣхнулся въ храмѣ. Съ тѣхъ поръ никто не видалъ, чтобы Пахомъ былъ въ церкви.

—Одинъ сапожникъ шилъ подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе до заутрени сапоги. Смотритъ: подъ окномъ стоитъ чертъ, визжитъ, смѣется да говоритъ наконецъ: „отрѣжь-ка мнѣ, дядя, носъ“. Сапожникъ былъ малый смѣлый: хвать черта ножемъ по носу, тотъ взвизгнулъ и пропалъ. Но что же? хотѣлъ было сапожникъ дошивать сапогъ, глядь, а въ немъ носка нѣтъ, отрѣзанъ. Плюнулъ сапожникъ, выругалъ черта и пересталъ съ тѣхъ поръ сапоги точать подъ большіе праздники.

Есть у насъ въ полѣ, не далеко отъ большой дороги такъ называемый „Веселый верхъ“; дурная ходитъ про него слава; не дай Богъ, сбиться ночью съ дороги, а не то прямо ввалишься въ этотъ верхъ, и если не разобьешься совсѣмъ, то всетаки помнёшь бока и у себя и у лошади. Заблудившіеся путники ѣдутъ будто на огонекъ, который тогда свѣтится въ этомъ верху, ѣдутъ и вдругъ сваливаются въ порядочную кручу, откуда ужъ не вылѣзутъ до разсвѣта. Если же кто блудитъ и узнаетъ „Веселый верхъ“, то, сотворивши молитву, какую кто знаетъ, а особенно „Да воскреснетъ Богъ“, проѣзжаетъ этотъ верхъ безъ особыхъ приключеній, и удивительно, какъ только начинаешь читать молитву, огонекъ тотчасъ исчезаетъ. Говорятъ, что это смотритъ кривой чертъ однимъ глазомъ и завлекаетъ путниковъ. Подлѣ „Веселаго верху“ находится котловина, называемая „Городищемъ“. Площадь котловины приблизительно около восьми десятинъ. Давнымъ давно и Городище, и Веселый верхъ представляли изъ себя огромный дремучій лѣсъ, гдѣ гнѣздились одни разбойники; въ самомъ верху

протекаетъ ручей и тутъ же былъ гремучій колодезь; теперь же ни ручья, ни колодезя нѣтъ, одни камни. Привольно и безопасно жили разбойники; веселились и пировали они круглый годъ и верхъ свой прозвали „Веселымъ", а полянку возлѣ верха огородили частоколомъ, окопали, возвели земляную насыпь и прозвали свою любимую полянку „Городищемъ". Слѣды окоповъ и земляной насыпи остались и до сего времени. Дремучій же лѣсъ канулъ въ вѣчность, а полянка, гдѣ совершилось много преступленій, гдѣ пролито было много человѣческой крови, провалилась, и на мѣстѣ ея появилось бездонное озеро. Преданіе говоритъ, что и награбленное добро, и сами разбойники провалились, а атаманъ ихъ Кудіяръ и до сихъ поръ живъ, не принимаетъ его земля, и сильно, и жестоко Кудіяръ мучается и будетъ мучаться до тѣхъ поръ, пока не сыщется смѣльчакъ, который не побоится и въ Свѣтлое Христово Воскресеніе придетъ на Городище и возьметъ награбленное золото, такъ-какъ въ то время Городище растворяется на двѣ половины, и показывается золото, которое можетъ достаться въ удѣлъ смѣльчаку. Въ народной памяти еще живо преданіе, которое и мы передадимъ, какъ слышали отъ стариковъ.

— Много лѣтъ тому назадъ на Святую Русь напали враги, полонили много народу, награбили множество всякаго добра; полоненные отведены были въ тяжкую неволю, отъ которой могла освободить ихъ развѣ одна смерть. Но одинъ плѣнникъ какъ-то ушелъ отъ злыхъ враговъ и пробирался на родину. Шелъ онъ какъ-то дремучимъ лѣсомъ и вдругъ замѣтилъ избушку; подходитъ къ ней и видитъ, что на порогѣ сидитъ сѣдой старикъ, который при видѣ подобнаго существа какъ-то весело встрепенулся и ласковымъ русскимъ голосомъ проситъ незнакомца подойти къ нему безъ всякой боязни; тотъ подходитъ къ нему, здоровается; старикъ дружески вводитъ его въ свою избу и угощаетъ усталаго бѣглеца, чѣмъ Богъ послалъ. Утоливъ голодъ и поблагодаривъ радушнаго старика за угощеніе, бѣглецъ легъ отдохнуть; не успѣлъ онъ еще какъ слѣдуетъ задремать, вдругъ слышитъ шумъ, крики, а тамъ летятъ двѣнадцать зміевъ и прямо къ старику, котораго начинаютъ бить крыльями и наконецъ стали высасывать у него кровь; старикъ сначала кричалъ, затѣмъ стоналъ, а тамъ совершенно помертвѣлъ и сдѣлался синимъ, послѣ чего зміи улетѣли. Въ злой неволѣ бѣглецъ не видалъ подобныхъ ужасовъ и даже потужилъ,

что бѣжалъ отъ враговъ и промѣнялъ рабство на свободу; еще не бóльшіе ли ужасы ожидаютъ меня, думалъ онъ, доберусь ли я до своей родины. Посмотрѣлъ онъ на старика и видитъ, что тотъ понемногу краснѣетъ, синева исчезаетъ; вдругъ старикъ зашевелился и ожилъ, но въ изнеможеніи не можетъ подняться, а ласково смотритъ на бѣглеца и наконецъ тихо говоритъ: вдругъ, не бойся, съ тобой ничего худого не будетъ, дай мнѣ водицы и хлѣбца". Путникъ, еще находящійся подъ вліяніемъ только что пережитыхъ имъ такъ мгновенно и внезапно ощущеній, нерѣшительно, робко встаетъ и подноситъ старику питье и пищу; тотъ немного выпилъ водицы, закусилъ и ласково-тепло поблагодарилъ, затѣмъ съ трудомъ приподнялся и сѣлъ на близъ стоящую скамью.

— „Любезный другъ, сказалъ, наконецъ, старикъ, ты вѣроятно, испугался страшныхъ зміевъ, которые сейчасъ мучили меня, и потужилъ, что забрелъ ко мнѣ несчастному; да, несчастье мое велико и врядъ ли скоро прекратятся мои столь тяжкія мученія, которыя на первыхъ порахъ даютъ мнѣ увидѣть желанную смерть, но однако я опять оживаю за тѣмъ, чтобы снова мучиться; но прошу тебя, другъ, не бойся и выслушай горькую правду". Замолкъ немного старецъ, слезы показались у него на глазахъ, лицо приняло грустный видъ, и онъ уныло продолжалъ:

„На святой Руси, на границѣ Мценскаго уѣзда съ Орловскимъ, есть мѣстечко подъ названіемъ „Городище", а возлѣ его находится, такъ называемый, „Веселый верхъ". Много лѣтъ тому назадъ былъ здѣсь дремучій дубовый лѣсъ, въ которомъ водилось много разбойниковъ, а атаманомъ ихъ былъ я. Разбойничій нашъ станъ былъ окруженъ тыномъ и глубокимъ рвомъ, и прозвали мы мѣсто это „Городищемъ"; въ Веселомъ же верху была моя хатка, сколоченная изъ крѣпкаго дубоваго лѣса; часто здѣсь сходились мои податаманья и есаулы и хвастались мы своими злодѣяніями, и веселились, какъ могли веселиться тогда удалые разбойнички, потому и верхъ свой назвали „Веселымъ". Много у насъ было всякаго награбленнаго добра, которое хоронилось нами въ потаенныхъ мѣстахъ Городища и Веселаго верха; убивали мы проѣзжихъ и прохожихъ, рѣзали ихъ острымъ ножемъ и много, много пролили мы христіанской и иновѣрной крови; шутя мы рѣзали, шутя и жили; въ разбоѣ, пьянствѣ и развратѣ мы забыли Бога. Терпѣлъ Милосердный, но и терпѣнію Его пришелъ конецъ. Однажды,

упившись человѣческою кровью, мы весело пировали; послѣ чего я пошелъ въ Веселый верхъ, въ свою хату, а разбойнички мои остались въ Городищѣ; едва я дошелъ до хаты, какъ увидѣлъ грозную тучу, нависшую надъ Городищемъ; вскорѣ послышался громъ, засверкала молнія, открылось небо, и вдругъ съ великимъ шумомъ охнуло, застонало наше Городище и провалилось, провалились и мои сотоварищи, и провалилось наше награбленное добро; на мѣстѣ провала образовалось бездонное озеро, меня же подхватилъ страшный вихрь и примчалъ въ это мѣсто, гдѣ я теперь живу и такъ зло мучаюсь. Проклялъ меня Богъ, земля меня не принимаетъ, сама смерть боится и коса ея не дотронется до меня, пока не придетъ конецъ этому проклятію. Конецъ же этотъ настанетъ, когда кто осмѣлится взять награбленное нами золото, провалившееся въ Городищѣ; а взять этотъ кладъ можно на Свѣтлое Христово Воскресеніе, между утреней и обѣдней, когда въ это время на Городищѣ, теперь затянутомъ трясиной, является горящая свѣча; растворяется тогда Городище на двѣ половины и открывается кладъ, который достанется смѣльчаку, если онъ не побоится разныхъ страховъ и ужасовъ, преграждающихъ ему дорогу къ кладу. Въ самомъ же Веселомъ верху возлѣ колодца зарыто мое собственное золото, которое можно также взять на Свѣтлое Христово Воскресеніе между утреней и обѣдней, когда на этомъ мѣстѣ появляется огненный пѣтушокъ и крикомъ своимъ даетъ знать о кладѣ. И вотъ, когда кто возьметъ эти клады, тогда земля приметъ меня, и я умру спокойно, до тѣхъ же поръ будутъ меня мучить змѣи, которые ежемѣсячно прилетаютъ сюда числомъ 12 и высасываютъ изъ меня кровь... Послѣдствія этихъ мученій тебѣ извѣстны, милый другъ, а когда онѣ кончатся, я разсказалъ; но прошу и умоляю тебя: разсказывай всѣмъ про скрытое золото и про способъ пріобрѣсти его; авось найдется смѣльчакъ, который обогатится кладомъ, а меня избавитъ отъ столь ужасныхъ мученій". Замолкъ старикъ и въ изнеможеніи свалился со скамьи; скоро онъ забылся крѣпкимъ сномъ.

По пробужденіи его, путникъ-бѣглецъ поблагодарилъ старика за радушный пріемъ и попросилъ указать дорогу изъ лѣса; тотъ исполнилъ его просьбу, проводилъ и на прощаньи опять умолялъ помнить его, славнаго нѣкогда Кудіяра, разсказывать всѣмъ про клады и способы пріобрѣсти ихъ. Бѣглецъ, пришедши на родину,

конечно, все это разсказалъ; узнали его разсказъ наши прадѣды, которые передали нашимъ дѣдамъ, а отъ дѣдовъ узнали и мы". Дѣйствительно, Городище и Веселый верхъ—мѣсто страшное, даже днемъ никто одинъ не проходитъ мимо него.

Въ настоящее время на мѣстѣ Городища находится трясина, слѣды вала видны и теперь, а что раньше вмѣсто трясины было бездонное озеро, вѣрить этому можно, такъ какъ есть еще старики, которые помнятъ, что на мѣстѣ трясины была вода и что въ верстахъ трехъ отъ Городища было много бездонныхъ озеръ, такъ что и деревня, появившаяся подлѣ этихъ озеръ, теперь затянутыхъ, прозывается „Озерками" (деревня эта находится въ Орловскомъ уѣздѣ). Какъ Городище съ Веселымъ верхомъ, такъ и деревня Озерки мнѣ хорошо извѣстны; дѣйствительно, много здѣсь топей и трясинъ, которыя все болѣе и болѣе затягиваются, такъ что съ увѣренностью можно сказать, что въ былое время и были здѣсь бездонныя озера, изъ которыхъ одно по своему таинственному мѣстоположенію и послужило къ приведенной мною легендѣ о провалившемся становищѣ разбойниковъ, о кладѣ на этомъ мѣстѣ и о мученіяхъ атамана Кудіяра, который живъ будто бы и до сихъ поръ. Про дѣйствительность существованія кладовъ на мѣстѣ Городища и Веселаго верха крестьяне увѣряютъ и подтверждаютъ свои увѣренія разными разсказами, изъ которыхъ многіе перешли въ область преданій, но все-таки еще живо сохраняются въ народной памяти; въ правдоподобности этихъ разсказовъ крестьяне не сомнѣваются. Приведемъ изъ нихъ болѣе распространенные среди населенія данной мѣстности.

—Одинъ молодой парень стерегъ коровъ не далеко отъ Веселаго верха; въ самый полдень онъ собралъ коровъ на стойло и видитъ, занялась отъ верха большая собака, шерсть у ней блеститъ, словно золото, и такая она смирная, ласковая, только хвостомъ не виляетъ. Парень слышалъ отъ стариковъ, что ударишь такую собаку палкою, и она превратится въ настоящее золото. Но только хочетъ малый подойти поближе, она прочь; онъ съ палкою за ней, а она вбѣжитъ въ средину стада; выгонитъ ее парень, хочетъ снова ударить, глядь и побѣжала она, да прямикомъ въ Городище, гдѣ разомъ и пропала. Парень этотъ живъ и теперь. Онъ же мнѣ разсказывалъ, что дядя его однажды караулилъ лошадей въ ночномъ; смотритъ—идетъ свинья отъ Весела-

го верха и прямо къ нему и давай его рыломъ толкать, повалила дядю и ну по землѣ катать; катала, катала, захрюкала жалобно, да и прочь, на Городище. Съ испугу дядя не могъ ударить свинью, а ударь ее онъ, то и разсыпалась бы она золотомъ. Часто на Городищѣ видятъ человѣка въ бѣлой одеждѣ и въ шляпѣ, который заманиваетъ въ верхъ; крикъ-же пѣтуха слышали многіе, а также многіе видѣли горящую свѣчу и именно на Пасху, между утреней и обѣдней. — Пошелъ мужичекъ на Свѣтлое Христово Воскресеніе къ Городищу попытать счастья; подходитъ,—видитъ, ярко горитъ свѣчка; перекрестился смѣльчакъ, да прямо къ свѣчкѣ, и что-же? Растворились клады, виднѣется золото; мужикъ набралъ въ полу, начинилъ карманы, хотѣлъ было бѣжать, анъ его за руку старикъ держитъ и говоритъ: „бери, другъ, бери больше, тутъ много"! Оробѣлъ мужичекъ, вырвался, да бѣжать: золото изъ полы вывалилось, въ карманахъ же звенитъ; обернулся назадъ,— глядь, гора за нимъ гонится, хочетъ навалиться, задавить его. Однако, прибѣжалъ мужикъ въ деревню и принесъ полные карманы золота, но только не долго онъ прожилъ, вскорѣ умеръ; семья же его и до сихъ поръ живетъ богато. Народъ молвитъ, что и золотые водятся у дѣтей Пахома, такъ звали нашего мужичка-смѣльчака.

— Пахалъ Иванъ возлѣ Городища; пахалъ до самаго обѣда; присѣлъ отдохнуть, глядь, сзади свинья, а щетина у ней золотомъ переливается. Ударилъ ее мужикъ наотмашь рукой, и посыпалось золото; набралъ его мужикъ, сколько было подъ силу донесть, да и давай Богъ ноги. Съ тѣхъ поръ разбогатѣлъ Иванъ, и внучатки его по сю пору живутъ въ достаткѣ; деньги въ долгъ даютъ и слывутъ на селѣ міроѣдами.

— Идетъ тетка Прасковья изъ Озерокъ въ Богодухово, навѣстить свою дочку, которая была тамъ замужемъ; прошла она мимо Веселаго верху, обернулась и видитъ сзади красивая дѣвушка, вся въ золотѣ; тетка Прасковья оробѣла, прибавляетъ шагу, а дѣвушка все за ней, да за ней, не отстаетъ. Подкашиваются у Прасковьи отъ испуга ноги, но вдругъ дѣвушка, слышно, остановилась. Тетка Прасковья прошла еще немного, остановилась и посмотрѣла назадъ—и что-же? Дѣвушка стоитъ грустная и не зло, а какъ-то ласково грозится, а тамъ и побѣжала прямо къ Веселому верху и пропала въ Городищѣ. Прасковья наша и теперь здрав-

ствуетъ и всѣмъ разсказываетъ про чудную золотую красавицу Веселаго верха.

— Жилъ на селѣ лядащій мужикъ, звали его Васильемъ; семья у Василья была большая, дѣтей куча и всѣ одинъ одного меньше. Баба Васильева съ новины до новины ходила по міру; подросли ребятишки и тѣ стали побираться, а Василій лежитъ себѣ на печкѣ и дѣла ему нѣтъ; земелька вся у сосѣдей; про скотину и птицу говорить нечего. Однимъ словомъ, Василій и семья его жили въ крайней нищетѣ, во всемъ околоткѣ не было бѣднѣе его. Зналъ Василій, что на Городищѣ кладъ есть, зналъ, что найти его можно на Свѣтлое Христово Воскресеніе, между утреней и обѣдней, что тогда здѣсь горитъ свѣча; только смѣлость была-бы, а то и кладъ будетъ. Надоѣло-ли Василью кирпичи на печкѣ протирать или невтерпежъ ему были слезы его хозяйки и ребятишекъ, но только вздумалъ онъ пойти на Городище попытать счастья, благо идти не далеко, всего версты три будетъ. Сказано, сдѣлано; отправился Василій на Пасху до заутрени кладъ искать; подошелъ къ Городищу,—видитъ свѣча горитъ, онъ къ ней—и что-же? Возлѣ свѣчи старикъ сидитъ и говоритъ: „бери, Васильюшка, бери, да и другимъ вели приходить, здѣсь для всѣхъ хватитъ". Оробѣлъ было Василій, но увидалъ золото и давай его въ мѣшокъ класть,—наполнилъ мѣшокъ, да и на утекъ собрался; анъ, не тутъ то было, старикъ ухватилъ его за руку, — не пускаетъ, да и говоритъ: „дай мнѣ клятву, что каждый годъ будешь ѣздить сюда, въ это время, и непремѣнно на лошади, чтобы больше золота увезти, а не то бѣда будетъ". Недолго думавши, Василій страшно поклялся, а тамъ старикъ исчезъ, свѣча погасла и что-то сильно охнуло... Сѣдымъ пришелъ Василій съ Городища, однако, принесъ мѣшокъ золота, которое и закопалъ въ своемъ погребѣ. Испугался Василій своей клятвы и скоро удавился. Сосѣди и семья Васильева знали, что онъ ходилъ за кладомъ, и догадывались, что принесъ онъ и золота, но никто не зналъ, гдѣ онъ его схоронилъ; самъ же Василій объ этомъ никому не сказалъ. Прошло нѣсколько времени, дѣтки его подросли и одинъ изъ нихъ, самый младшій, полѣзъ зачѣмъ-то въ погребъ; ступенька въ лѣстницѣ обломилась, онъ и попалъ ногой подъ лѣстницу; нога вязнетъ, онъ тащитъ, насилу вытащилъ,—смотритъ, образовалась яма, блеститъ золото... Такъ и нашли кладъ, спрятанный Васильемъ; но вотъ бѣда: младшій

сынъ его, что упалъ съ лѣстницы и нашелъ кладъ, недѣли черезъ двѣ тоже удавился, и хотя братья его и до нынѣ живутъ богато, а все-таки народъ баетъ, что проку изъ ихъ богатства не будетъ; счастье въ несчастье обратится.

— Одинъ мужикъ пришелъ на Городище и давай рыть, кладъ искать; рылъ, рылъ, инда потъ прошибъ; присѣлъ отдохнуть, — глядь, а Городище на двѣ половины растворилось, и выходитъ старичекъ, да и говоритъ мужичку: „зачѣмъ ты роешь, бѣду на себя накликаешь; я вотъ тоже копалъ, копалъ, да сюда и попалъ; бѣги лучше скорѣй, а то товарищемъ мнѣ будешь". Испугался мужикъ, да и давай Богъ ноги, во свояси, даже и заступъ забылъ, а идти за нимъ послѣ побоялся. Пересталъ съ тѣхъ поръ мужичекъ думать о кладѣ и теперь всѣмъ разсказываетъ о старикѣ, къ которому чуть-чуть не попалъ въ товарищи.

Есть разсказы, что были случаи: пойдетъ кто на Городище кладъ искать, да и не воротится назадъ, но эти случаи относились къ дѣламъ давно минувшихъ дней, когда Городище представляло озеро, и не удивительно, — попадетъ кладоискатель, невзначай, на такое топкое мѣсто, что и поминай какъ звали.

Добавимъ, кстати, кое-что о кладахъ вообще.

Народъ говоритъ, что теперь клады перевелись, поразобраны; встарину же кладовъ много было; идешь, бывало, по полю, словно изъ пушки ударитъ,—знай, что кладъ, да не всякому онъ въ руки давался. Кладъ дается тому, кому предназначенъ.

— Одному страннику приснилось во снѣ, что такому-то въ такой-то деревнѣ и въ такомъ-то мѣстѣ предназначенъ кладъ. Пришелъ странникъ въ эту деревню, отыскалъ счастливца и указалъ, гдѣ найти кладъ. Пошли, порылись въ землѣ и на самомъ дѣлѣ нашли кладъ. Даютъ и страннику извѣстную долю, но тотъ напрямикъ отказался, какъ ни упрашивали его. „Кому дано, тотъ и пользуйся", отвѣтилъ странникъ, — „а мнѣ не надо!" Однако, при прощаньи бабы дали ему пирогъ, въ который запекли нѣсколько золота. Пошелъ старичокъ, подходитъ къ рѣкѣ и проситъ перевозчиковъ перевезти его на другую сторону; тѣ перевезли его, и онъ отдалъ имъ за перевозъ тотъ пирожокъ, въ которомъ запечены были деньги. Перевозчики было не брали, но странникъ настоялъ. Нечего дѣлать, взяли они пирогъ и не подозрѣвали, что въ немъ золото; положили пирогъ въ шалашѣ, а тамъ и позабыли

про него. Долго ли, коротко ли, а прошло таки довольно времени,— странникъ возвращается обратно и проситъ тѣхъ же перевозчиковъ снова перевезти его; тѣ перевозятъ и тутъ-то вспомнили про пирогъ и вспомнили, что они его не съѣли, а потому поискали въ шалашѣ и нашли пирожокъ; но что за чудо? пирогъ, словно вчера былъ испеченъ. Отдаютъ они его старичку, тотъ поблагодарилъ и идетъ въ ту деревню, гдѣ былъ раньше; заходитъ къ мужичку, что разбогатѣлъ отъ клада; здоровается; всѣ ему рады, угощаютъ чѣмъ Богъ послалъ, а онъ и подаетъ ребятишкамъ гостинчика, тотъ пирогъ, который дали ему перевозчики; ребятишки взяли, разломили—и вдругъ посыпалось золото. Догадались бабы, что это за пирогъ, обо всемъ разсказали; удивился тогда и самъ странникъ и сказалъ: „ну, дѣтушки, кому предопредѣлено владѣть кладомъ, тотъ имъ и будетъ владѣть“.

Клады зарывались на извѣстный срокъ; иной разъ зарывали кладъ на сто годовъ, а то и на сто головъ.

— Рубитъ малый въ лѣсу дрова и видитъ: идетъ старичекъ, что-то несетъ. Малый спрятался за дерево и думаетъ: „дай погляжу, что это старикъ хочетъ дѣлать“. Притулился, смотритъ, а старикъ подходитъ къ большому дубу и начинаетъ что-то зарывать; зарываетъ и приговариваетъ: „на сто головъ!“ Малый былъ угаръ, догадался, что дѣлаетъ старикъ, и самъ началъ приговаривать; старикъ: „на сто головъ“, а малый: „лапотныхъ“. Зарылъ старичокъ кладъ и ушелъ. Малый же принесъ сто лапотныхъ головъ, бросилъ къ дубу и отрылъ кладъ.

Когда кладъ отворяется, то бери деньги два раза, а въ третій за ними не суйся, не то—бѣда будетъ. Попнешься за деньгами въ третій разъ, то тебя кто-нибудь остановитъ и скажетъ: „сколько я сидѣлъ, теперь ты посиди!“ Онъ выйдетъ, а ты останешься.

О кладахъ только. Теперь о другихъ продѣлкахъ чертей.

Существуютъ разсказы, что въ ночномъ, т.-е. во время пастьбы лошадей ночью, если одинъ кто пасетъ и стережетъ своихъ лошадей, то пугаетъ его чертъ или въ образѣ собаки, зайца или же человѣка, но въ дѣйствительность чёрта сами разсказчики не вѣрятъ и относятся къ своему видѣнію какъ-то скептически, объясняя это очень просто, что это, молъ, ничто иное, какъ игра воображенія.

Крестьянинъ села Богодухова Трофимъ Рѣщиковъ разсказывалъ мнѣ, что онъ стерегъ лошадей въ ночномъ; вдругъ видитъ ѣдетъ баринъ, верхòмъ на лошади, на баринѣ бѣлая съ широкими полями шляпа, и прямо къ нему, соскакиваетъ съ верхà, наваливается на него и начинаетъ душить,—душилъ, пока мужичка потъ не прошибъ; наконецъ, онъ, еле живой, приподнялся, перекрестился, и видѣніе исчезло. Другой крестьянинъ разсказывалъ мнѣ, что стерегъ онъ также лошадей, въ ночномъ, и что его лошади ни съ того, ни съ сего фыркнули и бросились бѣжать, а къ нему подбѣгаютъ два пса съ огненными глазами, языки высунуты и красные; онъ все-таки перекрестился, и собаки тотчасъ же исчезли, а лошадей онъ нашелъ только въ пяти верстахъ.

А вотъ еще разсказъ про зайца: это былъ не заяцъ, а чертъ.

— Ѣдетъ крестьянинъ Архипъ на своей лошадкѣ, верхòмъ, въ ночное, съ нимъ ѣдутъ также на своихъ лошадяхъ человѣкъ пять молодыхъ парней; глядь, а заяцъ бѣжитъ черезъ дорогу. Пріѣхали они на свое поле, пустили лошадокъ, а на самихъ напалъ крѣпкій сонъ; проснулись, а лошадокъ нѣтъ какъ нѣтъ: ихъ загнали на барскій дворъ, знать попались онѣ въ господскомъ хлѣбѣ. На утро управляющій приказалъ молодцовъ выпороть,—дѣло было въ крѣпостное право; а во всёмъ виноватъ былъ заяцъ.

Былъ и другой подобный случай.

— Нѣсколько мужичковъ везли до города барскую пшеницу. Дѣло было зимой; ѣдутъ мужички, воза поскрипываютъ; глядь: заяцъ перебѣжалъ дорогу. „Быть худу“, говорятъ они и призадумались. Проѣхали еще немного, видятъ, у товарища ихъ Семена лошадь стала, ни съ мѣста; побились мужички съ лошадью, ничто не беретъ, такъ и бросили товарища на волю Божью, среди дороги, искать счастья, а сами поѣхали, такъ-какъ помочь ничѣмъ не могли, да и время-то было господское, крѣпостное; всякому своя шкура была дорога, а до чужой бѣды дѣла нѣтъ. Повозился оставшійся мужичекъ Семенъ еще немного съ лошадью, повозился, да и сталъ распрягать ее, думая бросить возъ на дорогѣ, а самому ѣхать до ближней деревни, хоть переночевать, а на утро, что Богъ дастъ. Вдругъ неожиданно, негаданно ѣдетъ ему на встрѣчу, порожнякомъ, на хорошей лошади кумъ его, односелецъ Ермолай. „Куманекъ, милый, голубчикъ, не оставь, возопилъ мужикъ, дай своей лошадки, самъ знаешь—дѣло барское, ни

за что шкуру сдерутъ; что будетъ стоить, дома разочтусь". Не хотѣлось Ермолаю, было, давать лошади, да дѣлать нечего, вѣдь родной кумъ-то; хоть и почесалъ мужикъ затылокъ, а всетаки далъ лошадь. Перепрягли, попрощались кумовья и поѣхали: Семенъ съ возомъ на Ермолаевой лошади въ городъ, а Ермолай на Семеновой порожнякомъ во-свояси. Теперь у Семена лошадь была добрая, везла хорошо, и онъ не далеко до города догналъ своихъ товарищей. Было уже поздно, и мужички порѣшили въ городъ не ѣхать, а остановиться въ деревнѣ, на постояломъ дворѣ переночевать, а тамъ утромъ, пораньше въ городъ. Сказано, сдѣлано; пріѣхали на постоялый дворъ, отпрягли лошадокъ, задали имъ корма, а сами въ хату, гдѣ потеплѣе. Вдругъ одинъ изъ товарищей Егоръ, мужикъ бѣдовый и сметливый, нѣсколько разъ уже пороный розгами и говоритъ: „а что, братцы, вѣдь у насъ лишняя пшеница есть, хорошо бы ее сбыть, да и выпивку устроить!" — „Какъ-такъ?" спрашиваютъ товарищи. — „Да вотъ, какъ. Когда вѣшали ее, то я незамѣтно клалъ кирпичъ на „вывѣску" (мѣсто, гдѣ гири), только Семеновъ возъ вѣренъ, а у насъ у всѣхъ лишняя пшеничка есть." Разгорѣлись у мужичковъ глаза на дармовщинку, и давай они перемѣрять Семеновъ возъ; перемѣрили мѣркой, а тамъ перемѣрили одинъ и изъ своихъ возовъ, узнали „лишо́къ", прикинули, сколько всего будетъ этого „лишку"; оказалось, что пшеницы можно сбыть мѣръ десять. Такъ и сдѣлали; высыпали пшеничку въ два мѣшочка, по пяти мѣръ въ каждый, и понесли продавать хозяину постоялаго двора, но этотъ даетъ за пшеницу очень мало, тогда мужички, долго не думавши, понесли ее въ другое мѣсто, гдѣ дали подороже. На вырученныя деньги купили водочки, закусочки; выпили, порядочно покушали, да и спать легли, а на завтра еще осталось, чѣмъ опохмѣлиться. Чуть свѣтъ проснулись они и стали собираться въ дорогу; лошадей напоили, сами опохмѣлились, разсчитались съ хозяиномъ и поѣхали себѣ съ Богомъ, ни о чемъ не думая. Хозяинъ же постоялаго двора разсердился на нихъ, что не продали ему пшеницы, а такъ-какъ онъ зналъ, кто они и откуда, зналъ ихъ и бурмистръ, которому впослѣдствіи и разсказалъ о продѣлкѣ нашихъ пріятелей. Прошло нѣсколько времени, мужички уже успѣли забыть про проданную пшеницу, какъ вдругъ призываютъ ихъ сердешныхъ на барскій дворъ, за исключеніемъ Семена, про котораго хозяинъ постоялаго двора

ничего не сказалъ: возъ былъ у него вѣренъ, пшеницу не отсыпали, стало-быть не виноватъ. И что же? Безъ всякихъ спросовъ и разспросовъ положили, растянули пріятелей да и начали подговаривать съ каждымъ ударомъ розги „за пшеничку, други, за пшеничку". Долго съ тѣхъ поръ помнили пріятели наши, какъ продавать лишки; а виноватъ былъ заяцъ.

Тотъ же разсказчикъ говорилъ мнѣ, что не дай Богъ встрѣтиться съ попомъ, а если миновать этого нельзя, то останови попа и попроси у него благословенья,—тогда ничего. Дьяконъ встрѣтится—ничего. „Ѣду я, говоритъ, на сукновальню валять сукно, смотрю, попъ нашъ ѣдетъ на встрѣчу; мнѣ бы остановить его, да подойти подъ благословенье, а я взялъ да и проѣхалъ мимо. Пріѣзжаю на валяльницу, сдаю сукно, а тамъ и ко двору. Дня черезъ два слышу, амбаръ на сукновальнѣ сгорѣлъ, и сукно мое сгорѣло, такъ и пропало".

При ходьбѣ и ѣздѣ относительно встрѣчъ необходимо соблюдать слѣдующія правила: если ѣдешь по какому-нибудь дѣлу, то не отвѣчай на вопросъ: „куда идешь?" закудакаетъ кто—толку не будетъ. Кто съ порожнимъ встрѣтится—лучше вернись. Собираясь въ дорогу, прочти три раза слѣдующія слова: „Помяни, Господи, дѣда Адама, бабу Еву, царя Давида и всю кротость его". Встрѣтишь покойника—потерпишь неудачу.

На Святой Руси есть много охотниковъ до всякой всячины. Встрѣчаются нерѣдко и охотники до перепеловъ; заслышитъ иной крикъ перепела гдѣ-нибудь во ржи или въ овсѣ, и давай бродить по зарямъ съ сѣтью и перепёлкой въ клѣткѣ, а то съ особой, для этой цѣли предназначенной, дудочкой, и если перепелъ кричитъ хорошо, то во что-бы ни стало поймаетъ его. Ловятъ перепеловъ непремѣнно утренней и вечерней зарей, при чемъ перепелка крикомъ своимъ манитъ перепела, и послѣдній запутывается въ раскинутой сѣти; иной разъ перепелку замѣняетъ дудочка. Для такихъ охотниковъ есть очень важное правило: ночью перепеловъ не ловить и сѣтей не разставлять; если же дожидаешься утренней зари, то лучше сосни немного, сѣти же ни въ какомъ случаѣ не разставляй, не то чертъ спутаетъ ее, перепелку убьетъ и въ тебя чѣмъ либо броситъ.

— Былъ у насъ на селѣ старикъ, страстный охотникъ до перепеловъ; заслышитъ онъ гдѣ-либо крикъ перепела и пробродитъ

за нимъ нѣсколько десятковъ верстъ, а всетаки непремѣнно поймаетъ. Пошелъ этотъ старикъ какъ-то ловить перепеловъ, взялъ сѣть, перепелку и засѣлъ въ барскомъ овсѣ, а чтобы не прозѣвать утренней зари, то онъ распуталъ, разставилъ сѣть, поставилъ клѣтку съ перепелкой, а самъ только глазами моргаетъ, о снѣ и не думаетъ. Вдругъ въ спину старика попадаетъ комъ земли, немного спустя летитъ другой комъ, а тамъ третій, четвертый... Старикъ, не оборачиваясь, говоритъ: „не балуй",—анъ, не тутъ-то было: комья все валятся и валятся и прямикомъ въ старикову спину. Оробѣлъ онъ и давай Богъ ноги; сѣть, перепелку съ собой не захватилъ, забылъ второпяхъ. На утро приходитъ и видитъ: сѣть скомкана, не распутаешь; перепелка убита; старикъ тогда и говоритъ: „Сумѣлъ спутать, сумѣй и распутать", при чемъ ругнулъ какъ слѣдуетъ черта и ушелъ. Черезъ день снова приходитъ и видитъ, что сѣть распутана. Подивился старикъ, и съ тѣхъ поръ шабашъ ночью караулить перепеловъ, а придетъ, бывало, на поле и спитъ до зари; когда же зорька займется, онъ и разставитъ сѣть, подманивая въ нее перепела дудочкой или перепелкой.

И рыболовы должны соблюдать разныя предосторожности, напр. не ругать рыбу.

— Ловили мужички ночью рыбу; ведутъ неводъ; глядь—на камнѣ сидитъ голая, простоволосая баба и чешетъ голову большимъ гребнемъ; одинъ изъ рыбаковъ ругнулъ бабу, что, дескать, днемъ не успѣла выкупаться, ругнулъ онъ ее крѣпко, по-мужицки; не взлюбила баба крѣпкаго словца и нырнула въ воду, гребешокъ же остался на камнѣ. Подивились наши рыболовы, пожалуй и оробѣли, однако гребешокъ взяли себѣ—и что-же? Закинули неводъ, повели, тащатъ, анъ смотрятъ, неводъ весь спутанъ, скомканъ, разобрать нельзя; съ общаго приговора бросаютъ гребешокъ въ воду, и неводъ тотчасъ-же самъ собою разбирается, и рыбная ловля пошла опять своимъ чередомъ. Одинъ изъ этихъ рыбаковъ и по сю пору живетъ въ нашемъ селѣ, онъ и передалъ намъ этотъ разсказъ.

Ходитъ между крестьянами много разсказовъ про путешествія съ помощью черта, однако, эти разсказы, т.-е. время событій ихъ, относятся ко временамъ давно прошедшимъ, такъ напримѣръ: идетъ мужичекъ плотникъ, умершій уже чуть не сто лѣтъ тому назадъ, идетъ онъ изъ Одессы въ Богодухово, на родину, переходъ великъ, болѣе тысячи верстъ. Смотритъ—ѣдетъ на тройкѣ

баринъ съ кучеромъ; поровнявшись съ мужичкомъ, баринъ приглашаетъ его сѣсть: подвезу, молъ. Тотъ садится; тройка летитъ, какъ стрѣла; баринъ все покрикиваетъ, чтобы кучеръ подгонялъ пристяжную съ правой стороны.—„Подгони, кричитъ, правую-то, попадью!“ Мужичекъ спрашиваетъ, зачѣмъ лошадь прозвали „попадьей?“ Баринъ отвѣчаетъ, что это не лошадь, а попадья въ дѣйствительности, что это я, молъ, пріучаю её, чтобы лучше бѣжала, да и васъ, дураковъ, скорѣе домой доставляла.—Вдругъ, пѣтухъ закричалъ: „ку-ка-ре-ку“. Смотрю—валяюсь я на дорогѣ, а баринъ захохоталъ и пропалъ. Подымаюсь я—гляжь и родимое село, вотъ какъ на ладони, и Божій храмъ нашъ виднѣется. Перекрестился я и очутился нежданно, негаданно въ своей хатѣ,— такъ-то и отмочалилъ я съ вечера до пѣтуховъ болѣе тысячи верстъ.

Про такую быструю ѣзду передаютъ еще нѣсколько разсказовъ, но повторяю опять, что сами событія перешли уже въ область преданій. Случалось это прежде, говорятъ мужички, а теперь нѣтъ, а почему теперь нѣтъ—опредѣленно не отвѣчаютъ.—Крестьянинъ тоже села Богодухова, Богодуховской волости, Орловскаго уѣзда, Ѳедоръ Арсёновъ говорилъ мнѣ: одинъ рукавишникъ шелъ на родину; идти ему надо верстъ 500; дѣло близилось къ вечеру, смотритъ—ѣдетъ кто-то на парѣ лошадей, поровнявшись съ нимъ, говоритъ: „садись,—подвезу“. Рукавишникъ сѣлъ и дорогою посадившій спрашиваетъ его: „зналъ ли ты такого-то дудочника?“ Этотъ отвѣчаетъ, что зналъ, да онъ, т.-е. дудочникъ, утонулъ уже два года тому назадъ.—„А прялочника зналъ?“—спрашиваетъ снова посадившій.—„Да, зналъ, отвѣчаетъ рукавичникъ,—но онъ удавился, съ полгода тому будетъ. Немного спустя посадившій и говоритъ: „въ корню дудочникъ-утопленникъ, а на пристяжкѣ прялочникъ-удавленникъ“. Затѣмъ снова кричитъ: „держись!“ Глядь, а у рукавишника шапка соскочила. Онъ и говоритъ: „погоди, дай поднять шапку“; а посадившій отвѣчаетъ: „она далёко, а ты лучше слѣзай!“—Слышу, пѣтухъ прокричалъ, а тутъ вижу и родимая сторонка.—Такъ то и прокатилъ съ вечера до пѣтуховъ нашъ рукавишникъ 500 верстъ, да еще на комъ, на знакомыхъ своихъ дудочникѣ и прялочникѣ.—„Вотъ были чудеса-то“, прибавилъ разсказчикъ.

Еще я слышалъ разсказъ, что одинъ мужичекъ изъ села Бо-

годухова въ мгновенье ока прикатилъ въ городъ Ливны Орловской губерніи, отстоящій на 80 верстъ; его тоже подвёзъ кто-то, и онъ неожиданно-негаданно очутился въ Ливнахъ, въ трактирѣ; однако, мужичекъ этотъ умеръ много лѣтъ тому назадъ, и разсказъ этотъ поступилъ въ область преданій.

Есть духи имѣющіе свое опредѣленное мѣстожительство. Таковы: домовые, банные, овинные, водяные и пр.

Что касается домового, то почти всѣ крестьяне вѣрятъ, что онъ существуетъ и живетъ невидимкою въ каждомъ домѣ и непремѣнно одинъ, но каковъ внѣшній видъ его—никто не сказалъ, п. ч. никто его не видалъ: онъ—невидимка. Иногда домовой любитъ скотину, гладитъ, кормитъ и холитъ лошадь, заплетаетъ ей гриву, а то случается, что скотина плохо ѣстъ, худѣетъ, тогда крестьяне говорятъ, что она не къ двору, её не любитъ домовой. Если крестьянину жалко перемѣнить лошадь, которую не взлюбилъ домовой, или хозяинъ, какъ они еще называютъ его, то мужичекъ оставляетъ въ хлѣвѣ, гдѣ стоитъ скотина, хлѣбъ съ солью, какъ бы въ даръ „хозяину“; но это теперь рѣдко практикуется, скорѣе бываетъ, что если лошадь и корова худѣютъ, не къ двору, то такую скотину мужикъ продаётъ или мѣняетъ.—У одного крестьянина въ селѣ Богодуховѣ, Орловскаго уѣзда, еще не такъ давно, была тройка лошадей одной масти; какъ-то этотъ мужичекъ проговорился мнѣ, что съ лошадьми его бѣда, корму не ѣдятъ, валяются по ночамъ и бьются и совсѣмъ, сердечныя, исхудали, стало быть, говоритъ, хозяинъ ихъ не взлюбилъ. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я узналъ, что у этого мужичка въ хлѣвѣ, гдѣ стоятъ его лошади, не вывозился навозъ уже два года, поэтому я посовѣтовалъ ему вывезти немедленно навозъ, а затѣмъ дать хлѣву немного провѣтриться, полить полъ разведенной извёсткой, а также и стѣны, которыя были каменныя, а лошадей помѣстить на другомъ дворѣ. Прошло нѣсколько времени, мужичекъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что теперь его лошадушки, слава Богу, кормъ ѣдятъ и не бьются по ночамъ, какъ прежде. На мое объясненіе, что это лошади бились и худѣли отъ насѣкомыхъ, заведшихся въ навозѣ, мужичекъ ничего не возразилъ, а всё-таки вѣра въ домового была поколеблена.—Родной отецъ

мой, незадолго до своей смерти, разсказывалъ мнѣ слѣдующее: „въ чертей и т. п. бѣсовщину я не вѣрю, бояться их не боюсь, но однако, милый сынъ, я скоро умру: ко мнѣ, вчерашнею ночью, когда я только что легъ, но еще не заснулъ, кто-то подошелъ, я ясно слышалъ шаги, и вдругъ „онъ“ приложилъ холодную руку къ моимъ губамъ, и я также ясно чувствовалъ прикосновеніе руки невѣдомаго вошедшаго“. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени отецъ мой умеръ отъ удара.

Говорятъ также, что ночью иногда давитъ, душитъ домовой, но прочтешь „Иже херувимы“, то перестанетъ; объясняютъ это тѣмъ, что находитъ будто-бы тѣнь домового, самъ же онъ не посмѣетъ подойти къ крещеному человѣку.

— У одного мужичка коровы не водились; что—что не дѣлалъ мужикъ, и молебны-то служилъ, каждый воскресный день свѣчку пятикопѣечную ставилъ св. Власію,—ничто не помогало; купитъ другую корову, смотритъ, худѣетъ она. молока не даетъ, все плачетъ, слеза течетъ, глаза гноятся. Чистая бѣда! Вотъ одна знахарка и посовѣтовала ему: „какъ только корова отелитъ теленочка, то выпой послѣдняго и отвези въ острогъ арестантамъ“. Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Что-же? съ тѣхъ поръ все стало благополучно; коровка кормъ ѣстъ, молочко даетъ и сама на себя похожа. Крестьянинъ этотъ живъ и теперь.

— У одного мужичка лошади не водились, корма не ѣли, были худыя, ночью бились и валялись, а къ утру всѣ мокрыя стоятъ; не взлюбилъ, стало быть, лошадокъ хозяинъ. Что ни дѣлалъ мужичекъ—ничто не помогало. Вотъ ему и посовѣтовала знахарка Акулина пустить на рѣку тотъ образочекъ, который обыкновенно виситъ у крестьянъ на ихъ дворѣ. Послушался мужичокъ Акулины, снялъ образокъ со стѣны и пустилъ на рѣку, внизъ по теченію, и съ тѣхъ поръ лошади у него стали поправляться, и дѣло пошло какъ по маслу. Крестьянинъ этотъ живъ и по сю пору; онъ же говорилъ мнѣ, что если домовые не взлюбятъ скотины, то мучаютъ ее, бьютъ, ѣздятъ на ней, не даютъ ѣсть корма. Если же домовой бываетъ разиня, соня, то сосѣдніе домовые воруютъ тогда кормъ у скотины и перетаскиваютъ его своимъ любимымъ лошадямъ и коровамъ. Случается, что домовые изъ-за корма подерутся, подымутъ пискъ, визгъ,—сонливый домовой тогда проснется и прогонитъ незваныхъ гостей-воровъ.

— Купилъ крестьянинъ Семенъ хорошую гнѣдую кобылку, холилъ ее, кормилъ вволю овсомъ и сѣномъ, благо послѣдняго въ тотъ годъ уродилось много; кобылка стала гора горой. Но вдругъ она стала худѣть, прежніе веселые глаза помутились. „Домовой не взлюбилъ", рѣшилъ крестьянинъ; рѣшили такъ же и сосѣди, а особенно настаивалъ и взваливалъ вину на домового сосѣдъ Егоръ. „Удивительно, право", говорилъ Семенъ, сколько ни положишь корму, весь съѣстъ, а стала кости да кожа".— „Ну, чтожъ, возразилъ на это Егоръ,—кормъ-то ты кладешь, да его сосѣдніе домовые таскаютъ, а твой то слюнявый видно соня, знай себѣ спитъ". Семенъ было ужъ порѣшилъ продать свою лошадку, а себѣ купить иную и другой масти. Но вотъ подошло Крещенье, у Семена престольный праздникъ: пріѣхали къ нему въ гости знакомые изъ сосѣднихъ деревень, пріѣхали кумовья съ кумушками, сваты со свахами и прочая родня. Годъ былъ урожайный; всего было вволю: и пироговъ, и убоинки, про винцо и говорить ужъ нечего, такъ-что Семенъ нашъ принялъ гостей и родню на славу. Сидятъ Семеновы гости вечеркомъ, пьютъ, ѣдятъ, рѣчи гуторятъ, вдругъ слышатъ, что-то на дворѣ зашуршало, а тамъ послышалось очень ясно: „охъ". Семенъ нашъ перекрестился и подумалъ: „опять, видно, домовой; доконаетъ онъ мою лошадку; пройдетъ праздникъ—непремѣнно сбуду". Но кто-то изъ гостей вышелъ на дворъ узнать причину, и что-же? какъ-разъ около колоды, гдѣ былъ кормъ для лошадей, валяется мужикъ и стонетъ. Гость вбѣжалъ въ хату, разсказалъ, что видѣлъ на дворѣ и слышалъ, и вотъ посыпались всѣ изъ хаты во дворъ, подходятъ къ колодѣ, и тутъ-то Семенъ видитъ Егора, своего сосѣда. На вопросъ, зачѣмъ онъ сюда попалъ и отчего у него разбито лицо, тотъ чистосердечно разсказалъ, что кормъ у кобылки воровалъ онъ, а не домовой, но вотъ Богъ наказалъ его: „лѣзъ я, говоритъ Егоръ, черезъ крышу, да нечаянно поскользнулся и скатился подъ ноги кобылки, а та и ударила меня пятами, да такъ здорово, что не подымусь".

Сначала Семенъ было разсердился и хотѣлъ посылать за старостой, за сотскимъ, но гости и родня упросили его не дѣлать этого для праздника, а простить Егора, который, въ свою очередь, по-крестьянски, поклялся отцомъ и матерью, женою и дѣтьми, что впредь этого не будетъ дѣлать; тогда Семенъ взялъ да и

простилъ Егора. Съ тѣхъ поръ лошадка Семенова опять стала поправляться и сдѣлалась еще краше прежняго.

Однако, про продѣлку Егорову впослѣдствіи узнала вся деревня и прозвала его домовымъ; всѣ смѣялись, какъ это „слюнявый соня“ смазалъ по харѣ его, Егора, аль онъ разбудилъ его, соню, какъ грохнулся съ крыши къ колодѣ?

Говорятъ, что въ старину въ овинахъ водились черти, но теперь овиновъ нѣтъ, и черти переселились невѣдомо куда; водились также и въ баняхъ.

— Наша поповка, т. е. усадьба духовныхъ лицъ, находится въ чертѣ крестьянскихъ строеній; во всей поповкѣ была только одна баня, у попа, да и та стояла отъ дворовъ на далекомъ разстояніи, на задахъ, ближе къ полю; про эту баню ходили страшные слухи, что будто бы въ полночь сюда приходили съ погоста мертвецы, а погостъ отъ бани былъ не далеко; говорили также, что въ ней пировали черти съ вѣдьмами, отчего часто слышали шумъ, крики и хохотъ; говорили даже, что разъ самъ сатана былъ въ банѣ и игралъ на дудкѣ, а черти съ вѣдьмами плясали и хохотали. Самъ попъ боялся топить баню ввечеру, а всегда парился въ ней днемъ и то съ двумя-тремя работниками; попадья-же много лѣтъ не заглядывала въ баню; жутко ей было. Попъ хотѣлъ было разломать баню, не одному жъ ему въ ней мыться, да все откладывалъ; народъ же говорилъ, что попъ не ломаетъ бани изъ-за боязни, что черти переберутся, пожалуй, еще ближе, прямо на потолокъ; правда ли это, нѣтъ ли, но такъ люди говорили. Однажды къ попу пріѣхали два его племянника, ребята молодые, учившіеся уже въ семинаріи, про чертей уже слышавшіе, но хотя не прочно, а все таки невѣровавшіе въ ихъ бытіе. Узнавъ про слухи, что въ банѣ ихъ дядюшки водятся черти и всякая бѣсовщина, молодцы племяннички собрали съ дюжину смѣлыхъ парней, вооружились что подъ руки попало и хотя съ трепетомъ на сердцѣ, а все таки подошли къ банѣ почти въ полночь, и о диво изъ дивъ! въ банѣ огонь, шумъ и крикъ, и хохотъ; оробѣли наши смѣльчаки и пошли было назадъ, но почему то остановились: голоса изъ бани послышались не бѣсовскіе, а вполнѣ человѣческіе. Вооружившись смѣлостью, опять подходятъ и уже ясно слышатъ, что въ банѣ люди, а не черти; дверь отперта настежь, табачный дымокъ выходитъ изъ нея; молодцы прямо къ двери—и что-же? Пять парней

и столько-же бабъ, а можетъ быть и дѣвицъ, пьютъ преспокойно водочку, громко разговариваютъ и всѣ въ амурномъ настроеніи. Вышло, что не молодцы испугались уже, а компанія, жаждущая любовныхъ ощущеній, пришла въ неописанный ужасъ, вообразивъ не на шутку, что это мертвецы идутъ съ погоста. Но скоро дѣло разъяснилось, и всѣ пошли въ разныя стороны. Парни, пировавшіе въ банѣ, были узнаны, бабы тоже, и ихъ долго послѣ называли: парней—чертями, а бабъ—вѣдьмами. Дурные слухи про баню изчезли; „даже сама матушка попадья стала ходить въ баню и расправлять свои косточки", говорили съ тѣхъ поръ крестьяне. А не пріѣзжай къ попу племянникъ, баню бы тотъ разломалъ, да и черти, пожалуй, переселились бы, если ужъ не къ попу на потолокъ, то непремѣнно въ какой-нибудь сарайчикъ пустой на деревнѣ.

Что касается водяного, то никто изъ крестьянъ села Богодухова не могъ дать мнѣ яснаго и опредѣленнаго отвѣта, есть-ли они или нѣтъ. Говорятъ, что ранѣе въ буковищѣ подъ мельницей жилъ водяной, а теперь его нѣтъ, вѣроятно, старъ сталъ и околѣлъ, а всетаки ночью и поздно вечеромъ купаться нельзя, а то утопитъ водяной; такъ что выходитъ какая-то раздвоенность въ мысляхъ: съ одной стороны водяной околѣлъ, а съ другой—ночью купаться нельзя изъ-за боязни того-же водяного. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пожалуй, около 15-ти, въ рѣкѣ Неручи, протекающей въ селѣ Богодуховѣ, утонула женщина, которая, по словамъ крестьянъ, въ ночное время показывалась изъ воды и хлопала въ ладоши, а также хохотала; однако, видѣть ее никто не видалъ, но всетаки крестьяне и крестьянки боялись ночью проходить мимо того мѣста, гдѣ утонула женщина.

Впрочемъ, въ послѣднее время крестьяне забыли про это мѣсто, вѣроятно, убѣдившись, что особаго ничего тутъ не бывало, да и не можетъ быть.

— Давнымъ давно въ буковищѣ, что подъ мельницей, водился чертъ, который питался рыбою, а особенно любилъ кушать карповъ, которыхъ въ буковищѣ была тьма-тьмущая; жили эти карпы (лини?) въ норахъ, на днѣ, гдѣ возились, словно свиньи. Черта этого всѣ боялись и никто въ позднее время не ходилъ мимо буковища. Даже попъ сельскій боялся его и ежегодно въ подарокъ чорту сваливалъ въ буковище воза два хлѣба, конечно испорченнаго, который не ѣли уже свиньи. Но чертъ не брезговалъ гнилымъ,

затхлымъ хлѣбомъ, онъ и безъ того былъ очень радъ и доволенъ, что самъ батька-попъ его уважаетъ, и какой-бы то ни было подарокъ, а все-таки присылаетъ. Какъ-то лѣтомъ, крестьянинъ Пахомъ, опытный нырокъ и охотникъ до карповъ, подошелъ къ буковищу, раздѣлся, началъ нырять и доставать большущихъ карповъ. Кстати скажемъ, что эта рыба очень смирна въ норахъ и не пугается человѣка, а потому и Пахомъ, зная извѣстную сноровку при подобной ловлѣ, вытаскивалъ карповъ очень удачно, такъ-что стоявшіе на берегу крестьяне удивлялись счастью Пахома, который, наконецъ, и самъ сказалъ: „Теперь нырну и съ самого черта шапку стащу, да еще клюну его кулакомъ по харѣ". Нырнулъ Пахомъ, да и остался въ буковищѣ; насилу разыскали его и вытащили багромъ, но ужъ мертваго „Не хвались Пахомъ, что стащитъ съ черта шапку, можетъ-быть и живъ бы былъ", говорили одни, а другіе возражали, что черту досадно было, что Пахомъ повытаскалъ много любимыхъ его карповъ, отчего поймалъ его и задушилъ. Но какъ бы то ни было, а все-таки крестьяне не ныряютъ и до сихъ поръ въ буковище за карпами, не смотря на то, что ихъ тамъ множество.

Что касается лѣшихъ и русалокъ, то даже старики говорятъ, что они были раньше, но видѣть все-таки ихъ не видали, а теперь ихъ нѣтъ, и куда дѣвались—не знаютъ.

Царство русалокъ, какъ говорятъ, было въ „конопляхъ", такъ какъ за неимѣніемъ лѣсовъ и большихъ рѣкъ въ данной мѣстности имъ водиться было негдѣ, кромѣ коноплянниковъ; но почему ихъ теперь тамъ нѣтъ, никому неизвѣстно.

По народному повѣрью, удавленники и утопленники поступаютъ во власть чертей.

— Жилъ въ одной деревушкѣ парень; за какое, бывало, дѣло ни возьмется онъ, все ему одна неудача, и прозвали за то его Васей Безталаннымъ. Пошелъ разъ Вася искать какой-нибудь работы; къ тому придетъ, къ другому, одинъ отвѣтъ: „нѣтъ, молъ, паренекъ, работы". Съ досады Вася и говоритъ: „теперь-бы хоть къ черту нанялся"; а чертъ тутъ, какъ тутъ, стоитъ себѣ, ухмыляется, хвостикомъ повертываетъ и говоритъ: „наймись, наймись ко мнѣ, дружокъ!"—„Хорошо, ладно!" отвѣчаетъ Вася. Ударили

по рукамъ, уговорились, конечно, въ цѣнѣ, и пошелъ Безталанный въ батраки къ черту, а тотъ заставилъ его возить воду. Лошадей у черта было много, и чуть ли не каждый день новыя; богатъ былъ чертъ: говорилъ онъ Васѣ, что лошадокъ скупаетъ по ярмаркамъ и что онъ держитъ подрядъ и на другихъ чертей, вѣдь не одному-жъ ему нужны лошади, всякій чертъ любитъ прокатиться. Хорошо ли, плохо ли жилось нашему Васѣ, однако проходитъ годъ, онъ и просится у хозяина въ побывку домой, повидаться съ родными,—а тамъ опять приду къ тебѣ, говоритъ Вася. Чертъ отпустилъ батрака, далъ ему денегъ, все серебра да золота, далъ даже лошадку доѣхать до двора; простились и покатилъ нашъ паренекъ домой. Долго ли, коротко ли, подъѣзжаетъ наконецъ парень къ своей хаткѣ; выбѣгаетъ ему на встрѣчу родня, вышли и сосѣди поглазѣть, благо давно не видали Безталаннаго; лихо подкатилъ къ своей хатѣ Вася, останавливаетъ лошадь и говоритъ: „тпру, маточка, уморилась!“ Едва выговорилъ малый: „маточка“, какъ изъ-подъ него выскочила родная его мать, да и бѣжать. Всѣ перепугались не на шутку, а пуще всѣхъ Вася; узналъ онъ тогда, что матушка его съ полгода назадъ удавилась, и понялъ онъ, что за лошадки были у черта-подрядчика. Такъ-то Вася Безталанный и прикатилъ домой на своей матушкѣ-удавленницѣ; говорятъ, что и воду-то онъ возилъ на ней. Оробѣлъ тогда Вася и къ черту на другой годъ въ батраки не пошелъ.

— „За копѣйку удавится“, говорятъ про скрягъ. Или еще: „скряжничество до добра не доведетъ;“ „скупой за копѣйку съ колокольни спрыгнетъ“; „скупой за копѣйку удавится“. Вотъ разсказъ про одного удавленника:

— На большой дорогѣ былъ богатый постоялый дворъ; много православныхъ перебывало въ немъ: кто лошадку покормить, кто чайкомъ побаловаться, а иной заѣдетъ просто водочки испить. Хозяинъ на постояломъ дворѣ былъ старый-престарый; люди баяли, что ему безъ году сто лѣтъ, и былъ этотъ старикъ страшный скряга, никому не довѣрялъ онъ своего хозяйства, во все и повсюду вникалъ самъ, до всего доходилъ своимъ глазомъ. Сыновья стариковы, а ихъ было у него трое, скорѣе походили на работниковъ, а не на хозяйскихъ дѣтей; безъ спросу и указу отцовскаго они ничего не могли сдѣлать. Какъ-то остановились

на этомъ дворѣ одни проѣзжіе, бѣдные мужички, переночевали, а на утро при разсчетѣ не уплатили одной копѣйки. Знамое дѣло, копѣйка хоть и деньга, да не дорого стоитъ, но для скряги что золотой, что мѣдная копѣйка—все равно, одинаково онъ ихъ бережетъ и лелѣетъ. Такъ и нашъ старикъ долго приставалъ къ проѣзжимъ мужикамъ, чтобы разсчитались сполна, но дѣлать нечего, гдѣ же взять копѣйку, коли ея нѣтъ; не лошадь же отпрягать, и то хорошо, что побожились мужики: „ей богу, молъ отдадимъ, когда назадъ ворочаться будемъ“. Однако старику не спалось, не ѣлось, все мерещилась ему не отданная копѣйка, и, не дождавшись обратнаго проѣзда мужичковъ, онъ взялъ да и удавился. Дѣти его хорошо знали, что батюшка ихъ, конечно, не въ рай угодилъ, а потому посовѣтовались со священникомъ, который и велѣлъ имъ въ теченіе восьми лѣтъ ни съ кого за постой не брать, а бѣдныхъ мужиковъ непремѣнно даромъ кормить. Послушались они этого совѣта и ни съ кого не берутъ за постой, а бѣдныхъ и даромъ кормятъ. Вотъ проходятъ и восемь лѣтъ. Какъ-то подъ вечеръ, въ сильную вьюгу, прикатили на тройкѣ богатыхъ лошадей на этотъ дворъ двое господъ и просятся переночевать, а господа эти, къ слову сказать, были никто другой, какъ черти. Переночевали они, призываютъ, кто за хозяина, и даютъ за постой; тотъ не беретъ; „ну, возьми хоть лошадку“, говорятъ господа, но и отъ лошадки отказываются. Дѣлать нечего; уѣхали. Глядь, а на дворѣ стоитъ въ хомутѣ сѣрый жеребецъ, господскій коренникъ; такъ и ахнули стариковы сыновья, но все-таки подошли къ жеребцу и снимаютъ съ него хомутъ; только что успѣли снять, анъ передъ ними вмѣсто жеребца—ихъ отецъ, который благодаритъ ихъ, что послушались они совѣта священника, что теперь онъ отмоленъ и избавленъ отъ мученій. Проговоривъ это, старикъ тотчасъ-же скрылся.

Ходитъ повѣрье, что и приспанныя дѣти отдаются дьяволу, а если умретъ ребенокъ до совершенія надъ нимъ святого крещенія, то таковой на томъ свѣтѣ бываетъ слѣпымъ. Не хорошо, даже опасно ругать и клясть дѣтей; не слѣдуетъ матерямъ необдуманно произносить на дѣтей: „чтобъ тебя чертъ побралъ!“ Кромѣ худа ничего изъ этого не выйдетъ.

— Залѣзъ воръ къ богатому мужику во дворъ и думаетъ украсть жеребца, ждетъ только, чтобы улегся хозяинъ съ своей семьей.

Сидитъ воръ, дожидается и видитъ: крадется по двору чертъ и прямо къ нему; не оробѣлъ мужикъ и говоритъ: „ты зачѣмъ, чертушка?“ —„А ты зачѣмъ“, спрашиваетъ въ свою очередь чертъ. „Да я, отвѣчаетъ воръ, пришелъ за жеребцомъ“.—„А я, говоритъ чертъ, пришелъ за ребенкомъ“.„—Какъ такъ“?—„Да такъ, матери спать захотѣлось, а ребенокъ кричитъ, мѣшаетъ; а она, не долго думавши, и бухнула: чтобъ тебя чертъ взялъ! Мнѣ же это на руку, вотъ я и пришелъ“. Взялъ чертъ ребенка у сонной бабы и несетъ по двору, подходитъ къ вору и говоритъ: „подержи, братъ, а я сбѣгаю въ хату и положу что-нибудь на мѣсто ребенка, только смотри ничего не говори, если ребенокъ проснется“. Воръ взялъ, держитъ, а чертъ прямо въ хату и положилъ бабѣ вмѣсто ребенка осиновую чурку. Пока чертъ возился въ хатѣ, а младенецъ чихнулъ, воръ же на это и сказалъ: „здравствуй, ангельская душа!“ Приходитъ чертъ, но ребенка взять не можетъ; поругалъ, поругалъ вора, да и пошелъ во-свояси. Воръ же забился съ малюткой на сѣновалъ и баюкаетъ его. На утро плачъ въ хатѣ: умеръ у хозяина-богача сынъ; тогда воръ входитъ въ хату, молится Богу, здоровается и говоритъ: „не плачьте, ударьте мертваго ребенка о печку три раза—и онъ оживетъ“. Внезапное появленіе человѣка, совершенно незнакомаго, его смѣлый совѣтъ хотя и озадачили плачущихъ, но все-таки они послѣдовали совѣту, ударили ребенка три раза о печку—и вдругъ появилась осиновая чурка, а воръ въ это время сбѣгалъ на сѣновалъ и принесъ настоящаго, не мертваго, а живого младенца; разсказалъ, какъ онъ хотѣлъ украсть жеребца, какъ увидалъ черта, и какъ тотъ взялъ ребенка и отдалъ ему подержать, и какъ младенецъ ускользнулъ изъ рукъ черта. Однимъ словомъ, воръ во всемъ чистосердечно раскаялся. Обрадованные хозяева отдали даромъ вору жеребца, угостили его на славу, а тамъ и попрощались. Съ тѣхъ поръ шабашъ въ этой семьѣ говорить на дѣтей: „чтобъ васъ чертъ побралъ!“ Да и во всей деревнѣ, гдѣ произошла эта исторія, теперь не услышишь приведеннаго выраженія.

II. Колдуны и вѣдьмы.

Колдуны и вѣдьмы бываютъ самородками; самородки болѣе знаютъ чѣмъ тѣ, которые воспользовались искусствомъ колдов-

ства по передачѣ. Самородокъ всегда съ хвостикомъ и беретъ верхъ надъ прочими колдунами. Однако, колдовать и учатся.

Теща учила зятя колдовать; узналъ про то родной его отецъ и началъ бранить его, а въ концѣ-концовъ грозилъ проклясть. Зять пересталъ учиться у тещи, и черти начали его мучить, даже св. крестъ стаскивали; бѣдняку добрые люди посовѣтовали спать на сѣнѣ, и черти перестали мучить его, такъ какъ въ сѣнѣ есть травы, которыя отгоняютъ ихъ.

Колдунъ до тѣхъ поръ мучается въ предсмертныхъ мукахъ, пока не передастъ другому своего искусства.

29-го іюня, на Петровъ день, можно узнать колдуна слѣдующимъ образомъ: купи новыя неѣзженыя колеса, надѣнь на палку и кати по задамъ, т. е. сзади дворовъ; тамъ, гдѣ колдунъ, возлѣ того двора колеса эти разорвутся; тогда собери осколки, зажги ихъ на перекресткѣ и услышишь человѣческій крикъ колдуна.

Если по смерти вѣдьма и колдунъ ходятъ домой, то осиновый колъ загоняютъ въ ихъ могилу. Чтобы колдунъ или вѣдьма послѣ своей смерти не приходили домой и не пугали домашнихъ, то дѣлаютъ еще такъ: гробъ съ умершимъ колдуномъ или вѣдьмою на перекресткѣ перевертываютъ: обыкновенныхъ покойниковъ несутъ до храма ногами впередъ, а колдуна съ перекрестка несутъ головою впередъ; а также вдѣлываютъ въ дно гроба осиновую доску и кладутъ въ гробъ осиновыя стружки, или же дѣлаютъ поперечникъ на днѣ въ видѣ креста. Какъ утопленники, удавленники, такъ и колдуны по смерти своей непремѣнно бродятъ по землѣ, начиная съ заката солнца и до пѣтуховъ, т. е. до полночи.

Въ новолуніе колдуны и вѣдьмы подвязываютъ зубы за тѣмъ, чтобы у колдуна борода не отвалилась, а у вѣдьмы зубы не вывалились, такъ какъ въ новолуніе черти у колдуна тянутъ бороду, а у вѣдьмы стараются вышибить зубы вмѣстѣ съ салазками (челюстью).

По мнѣнію народа колдуны дѣйствуютъ чрезъ посредство нечистой, бѣсовской силы и по смерти своей неминуемо поступаютъ во власть чертей.

Какой вредъ дѣлаютъ колдуны и вѣдьмы человѣку и какъ отъ нихъ можно себя оборонить, покажутъ намъ дальнѣйшіе разсказы о колдунахъ, разсказы, въ которые народъ еще вѣритъ до сего времени.

Къ колдунамъ нерѣдко обращаются по поводу украденной вещи, пропавшаго скота и т. п.

— Въ Трубчевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, я зналъ одного достоуважаемаго іерея, который въ церковныхъ проповѣдяхъ громилъ разное чародѣйство, громилъ колдуновъ и вѣдьмъ. Какъ-то у него самого пропало пять коровъ; искалъ онъ, искалъ, но не могъ найти. Что дѣлать? волей-неволей, а пошелъ онъ къ одной извѣстной колдуньѣ и неотступно сталъ просить ее указать, гдѣ его буренушка. Сѣдая вѣдьма усмѣхнулась, да и говоритъ: „батюшка, вѣдь ты насъ все ругаешь, бранишься, зовешь насъ сестрами дьявола", и много другого прочаго наговорила колдунья священнику. Слушалъ, слушалъ послѣдній болтовню вѣдьмы, плюнулъ да и говоритъ: „ты, милая, укажи-ка мнѣ, гдѣ коровушка, а что касается брани и руготни, то я теперь оставлю васъ въ покоѣ". Вѣдьма взяла съ него слово не трогать ихъ и сказала: „ну, батюшка, ступай домой, коровки твои дожидаются тебя!" Пошелъ священникъ и—о диво! Буренушки его стоятъ возлѣ воротъ и мычатъ, пойлеца просятъ. „Вотъ тебѣ и притча: самъ попъ пошелъ къ вѣдьмѣ за совѣтомъ, а намъ грѣшнымъ, стало-быть, и подавно можно", говорили мужички, знавшіе исторію о поповскихъ коровкахъ.

—Въ одной деревнѣ жилъ колдунъ, жилъ онъ да и померъ; ну чтожъ, это не бѣда, а вотъ бѣда: колдунъ сталъ приходить съ погоста въ свою семью и требовать угощенья, а не то все въ хатѣ переколотитъ да и страху разнаго задастъ. Разорилась семья отъ этихъ посѣщеній, однако нашелся добрый человѣкъ, который и сказалъ, что колдунъ оттого ходитъ, что не передалъ никому своего ремесла, а потомъ и посовѣтовалъ забить въ могилу осиновый колъ. Такъ и сдѣлали. Съ тѣхъ поръ шабашъ колдунъ ходить прощаться.

Многіе увѣряютъ, что лучше всего разрыть могилу и забить осиновый колъ прямо въ сердце колдуна, и тогда послѣдній перестанетъ бродить по землѣ.

— Жили два брата; мать у нихъ была колдунья и по смерти своей постоянно, послѣ заката солнца, являлась въ хату къ своимъ сыновьямъ и непремѣнно требовала угощенья. Долго ли, коротко ли ходила колдунья и угощалась, но вотъ разъ заѣхалъ къ братьямъ нашимъ Полѣхъ и попросился переночевать; тѣ пу-

стили его, и когда Полѣхъ убралъ своихъ лошадокъ, зашелъ въ хату, помолился Богу, поздоровался, сѣлъ на прилавокъ, осмотрѣлся, да и говоритъ: „у васъ есть что-нибудь неладное?“ Тѣ признались; тогда Полѣхъ взялся избавить ихъ отъ этой бѣды; закрестилъ онъ окна, двери, взялъ осиновую дубину, и когда пришла колдунья, онъ и давай колотить ее дубиной; вѣдьма было въ окно, въ дверь, анъ не тутъ то было. Полѣхъ знай себѣ, колотитъ да колотитъ. Измочаливъ какъ слѣдуетъ старуху, онъ отворилъ дверь—вѣдьма туда, да еще на дорогу получила затрещину въ спину и съ тѣхъ поръ къ сыновьямъ ни ногой.

Къ людямъ, пользующимся славой колдуна, рѣдко кто идетъ читать псалтирь по смерти ихъ.

— Одинъ грамотѣй читаетъ псалтирь, вдругъ колдунъ подымается изъ гроба и говоритъ: „ага, теперь попался!“ и хочетъ подойти, а грамотѣй все читаетъ, хотя поджилки и трясутся у него; но вотъ закричалъ пѣтухъ, колдунъ не успѣлъ войти въ гробъ и ударился среди пола, ужъ утромъ положили колдуна опять въ домовину. Грамотѣй же нашъ позабылъ и псалтирь, да во-свояси, и съ тѣхъ поръ шабашъ читать по покойникамъ.

Приведу нѣсколько болѣе пространныхъ разсказовъ, связанныхъ съ колдовствомъ и съ нечистой силою вообще.

Жена Карла XII—колдунья.

Давнымъ-давно, при царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, была война со шведами. У шведскаго короля жена была колдунья. Бывало, зачнутъ русскіе стрѣлять въ шведовъ, и пули наши летятъ обратно и вреда не дѣлаютъ. Дочь короля попала въ плѣнъ къ намъ, русскимъ; полюбился ей одинъ нашъ генералъ, и разсказала она ему, что колдунью, ея мать, можетъ убить русскій солдатъ, а найти его легко: спитъ, ротъ разиня, и глазами глядитъ. Генералъ нашъ сказалъ объ этомъ царю. Царь приказалъ разыскать солдата. Нашли и приказали ему убить колдунью, королеву жену. Солдатъ сталъ отнѣкиваться, что не знаетъ, какъ и чѣмъ ее убить. Но нашъ царь Петръ Алексѣевичъ грозенъ былъ, не любилъ по пусту разговаривать; его слово—дѣло: приказалъ убить, такъ ослухаться не моги, такъ что волей-не-волей, а солдатъ

взялъ ружье, зарядилъ его пуговицей мѣдной, прицѣлился въ колдунью и убилъ наповалъ, да и самъ тотчасъ же умеръ. На его могилѣ и по сю пору часовня стоитъ.

Полковникъ и вѣдьма.

Пришли солдаты на постой въ одну деревушку; поразмѣстили ихъ по хатамъ. Одинъ изъ солдатиковъ попалъ на квартиру къ вѣдьмѣ. Бывало, вѣдьма возьметъ уздечку, набросить ее на солдата, засядетъ на него верхомъ и катается вплоть до пѣтуховъ. Сдѣлался солдатъ очень плохъ; товарищи спрашиваютъ, отчего это онъ сталъ, что лица на немъ нѣтъ, что краше въ гробъ кладутъ. Солдатъ долго утаивалъ, но все-таки, какъ ни крѣпился, а тамъ и сказалъ, что вѣдьма заѣздила его. Узналъ про то самъ полковникъ; призвалъ онъ солдата, разспросилъ у него, какъ и когда сѣдлала и каталась на немъ вѣдьма, тотъ все подробно разсказалъ. Полковникъ велѣлъ солдату остаться на его квартирѣ, а самъ пошелъ ночевать въ хату вѣдьмы. Пришелъ, легъ на коникѣ, нарочно захрапѣлъ. Долго не думавши, вѣдьма беретъ уздечку, подходитъ къ нему и хотѣла было набросить ее на полковника, но тотъ изловчился, да и выхватилъ уздечку и накинулъ на вѣдьму, сѣлъ на нее верхомъ, да и ну катать, да плетью угощать, благо вѣдьма обратилась въ лошадь. Ѣздилъ, ѣздилъ полковникъ, а тамъ пріѣхалъ въ кузню и велѣлъ кузнецу подковать лошадь. Подковали; засѣлъ полковникъ опять; ѣздилъ, ѣздилъ, потомъ подъѣхалъ къ хатѣ, слѣзъ, стегнулъ плеткою и стала лошадь опять вѣдьмою; тутъ онъ еще разъ стегнулъ бабу, та забилась на печку, лежитъ, стонетъ и охаетъ. Зовутъ ее дочери обѣдать, а она не слѣзаетъ съ печки: на рукахъ и ногахъ подковы у ней, инда заболѣла наша вѣдьма. Но вѣдь голодъ— не тетка, сколько ни лежи, вставать надо, брюхо ѣсть проситъ. Встала наша вѣдьма да и пошла къ полковнику и проситъ его расковать ее: „Раскуй, пожалуйста, вѣкъ тебя не забуду и брошу свое ремесло“, стонетъ она. Полковникъ взялъ узду, надѣлъ на вѣдьму, и стала она опять лошадью; сѣлъ онъ на нее и поѣхалъ въ кузню и велѣлъ расковать. Съ тѣхъ поръ перестала вѣдьма ѣздить на солдатѣ, да и ремесло свое передала, не знаю только кому.

Купеческій сынъ и поповна.

Жилъ-былъ купецъ и ѣздилъ онъ далеко съ товаромъ на лошадяхъ. У купца былъ сынъ, очень пригожій собою, къ тому же малый умный, смѣтливый. Частенько заѣзжалъ купецъ съ сыномъ къ одному попу, гдѣ кормилъ лошадокъ, да и самъ отдыхалъ. У попа была дочка, писаная красавица; полюбилась поповна купеческому сынку, да и онъ ей понравился. Задумалъ было купецъ посватать поповну за сына, да батюшка и слышать объ этомъ не хочетъ. Много-ли, мало-ли прошло времени, но вотъ купеческій сынокъ сговорился съ поповной: „ты, молъ, касатка, брось отца, да бѣги со мной; убѣжимъ, обвѣнчаемся, а тамъ принесемъ отцу повинную, можетъ быть, онъ и проститъ тогда насъ". Сказано, сдѣлано; уговорились, когда и какъ пріѣхать. Проходитъ день, два, недѣля, другая, близится время къ сроку, поповна ждетъ своего ненагляднаго; а ненаглядный то ея былъ колдунъ - самородокъ; вдругъ онъ заболѣлъ и умеръ; похоронили его, а поповна объ этомъ не знала, все ждетъ-дожидается. Прошло немного времени, попъ куда то отъѣхалъ, и вотъ, въ сумеркахъ, подкатила къ крыльцу попова двора лихая тройка. Выскочилъ изъ богатыхъ саней купеческій сынъ и прямо къ своей возлюбленной, которую и началъ торопить скорѣе собираться. Поповна собралась, сѣли въ сани и покатили; вотъ они стали подъѣзжать къ кладбищу, и купцову сыну стало жаль поповны, и говоритъ онъ ей: „мѣсяцъ свѣтитъ, мертвецъ ѣдетъ, красну дѣвицу везетъ". А тамъ еще: „испугалась ты, милая, или нѣтъ?". Она отвѣчаетъ: „чего мнѣ бояться, когда ты со мной!" Вотъ подъѣхали они къ самому погосту, купцовъ сынъ и спрашиваетъ: „у тебя, должно быть, есть крестъ, такъ ты его скинь съ шеи и брось!" Поповна сняла крестъ и бросила; тогда онъ высадилъ ее изъ саней и сталъ подводить къ могилѣ, а она и спрашиваетъ: „гдѣ же, милый, мы будемъ вѣнчаться?" Онъ и говоритъ: „а вотъ, полѣзай за мной въ могилу!" Поповна догадалась, кто ея суженый, и начала понемногу сбрасывать съ себя одежду; всю побросала и сдѣлалась нагой; вдругъ закричалъ пѣтухъ. Мертвецъ изчезъ въ могилѣ, а поповна побѣжала съ погоста, да прямо на колокольню и стала звонить. Сбѣжался народъ, а она и проситъ съ колокольни: „дайте, православные, во что одѣться, я нагая!" Ей подали

одежду, и тогда сошла съ колокольни и все, что съ нею случилось, разсказала. Бѣдную поповну добрые люди отвезли къ ея отцу, но не долго она прожила на бѣломъ свѣтѣ, скоро сильно заболѣла и умерла. Погоревалъ попъ, погоревалъ, да дѣлать нечего, видно такъ Богъ судилъ. Долго потомъ мужички, а особливо бабы, перетолковывали на разные лады исторію съ поповой дочкой.

Краснорядецъ и его работникъ.

Жилъ да былъ одинъ краснорядецъ; ѣздилъ онъ по селамъ и деревнямъ на двухъ тройкахъ и продавалъ честнымъ людямъ товаръ. Былъ у этого краснорядца работникъ, малый лѣтъ 15-ти; работникъ смышленый, честный, но вотъ бѣда: былъ-то онъ колдунъ, да еще самородокъ, стало-быть съ хвостикомъ. Пріѣхалъ разъ краснорядецъ въ одно село, а въ селѣ была свадьба; работникъ и просится у хозяина пойти поглазѣть на свадьбу; хозяинъ отпустилъ его. Приходитъ малый на свадьбу, входитъ въ хату, здоровается съ хозяевами и поздравляетъ ихъ съ молодыми; его поблагодарили за поздравленіе и посадили за столъ; малый замѣтилъ, что въ вышкахъ сидитъ колдунъ и угощается, а тамъ и говоритъ: „а ты зачѣмъ здѣсь, сѣдой, въ красномъ колпакѣ?" —„Тебѣ, что за дѣло"! отвѣчаетъ въ свою очередь сѣдой колдунъ: „али ты, молокососъ, больше моего знаешь?"—„Конечно, больше твоего знаю"! отвѣчаетъ малый.—„А коли такъ, говоритъ сѣдой, то налейте-ка стаканъ водки!" Налили, подали; колдунъ пошепталъ, пошепталъ и говоритъ малому: „на, выпей"! Малый перекувырнулся три раза, а тамъ взялъ стаканъ и выпилъ водку. —„Теперь ты выпей"! говоритъ онъ сѣдому. Налилъ онъ водки и подалъ ему, тотъ выпилъ и тотчасъ же притянуло сѣдого къ потолку, а малый и зачалъ его бить кнутомъ; старикъ кричитъ благимъ матомъ; сыновья сѣдого стали упрашивать малаго, чтобы онъ отпустилъ ихъ отца, но тотъ еще, какъ слѣдуетъ, походилъ сѣдого, а тамъ и отпустилъ. Съ тѣхъ поръ шабашъ колдунъ ходить по свадьбамъ, а краснорядецъ, какъ только узналъ, что было на свадьбѣ, сейчасъ-же расчелъ своего работника, боясь съ нимъ ѣздить.

Шорникъ-колдунъ.

Шли два шорника и одинъ изъ нихъ, парень лѣтъ пятнадцати, былъ колдунъ-самородокъ. Пришли они въ одну глухую дере-

вушку и остановились на ночлегъ у знакомаго мужика. Въ ту пору у хозяйскаго сосѣда была вечеринка, просваталъ онъ, значитъ, свою дочку за какого то молодца изъ сосѣдняго села. Вечеринка—дѣло веселое, здѣсь бываетъ много народу и съ дѣломъ, и безъ дѣла: кто пьетъ, гуляетъ, пѣсни поетъ, а кто такъ себѣ, просто глазѣетъ. Вотъ нашъ шорникъ, колдунъ-самородокъ, отпросился у старшаго товарища на вечеринку, знамо дѣло, человѣкъ молодой: хочется и людей посмотрѣть, да и себя показать. Приходитъ парень на вечеринку и видитъ—въ вышкахъ, на почетномъ мѣстѣ сидитъ колдунъ, старичище лѣтъ восьмидесяти, и угощается; всѣ его боятся, а потому ужъ оченно и потчуютъ. Нашъ же парень ни съ того, ни съ сего и говоритъ: „что вы его угощаете, набиваете брюхо его и мясомъ, и пирогами, и виномъ, не стоитъ онъ этого, выгоньте его въ три шеи“. Хозяева же говорятъ: „нельзя; дѣдушка—почетный гость, не то онъ испортитъ молодыхъ!“ Самородокъ же опять настаиваетъ: „выгоньте, да и полно!“ Послушались парня и выпроводили стараго колдуна, который пригрозилъ, что ужо, молъ, вспомните меня. На утро надо ѣхать къ вѣнцу; парень-самородокъ и говоритъ: „лошадей запрягайте на дворѣ и переднюю лошадь запрягите самую плохую“. Такъ и сдѣлали; и только что поѣзжане съѣхали со двора, какъ передняя плохая лошадь и околѣла; парень велѣлъ ее бросить на зада̀, на задворки. Поѣзжане поѣхали въ храмъ, а старый колдунъ пришелъ на зада̀ и съѣлъ околѣвшую лошадь, потомъ заходитъ къ хозяину и проситъ напиться; ему дали, и только что вышелъ онъ изъ хаты, какъ неожиданно для всѣхъ умеръ. А парень-самородокъ тутъ какъ тутъ и говоритъ: „по дѣломъ ему собакѣ и собачья смерть!“ Скоро возвратились и поѣзжане, и молодые, все было благополучно, а парня-самородка всѣ благодарили, что онъ избавилъ ихъ отъ лиходѣя, не знали только простаки, что и парень-то этотъ былъ тоже колдунъ.

Про колдуновъ и вѣдьмъ, вообще, говорятъ, что прежде безъ нихъ ни одна свадьба не обходилась; ихъ сажали на почетномъ мѣстѣ, въ вышкахъ, усиленно потчивали, боясь, что они испортятъ молодыхъ.

Цѣловальникъ и вѣдьма.

Къ одному цѣловальнику повадилась приходить невидимкой вѣдьма; придетъ бывало и отольетъ изъ бочки, сколько ей за-

хочется, водочки. Цѣловальникъ не зналъ, что и дѣлать, хоть бѣги торговать въ другое село. Но вотъ онъ замѣтилъ, что какъ только вино изъ бочки станетъ убавляться, то прежде этого въ подворотню лазаетъ собака. Вотъ цѣловальникъ приготовилъ осиновую ось и сталъ подкарауливать. Разъ лѣзетъ собака въ подворотню, тогда онъ, недолго думавши, хвать ее осиновой осью по спинѣ, инда завыла собака, завыла да и убѣжала. Съ тѣхъ поръ шабашъ вино отливаться у нашего цѣловальника, а въ одно и то-же время сильно заболѣла старуха, которая слыла за вѣдьму; говорятъ, что вся спина у ней была синяя. Не знаю только, зналъ ли народъ, что угостилъ такъ вѣдьму знакомый намъ цѣловальникъ.

Бурмистръ и его кума.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ былъ у насъ на селѣ бурмистръ; жилъ онъ богато, у него была кума-колдунья, которая недолюбливала своего кума и творила ему разныя пакости; морила скотину и прочее. Поѣхала разъ колдунья на толчею, бурмистръ и задумалъ ее убить; поѣхалъ онъ тоже на толчею; здѣсь, незамѣтно для другихъ, всунулъ онъ голову колдуньи въ толчею, гдѣ ее и растрепало. Похоронили колдунью, и никому не въ догадъ, кто ее извелъ. Однажды ѣхалъ бурмистръ изъ конторы; ѣхалъ поздно, ночью; лошадь была хорошая. Смотритъ бурмистръ, бѣжитъ его кума и кричитъ: „постой, куманекъ, постой, дорогой!“ Бурмистръ ударилъ по лошади, а кума за нимъ, нагоняетъ его; къ счастью конь добрый, а то не миновать бы бѣды; успѣлъ бурмистръ доѣхать до своего двора, ударился конь въ ворота, вышибъ ихъ и тутъ же околѣлъ. Такъ вѣдьма не догнала своего кума, который, однако, съ перепугу посѣдѣлъ. Дѣйствительно, утверждаетъ народъ, что кума бурмистрова была убита на толчеѣ, но кѣмъ и за что, невѣдомо, а исторія съ бурмистромъ не сказка, но сущая правда.

Отецъ колдунъ и сынъ солдатъ.

Въ одной глухой деревушкѣ жили два брата, а третій братъ былъ въ солдатахъ. Отецъ ихъ былъ колдунъ и по смерти своей ходилъ домой и поѣдалъ и попивалъ выставляемое ему угощенье. Сыновья боялись встрѣчаться съ отцомъ, а потому уходили ноче-

вать къ сосѣду; вдругъ приходитъ со службы ихъ братъ—солдатъ, входитъ въ хату, видитъ, что стоитъ на столѣ и закуска, и выпивка, людей же въ хатѣ нѣтъ никого, и думаетъ: „что это за притча: столъ убранъ, какъ слѣдуетъ, а никого нѣтъ, видно братья ушли звать гостей", а того, что отецъ умеръ, онъ не зналъ. Отъ усталости солдатъ легъ на печку и дожидается братьевъ съ гостями. Вдругъ приходитъ его отецъ, садится и ѣстъ. Солдатъ смекнулъ, что дѣло не ладно; притулился, ни гу-гу; а отецъ и говоритъ: „слѣзай-ка съ печи, давай ѣсть"! Солдатъ слѣзъ. Поѣли все угощенье, отецъ и говоритъ: „теперь я тебя буду ѣсть!"—„Да я нечистый, дай помоюсь", отвѣчаетъ солдатъ, а самъ растягиваетъ время до пѣтуховъ. Потомъ близъ полночи идетъ солдатъ на рѣчку, будто бы обмыться, а отецъ за нимъ—не отстаетъ; вдругъ закричалъ пѣтухъ, и отецъ, ни слова не говоря, бултыхнулся въ воду. Перекрестился служивый и поблагодарилъ Бога, что такъ дешево отдѣлался. Съ тѣхъ поръ шабашъ старикъ ходить къ сыновьямъ угощаться, а люди добрые говорятъ, что на рѣкѣ и до сего времени около полночи слышенъ стонъ и крикъ, кричитъ кто-то и зло ругается: видно, что нашъ старикъ серчаетъ на своего сынка-солдата; но какъ-бы тамъ ни было, а все-таки боятся люди ходить поздно мимо того мѣста, гдѣ бросился въ воду колдунъ.

Три сына и отецъ.

Жили три брата; отецъ ихъ былъ колдунъ. Зачуялъ старикъ смерть и хотѣлъ передать свое колдовство сыновьямъ, но тѣ отказались отъ отцовскаго подарка, только младшій братъ согласился смотрѣть за отцомъ, когда онъ помирать будетъ.

Долго-ли, коротко-ли, а старикъ началъ мучаться,—смерть ужъ на порогѣ. Взялъ младшій сынъ пахотный хомутъ и троицкій вѣнчикъ и смотритъ, что будетъ. Помучился, помучился старикъ, да и умеръ. Вотъ около полночи приходятъ три черта и начинаютъ мѣряться, кому мертвецъ достанется; помѣрились, и достался нашъ колдунъ младшему черту. Долго не думавши, чертъ распоролъ у мертвеца брюхо и сталъ ѣсть внутренности; ѣлъ-ѣлъ, осталась одна кожа; чертъ залѣзъ въ кожу и посиживаетъ себѣ, видно вздумалъ отдохнуть послѣ сытнаго ужина. Младшій братъ приказываетъ своей женѣ разогрѣть поскорѣе три чугуна воды.

Баба разогрѣла, вода инда кипитъ, тогда онъ живо вливаетъ одинъ чугунъ воды въ распоротое брюхо отца—и что же? Чертъ только поежился. Онъ вливаетъ другой чугунъ,—чертъ встрепехнулся. Вылилъ третій—и чертъ выскочилъ ошпаренный, да и бѣжать. Послѣ этого братья схоронили отца и говорятъ, что старикъ не ходилъ къ нимъ по смерти, не смотря на то, что никому не передалъ своего колдовства; а не отпарь младшій братъ черта, то разорилъ бы ихъ старикъ, требуя угощенья.

Работникъ колдунъ.

Ѣдутъ три свадьбы къ вѣнцу; на встрѣчу мужичокъ съ работникомъ. Работникъ былъ самородный колдунъ и говоритъ онъ хозяину: „дядя, аль пошутить надъ свадьбами!"—„Валяй!" отвѣчаетъ хозяинъ. Поднялъ работникъ комъ земли и бросилъ за первыми поѣзжанами. Свадьба остановилась; поѣзжане скинули съ себя всю одежду и голые стали чесаться спинами. Тогда хозяинъ говоритъ: „довольно!" Махнулъ работникъ платкомъ: поѣзжане живо одѣлись и поѣхали себѣ.

То же самое продѣлалъ работникъ и со второй свадьбой.—„Ну, шути и надъ третьей!" говоритъ мужикъ.—„Нѣтъ, надъ этой шутить нельзя!" отвѣчаетъ работникъ".—„Почему?"—„Да тутъ ѣдутъ честные поѣзжане, впереди ихъ сама Божья Матерь на огненной колесницѣ, а въ первой свадьбѣ былъ одинъ колдунъ, а во второй два!" И пошелъ хозяинъ съ работникомъ домой, но только держать его не сталъ, а по совѣсти расчелъ, да еще могарычику поднесъ.

Сапожникъ и купеческая дочь.

Жилъ-былъ одинъ богатый купецъ; у него была дочь, очень красивая собой; купецъ души въ ней не чаялъ, такъ-какъ кромѣ ея у него не было дѣтей. Звали эту красавицу Катериной. Но только вотъ бѣда: Катерина каждую ночь неизвѣстно куда исчезала, и отецъ не наготавливался на нее башмаковъ; всегда утромъ покупались новые, потому-что къ утру башмаки бывали порѣзаны и никуда не годились. Купецъ кликнулъ кличъ: кто узнаетъ, куда его дочь ночью уходитъ, за того замужъ ее отдастъ и казной наградитъ. Нашелся одинъ пьяница-сапожникъ, который, долго

не думавши, пошелъ къ купцу. Идетъ онъ, а на встрѣчу ему старуха. Сапожникъ поздоровался съ ней, а она и говоритъ: „знаю, дружокъ, куда и зачѣмъ ты идешь, но только безъ меня ты ничего не сдѣлаешь; впрочемъ, не горюй, и когда придешь къ купцу, то потребуй двѣ свѣчи и ложись въ одной комнатѣ съ дѣвкой; но только не засни, смотри, а все примѣчай, да на усъ мотай, а за совѣтъ мой отдай то, что будетъ у тебя подъ подушкой въ первую ночь, какъ обвѣнчаешься съ купчихой". Сапожникъ радъ-радехонекъ, за добрый совѣтъ поблагодарилъ старуху и далъ слово все исполнить. Вотъ приходитъ онъ къ купцу и разсказываетъ, зачѣмъ пришелъ; купецъ радъ гостю, хорошо попотчевалъ его. Приходитъ ночь; сапожникъ требуетъ двѣ свѣчи и ложится спать въ одной комнатѣ съ дочерью купца. Та было разсердилась и ни за что не хотѣла оставаться въ одной горницѣ съ сапожникомъ, но отецъ настоялъ, и дѣлать было нечего. Легъ сапожникъ, спитъ-храпитъ, а на самомъ дѣлѣ только притворился спящимъ. Вдругъ, видитъ онъ, являются двѣ дѣвицы-раскрасавицы и говорятъ купеческой дочкѣ: „что-же ты, Катя, долго спишь?"— „Да мнѣ, сестрицы, ныньче уйти нельзя; вотъ видите,—показываетъ на сапожника,—хочетъ узнать, гдѣ я бываю!" Тогда дѣвицы разожгли кольцо и стали его прикладывать сапожнику подъ пятки. Тотъ ни гу-гу. Потомъ взяли горячую сковородку и опять прикладываютъ къ пяткамъ. Сапожникъ тоже ни гу-гу.—„Онъ, видно, ничего не чуетъ,—говорятъ дѣвушки,—пьяный должно быть!" Сказали, подскочили къ столу и ударили кольцомъ—явилась тройка; онѣ сѣли и поѣхали. Сапожникъ—малый не промахъ: ударилъ тоже кольцомъ, и явился конь; онъ сѣлъ на коня и догоняетъ тройку; но вотъ видитъ: дерутся за находку два черта, а нашли они шапку-невидимку, скатерть-самобранку и коверъ-самолетъ; дерутся черти, чуть рога не сшибутъ, а толкомъ раздѣлить не могутъ, орутъ, визжатъ, ну, точь въ точь, какъ наши мужики на сѣнокосѣ, когда они не знаютъ, куда и какъ дѣвать дѣлянку этакъ возовъ въ двѣнадцать, пока ее не возьметъ попъ или брюханъ-цѣловальникъ за ведерко водки. Такъ и тутъ: бросили черти находку и бѣгутъ къ сапожнику: „почтенный, говорятъ, раздѣли и разсуди насъ!"—„А вотъ бѣгите, я стрѣлу пущу, кто первый принесетъ, того и находка!" Согласились черти; сапожникъ пустилъ стрѣлу, они за ней, а онъ сѣлъ на ко-

веръ-самолетъ, надѣлъ шапку-невидимку, положилъ за пазуху скатерть-самобранку и какъ ни въ чемъ не бывало полетѣлъ за знакомой тройкой. Скоро нагналъ и посмѣивается себѣ. Тройка остановилась въ дремучемъ лѣсу на полянѣ, гдѣ стоялъ раскрасивый дворецъ. Дѣвки вылѣзли изъ саней и прямо во дворецъ, сапожникъ въ шапкѣ-невидимкѣ за ними и видитъ онъ, что дѣвки стали плясать на ножахъ и черти съ ними. Сапожникъ хвать одинъ ножикъ, да въ карманъ. Поплясали дѣвки и подходятъ къ столу, а на столѣ стоитъ рюмочка и говорятъ онѣ: „налейся!" Рюмочка сама собою наливается, и дѣвки пьютъ. Напились и пошли въ садъ. Сапожникъ рюмочку въ карманъ, да тоже въ садъ. Видитъ, дѣвки яблоки золотыя рвутъ и ѣдятъ; онъ сорвалъ одно яблоко и спряталъ въ карманъ, а тамъ сѣлъ на коверъ-самолетъ, да прямо къ купцу въ домъ, вошелъ въ горницу и легъ. Прилетѣла купцова дочка и говоритъ: „вотъ, дуракъ-то, вздумалъ слѣдить за мной, а самъ спитъ, пьяница!" На утро купецъ и спрашиваетъ: „ну, что, дружокъ, узналъ гдѣ моя дочь бываетъ?" Сапожникъ отвѣчаетъ: „конечно, узналъ,—у чертей, вѣстимо!" Дочка стала отговариваться, что сапожникъ сплетаетъ про нее небылицы, чернитъ ее. „А это что?" указываетъ онъ на ножъ, на рюмку и на золотое яблоко. Тутъ Катерина во всемъ повинилась, и отдалъ ее отецъ за сапожника, да и казны не мало далъ. Сыграли свадебку, и вотъ въ первую ночь является къ молодой самъ Сатана и говоритъ: „Что-же тебя долго не видать?" А сапожникъ надѣлъ шапку-невидимку, схватилъ Сатану за рога, оторвалъ ихъ и бросилъ подъ подушку. Взвылъ Сатана и опрометью вонъ изъ горницы; засмѣялся сапожникъ и говоритъ: „ну, какъ ты теперь покажешься къ своимъ чертямъ, прогонятъ они тебя безрогаго". Извѣстное дѣло, что безрогимъ чертямъ, будь онъ хоть самъ Сатана, житье плохое. Много-ли, мало-ли прошло съ тѣхъ поръ времени, сапожникъ какъ-то увидалъ ту старуху, которая дала ему добрый совѣтъ; поздоровался съ нею и на просьбу ея отдать обѣщанное, принесъ ей чертовы рога и отдалъ. Обрадовалась старуха и говоритъ: „спасибо, дружокъ, вѣкъ благодарна буду; то они, окаянные, меня мучили, а теперь я ихъ буду, благо у меня въ рукахъ рога самого Сатаны, покажу я ужо ему безрогому!" И зажилъ сапожникъ съ своей молодой женой, о старомъ ни слова, да и что про то говорить, когда настоя-

щее ужъ очень хорошо было. Кстати сказать, что ни черти и никто другой не безпокоилъ нашихъ молодыхъ.

Вотъ вамъ и сказка; какъ слышали, такъ и передаемъ вамъ. Люди ложь—и мы тожъ.

Приведу, наконецъ, два маленькіе разсказа, касающіеся лично знакомыхъ мнѣ крестьянъ.

— Была у насъ на селѣ старуха, называли ее вѣдьмой. Вся ея премудрость состояла въ томъ, что она бывало залѣзетъ подъ куриную насѣсть, закудахчетъ курицей, а потомъ и тащитъ цѣлый подолъ яицъ. Чертъ ей яйца приносилъ, — говоритъ четной народъ.

— Въ селѣ Богодуховѣ, Орловскаго уѣзда, проживаетъ крестьянинъ, лѣтъ за 30-ть, Ананій Хаулинъ, который однимъ взглядомъ укрощаетъ самыхъ злыхъ собакъ, и онѣ становятся кроткими, какъ овечки. Замѣчательно, что этотъ крестьянинъ подверженъ припадкамъ въ новолуніе и обладаетъ какимъ-то особеннымъ блескомъ глазъ; глаза же у него не черные, а каріе съ темнымъ оттѣнкомъ, блестящіе. Однажды онъ ѣхалъ съ однимъ моимъ знакомымъ въ городъ Орелъ, отстоящій отъ села Богодухова въ 50-ти верстахъ; проѣзжая деревни, онъ всѣхъ встрѣчающихся собакъ собралъ около себя и собаки въ количествѣ болѣе сотни бѣжали за нимъ чуть не до города. Когда знакомый мой попросилъ его разогнать собакъ, то онъ только взглянулъ на нихъ, что-то пробурчалъ, и послѣднія, съ визгомъ, разбѣжались.—У одного арендатора былъ на привязи страшный, сильный и злой песъ; этотъ же мужичокъ поспорилъ, что онъ подойдетъ къ псу, отвяжетъ его и послѣдній пойдетъ за нимъ, ласкаясь; дѣйствительно, такъ и произошло, къ общему изумленію учавствовавшихъ въ спорѣ.—Иной разъ, онъ приведетъ къ своему дому штукъ пять-шесть собакъ, которыя не даютъ проходу домашнимъ, и до тѣхъ поръ будутъ онѣ жить въ его дворѣ, пока отецъ его не угоститъ водкой, тогда онъ что-то пробурчитъ, и собаки разбѣгутся. Нерѣдко онъ, по просьбѣ моей, приводилъ ко мнѣ завѣдомо злыхъ собакъ; но сколько я ни упрашивалъ его передать секретъ подобнаго укрощенія онъ отказался, говоря, что, если передастъ, то на вѣки потеряетъ силу укрощать псовъ; узналъ же онъ означенный секретъ отъ одного странника-старика, который передалъ оный ему передъ своей смертью. Сознаюсь, что я нѣсколько разъ

поилъ Ананію водкой до пьяна, надѣясь выпытать у него тайну, но это мнѣ не удалось.

По-Божью лучше жить.

Жили два брата; занимались они извозомъ; у каждаго было по три пары лошадей. Ѣхали они разъ и заспорили, какъ лучше жить: старшій братъ говоритъ, что по Божью, правдой лучше жить, а младшій говоритъ, что мошенничествомъ, неправдой жить гораздо вольготнѣе; правда все въ худыхъ лаптенкахъ ходитъ; старшій же на это отвѣчаетъ, что воръ не во время обѣдаетъ, не во время спитъ, да рѣдко воры и богаты бываютъ. Спорили, спорили и поругались, а тамъ и порѣшили, какъ разсудитъ ихъ споръ первый встрѣчный; побились объ закладъ на три лошади. Ѣдутъ. Встрѣчается дьячокъ; братья къ нему: какъ лучше жить? Дьячокъ и говоритъ: „была правда на землѣ, да Богъ ее на небо взялъ, кто теперь правдой живетъ!" Проигралъ старшій тройку лошадей. Поспорили на остальную. Ѣдутъ. Встрѣчается дьяконъ. Братья опять къ нему за рѣшеніемъ спора. Дьяконъ отвѣтилъ: „прогнали правду со свѣта, не знаю, куда она дѣлась, видно, къ Богу ушла". Проигралъ старшій братъ послѣднюю тройку, но все твердитъ, что правдою лучше жить и что есть она на свѣтѣ. Объ закладъ биться ему не на что; однако, порѣшили до третьей встрѣчи и что третья встрѣча скажетъ, то быть по сему: если неправдой, то пусть младшій выколетъ ему глаза, а если правдой, то долженъ послѣдній отдать обратно проигранныхъ лошадей. Сказано, сдѣлано. Ѣдутъ. Встрѣчается попъ. Братья къ нему опять съ тѣмъ же вопросомъ: какъ лучше жить, по Божью—правдой или неправдой. Усмѣхнулся попъ и говоритъ: „эхъ, вы, дурни, гдѣ вы нашли правду? ее и на судѣ нѣтъ, ее и у насъ нѣтъ; зло—лучше добра". Выкололъ тогда младшій братъ глаза старшему и бросилъ его въ чистомъ полѣ. Лежалъ правдолюбецъ, лежалъ, а тамъ и давай ползти; ползъ, ползъ, доползъ до дерева и думаетъ: дай, тутъ переночую, а тамъ, что Богъ дастъ. Легъ и спитъ себѣ. Вдругъ, не задолго до полночи, заслышалъ онъ шумъ: кто-то слетается на это дерево. Оробѣлъ онъ, узналъ, что это черти; но дѣлать нечего—лежитъ. Слетѣлись черти и и выхваляются, кто больше зла натворилъ. Одинъ чертъ и говоритъ: „я смутилъ двухъ братьевъ,

одинъ у другаго лошадей отобралъ да и глаза ему выкололъ.“— „А какъ ихъ, глаза-то, вылѣчить, спрашиваетъ одинъ изъ чертей.— „Да очень просто: вотъ, здѣсь подъ дубомъ колодезь, умыться въ немъ утреннею и вечернею зорей три раза и зрячимъ будетъ“. А то одинъ изъ чертей разсказалъ, что онъ въ такомъ-то царствѣ отвелъ всю воду, и что если яблоню, которая ростетъ возлѣ царскаго дворца, выдернуть, то и вода польется по всѣмъ ключамъ. Много и другого говорили черти, но слѣпой ужъ и не слушалъ ихъ; только-что они улетѣли, поползъ бѣдняга и ищетъ ощупью колодезь—нашелъ; умылся разъ, другой, третій, а тамъ дождался вечерней зари, умылся еще три раза—и сталъ все видѣть; перекрестился и давай Богъ ноги, да прямо въ то царство, гдѣ вода была отведена. Приходитъ и берется возвратить воду. Выдергиваетъ яблоню, что возлѣ царскаго жилья росла, и вдругъ вода потекла изо всѣхъ ключей. Наградилъ его царь очень щедро, и сталъ бывшій слѣпой страшнымъ богачомъ. Долго-ли, коротко-ли прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ своимъ братомъ, однако, соскучился по своей родинѣ и отправился туда. Приходитъ и узнаетъ, что братъ его младшій сталъ послѣднимъ бѣднякомъ на селѣ. Повидался онъ съ нимъ и спрашиваетъ: „отчего ты, братецъ, обѣднялъ?“ Залился слезами младшій братъ и говоритъ, что Богъ его наказалъ за неправду, и сталъ просить у него прощенья. Старшій зла не зналъ, простилъ его, наградилъ, купилъ ему лошадей, и сталъ младшій братъ жить лучше прежняго и не говорилъ уже, что неправдой вольготнѣе жить.

Неразмѣнныя деньги.

Ходитъ повѣрье про заколдованныя и неразмѣнныя деньги; хоть сколько угодно покупай, да сдачу бери, и твой рубль или двугривенный непремѣнно къ тебѣ придетъ невидимкой, а переноситъ его чертъ.—Былъ у одного мужичка заколдованный рубль; придетъ мужичекъ въ лавку или кабакъ, возьметъ чего ему угодно, но только не на весь цѣлковый, а хоть копѣйку да сдай; придетъ домой, а рубль у него опять въ карманѣ. Повадился мужикъ ходить съ рублемъ къ цѣловальнику; сначала послѣдній не замѣчалъ, что рубль отъ него бѣгаетъ, но наконецъ замѣтилъ, и вотъ, какъ-только мужичокъ отдалъ рубль, взялъ сдачу, то цѣловальникъ

проткнулъ этотъ рубль и надѣлъ на проволоку; немного спустя цѣлковый и давай бѣгать по проволокѣ; „нечистая сила, стало-быть, его двигала",—добавилъ разскащикъ.

Заѣхали мужички въ кабачекъ, пьютъ водочку, а цѣловальникъ невзначай уронилъ двугривенный; одинъ изъ мужиковъ замѣтилъ это и ну нагибаться, чтобы взять его; анъ, не тутъ-то было, двугривенный прочь откатывается; долго ловилъ его мужикъ, пока не примѣтилъ самъ цѣловальникъ, который усмѣхнулся, подошелъ и взялъ, какъ ни въ чемъ не бывало, свой двугривенный,—заколдованный, значитъ, онъ былъ.

Что касается знахарей и знахарокъ, то послѣднихъ въ описываемой мною мѣстности не существуетъ. „Были, говоритъ народъ, у насъ и знахари, и знахарки, да очень давно, а теперь перевелись". Впрочемъ, попадаются кое-гдѣ изрѣдка старухи, которыя наговариваютъ воду, заговариваютъ зубы, гадаютъ на картахъ, но такъ-какъ ихъ безсмысленные заговоры и гаданья не приносятъ вещественнаго результата, то народъ не вѣритъ имъ и пересталъ ходить къ нимъ за совѣтомъ.

Теперь, чуть заболѣетъ скотина, мужичекъ ѣдетъ къ „витинару"; заболѣетъ самъ или кто изъ домашнихъ, обращается къ „дохтуру", все равно какъ въ судбищахъ своихъ совѣтуется съ „аблакатомъ", такъ что эти три слова: „витинаръ" „дохтуръ" и „аблакатъ" получили равное право гражданства въ простонародномъ языкѣ.

Въ заключеніе этой главы приведу я извѣстный между крестьянами описываемой мною мѣстности разсказъ про знаменитаго Платова, атамана Донскихъ казаковъ, который иногда представляется чѣмъ-то въ родѣ оборотня, ускользающаго отъ рукъ Наполеона, хотя въ нашемъ разсказѣ не объ этомъ рѣчь.

Атаманъ Платовъ и слѣпые.

Ѣдетъ атаманъ Платовъ на своемъ любимомъ конѣ; весело скачетъ онъ: много, знать, перебилъ и забралъ въ плѣнъ французовъ; проѣзжаетъ Платовъ мимо рѣки, видитъ расположились на берегу слѣпцы, развели костеръ и пекутъ блины. Ничего не говоря, Платовъ подскакиваетъ на конѣ къ костру, хвать копьемъ, а блинъ уже у него; скушалъ его Платовъ, понравился блинокъ,—онъ въ

другой, въ третій разъ и т. д. достаетъ блинки копьемъ и кушаетъ себѣ на здоровье. Не понравилась такая шутка слѣпцамъ, крѣпко ругнули они вора, но что дѣлать?—не зрячіе: поймать не могутъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, долго не думавши, какъ хватить палкою на удачу, а Платовъ, тутъ-какъ-тутъ: схватилъ палку на лету; посмотрѣлъ на нее, видитъ: палка палкою, но хороша, тяжеловѣсна, обдѣлана славно. „Дай, думаетъ онъ, возьму ее,—годится дома свиньямъ мѣсиво мѣсить, знатная мѣшалка!" Подумалъ, да и взялъ. Пріѣзжаетъ домой и приказалъ этою палкою свиньямъ кормъ мѣсить.

Долго-ли, коротко-ли прошло время, а атаманъ забылъ и блины которые воровалъ у слѣпыхъ, забылъ и про ихнюю палку, что взялъ съ собой. Однажды, въ лѣтнюю пору сидитъ Платовъ на балконѣ и забавляется чайкомъ; глядь, идутъ слѣпые и прямо къ балкону: просятъ милостыню, поютъ за это стихи про Лазаря и и другіе. Остановились слѣпцы подлѣ балкона, сказали и пропѣли обычное. Тутъ-то Платовъ вспомнилъ, какъ онъ кушалъ блины, вспомнилъ и про палку, да къ тому же и лица слѣпцовъ показались ему знакомы. Завелъ онъ съ слѣпыми разговоръ прежде о томъ о семъ, а тамъ незамѣтно перешелъ къ давно минувшимъ блинамъ.—„Да, блинки-то хороши, да давно ужъ они намъ опостылѣли," говорятъ слѣпцы.—„Почему такъ?" спрашиваетъ атаманъ. И повторили слѣпцы знакомую намъ исторію, и добавили еще: „люба, очень люба намъ была та палка, хоть передъ смертью нашею Богъ привелъ бы подержать ее!" Ушли слѣпые. Платовъ тотчасъ-же спрашиваетъ у слугъ, гдѣ та палка, которою онъ велѣлъ мѣсить кормъ свиньямъ; оказалось, что палка цѣла, принесли ее. Осмотрѣлъ ее атаманъ, осмотрѣлъ внимательно и замѣтилъ секретное мѣсто; палка имѣетъ растворъ. Мигомъ ларчикъ былъ отпертъ и посыпались изъ палки „золотые".—„Такъ вотъ почему люба была слѣпымъ ихъ палка," подумалъ атаманъ.—Неизвѣстно, возвратилъ-ли онъ слѣпымъ ихъ палку и золото,—про это умалчиваютъ разсказчики, однако, думаютъ что нѣтъ. „—На что, молъ, слѣпцамъ золото, а мнѣ оно все-таки пригодится".

III. Разныя суевѣрія и предразсудки.

Есть немало суевѣрій относительно міра видимаго и различныхъ случаевъ жизни, но они болѣе или менѣе общеизвѣстны. Таковы

взгляды на радугу, тянущую воду изъ моря къ небу, на млечный путь, какъ на дорогу къ Іерусалиму, на кометы—предвѣстники войны, мора, голода и т. п., на падающія звѣзды, показывающія каждый разъ, что-кто нибудь умеръ. Народъ вѣритъ, что за видимымъ небомъ есть еще семь небесъ, что солнце, обойдя землю, при закатѣ опускается въ море, что на солнце можетъ смотрѣть свободно только праведникъ, что на лунѣ видно изображеніе, какъ Каинъ убилъ брата своего Авеля, и что поэтому убійства происходятъ болѣе ночью, что убійцъ подговариваетъ на злодѣйство Каинъ, для чего послѣдній и является будто-бы на лунѣ.

Обычны взгляды на громъ, какъ на ѣзду Ильи Пророка, высѣкающаго копытами лошадей огонь — молнію; а такъ какъ Илья Пророкъ ѣздитъ въ колесницѣ, а не на саняхъ,то зимою грома не бываетъ; притомъ ему нечѣмъ колеса мазать да и холодно ему, вѣдь онъ сбросилъ съ себя верхнюю одежду Елисею. Если пожаръ случился отъ молніи, то тушить его никакъ нельзя, развѣ только, при началѣ, можно залить коровьимъ молокомъ или же бросить яйцо, полученное отъ священника при христосованіи съ нимъ во время свѣтлой заутрени. Во время грозы не слѣдуетъ становиться подъ дерево или стоять въ толпѣ людей, а то черти, боясь грозы, прячутся за деревья и людей, такъ-что молнія, мѣтясь въ черта, промахнется и можетъ легко убить человѣка. Если гроза застигла тебя въ полѣ, то молитву твори, а шапки не снимай, а то черти залѣзутъ въ шапку, и въ нее тогда легко ударитъ молнія и тебя можетъ убить. Молнія поражаетъ стрѣлою, и эти стрѣлы нѣкоторые находятъ и берегутъ, а для чего – неизвѣстно. Какъ только прогремитъ первый громъ, крестьянки бѣгутъ къ рѣкѣ и умываются, говоря, что громъ освѣжилъ воду, оживилъ ее, и этимъ онѣ будто-бы предохраняютъ себя отъ болѣзней; другія это дѣлаютъ для того, чтобы лицо у нихъ не старѣлось; тоже самое крестьянки дѣлаютъ во время половодья, какъ только тронется ледъ.

Приведу кстати молитву во время грозы и молніи, записанную мною въ Малоархангельскомъ уѣздѣ: „Святъ, Святъ, „Святъ Господь Богъ Саваоѳъ, сѣдяй на облацѣхъ и обладаяй громомъ и молніею, проливаяй дождь на источники водные. Владыко Святый, страшный, грозный Судія! Да бѣжитъ Сатана

отъ мѣста сего, отъ храмины сея и отъ насъ, недостойныхъ рабовъ Твоихъ (имя рекъ) въ пропасть адскую и да не возвратится оттуда, боящеся Имени Твоего Святаго, Отца, Сына и Святаго Духа, аминь".

Если идетъ градовая туча, то нѣкоторые изъ крестьянъ, чтобы избавиться отъ града, поступаютъ такъ: на Страстной недѣлѣ, когда плащаница находится среди храма, берутъ восковую свѣчу, ставятъ ее въ подсвѣчникъ, стоящій возлѣ плащаницы, замѣчаютъ эту свѣчу и просятъ церковнаго сторожа, чтобы онъ ея не бралъ, а подъ плащаницу кладутъ бѣлую салфэтку; затѣмъ въ Великую субботу берутъ замѣченную свѣчу и салфетку, уносятъ домой, и берегутъ; когда же идетъ градовая туча, то зажигаютъ свѣчу предъ иконами, разстилаютъ салфетку тутъ же на особомъ столикѣ и просятъ въ молитвахъ, чтобы Богъ избавилъ поле ихъ отъ градобитія. Увѣряютъ, что, кто такъ дѣлаетъ, тотъ избѣжитъ несчастія.

Если увидишь градовую тучу, то брось связку ключей за окно, и града тоже не будетъ.

Кстати о свѣчѣ. Если женщина мучается во время родовъ, то слѣдуетъ зажечь предъ иконами ту свѣчу, которую она держала при вѣнчаніи.

Когда же ѣдешь вѣнчаться, то опояшься рыболовной сѣтью и тогда поѣзжай себѣ съ Богомъ: никто тебя не испортитъ, колдунъ не подступится. Тогда врагъ испортитъ, если развяжетъ всѣ узолки въ сѣти, что невозможно. Берутъ также горбушку пирога и кладутъ ее подъмышку, тогда женихъ можетъ смѣло ѣхать въ церковь вѣнчаться.—Найди гороховый струкъ съ девятью зернами, и когда свадебный поѣздъ отправляется къ церкви, то положи струкъ въ повозку, гдѣ невѣста, и скажи: „въ струку девять зеренъ, десятая невѣста, а лошадямъ ни съ мѣста". Тогда лошади не тронутся съ мѣста, пока не вынешь стручка изъ повозки.

Изъ болѣе крупныхъ суевѣрій слѣдуетъ отмѣтить отношеніе крестьянъ къ эпидемическимъ болѣзнямъ, напр. холерѣ.

Разскажемъ случай, какъ лѣтомъ 1893 года въ селѣ Богодуховѣ выгонялась холера. Дѣло было такъ: собрались крестьянки, преимущественно вдовы и дѣвки, поздно вечеромъ, впрягли въ соху одну дѣвку, а другая держала за обжи, остальныя же

начали бить и стучать въ косы; одна изъ вдовъ несла впереди образъ св. Власія, и такимъ образомъ началось проведеніе боророзды кругомъ села, причемъ подъ звонъ косъ пѣли:

„Идетъ Власій святой
Со ладаномъ, со книгою, со свѣчей,
А вдовица со горячей кочергой.
А гдѣ это видано,
И гдѣ это слыхано,
Чтобы дѣвки пашню пахали,
А бабы разсѣвали,—
Помилуй насъ, Боже!"

Затѣмъ пѣли еще:

„Смерть, смерть, выйди вонъ
Изъ нашего села,
Изо всякаго двора;
Насъ идетъ девять дѣвокъ, девять бабъ,
Девять маленькихъ ребятъ;
Три солдатки, три вдовы,
Три замужнія жены".

Затѣмъ, по верхамъ, по лощинамъ, встрѣчающимся на пути, а также на перекресткахъ жгли солому и прыгали черезъ нее, при чемъ били кнутомъ и пѣли вышеприведенныя пѣсни. Пѣли они грустно и жалобно; вся картина шествія освѣщалась фонаремъ, привязаннымъ къ высокому шесту, который несла одна изъ дѣвокъ, такъ что картина эта въ темную ночь казалась фантастичною. Обходили село три ночи подъ рядъ, въ послѣднюю же ночь надъ воротами у каждаго двора писали дегтемъ крестъ. Надо замѣтить, что зачинщицею, коноводомъ всего этого была одна 70-лѣтняя старуха-вдова, и въ шествіи участвовало не болѣе 30-ти человѣкъ, каковое число очень не велико въ сравненіи съ общимъ количествомъ населенія, такъ какъ въ Богодуховѣ найдется болѣе тысячи наличныхъ душъ мужского и женскаго пола. Какое же впечатлѣніе произвело это шествіе на остальныхъ, не участвовавшихъ въ немъ? Можно съ увѣренностью сказать, что никакого; всѣ не участвующіе смѣялись надъ этой процессіей и вѣры этому хожденію не давали, что означаетъ, что обычай выгонять болѣзнь такимъ, описаннымъ мною способомъ, устарѣлъ, и ему самому

угрожаетъ смерть. Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, а въ Богодуховѣ это шествіе въ другой разъ врядъ ли повторится, а особенно послѣ того, какъ виновница этого шествія сама заболѣла холерой и чуть не переселилась въ мѣста безпечальныя; но, будучи удержана отъ вѣчной жизни врачемъ и уходомъ сестеръ милосердія, старушка эта стала теперь посмѣшищемъ всего села: всѣ говорятъ, что она загнала холеру въ свой дворъ и поэтому заболѣла.

Особенно важно слѣдующее повѣрье, ведущее къ серьезнымъ послѣдствіямъ. Если у мертвеца отрѣзать кисть руки и съ нею объѣхать три раза кругомъ деревни, то всѣ тотчасъ же уснутъ, и вору тогда удобно воровать; также, если сдѣлать изъ жиру умершаго свѣчу и таковую зажечь, то всѣ будутъ крѣпко спать, а потушить эту свѣчу, то проснутся. Въ подтвержденіе этого повѣрія привожу ходячій разсказъ: „Жилъ былъ старикъ-крестьянинъ; у него было три сына; жилъ мужикъ богато. Разъ пропали у него двѣ любимыя савраски. Долго горевалъ мужичокъ о своихъ лошадкахъ, долго горевалъ, и все онѣ грезились ему во снѣ. Какъ-то разъ старикъ и говоритъ: „прощайте, дѣтушки, пойду искать своихъ лошадокъ,—не даютъ онѣ мнѣ сердечныя покою“. Что жъ дѣлать? Хозяинъ—баринъ; дѣтки ему ни слова; такъ и отправился нашъ старикъ искать своихъ саврасокъ. Проходитъ мѣсяцъ, другой, близко уже къ году, а старикъ все никакъ не найдетъ лошадокъ, и слуху про нихъ нѣтъ какъ нѣтъ. Идетъ онъ какъ-то по чисту полю и видитъ: стоитъ хатка; заходитъ въ нее, снялъ шапку, перекрестился на святой уголъ, смотритъ — сидитъ старушка и прядетъ пряжу; поздоровался старичокъ, оглядѣлся кругомъ, сѣлъ на лавочку, а самъ думаетъ: „дѣло не чисто: изба въ полѣ одна одинешенька, но чтобы старуха жила въ ней тоже одинешенька, безо всякаго дѣла, то это не можетъ быть“. Однако, старикъ сказался воромъ и легъ на печь—отдохнуть. Не успѣлъ старичокъ вздремнуть, вдругъ пріѣзжаетъ трое здоровенныхъ молодцовъ; увидали они гостя и говорятъ: „Ага, баранчикъ есть!— Кто это у тебя старуха“?—„Да изъ вашихъ сказался“, отвѣчаетъ та.—„Ну-ка, слѣзай, дѣдушка“, говорятъ молодцы. Старикъ слѣзъ, поздоровался и разсказалъ, что онъ такой же, какъ и они, но вотъ бѣда: сбился съ дороги и попалъ невѣдомо куда. Долго разговаривалъ старикъ со своими новыми хозяевами и на вопросъ

послѣднихъ, не знаетъ ли онъ въ своей округѣ какого богача, у котораго и деньжонки были бы, да и лошадки хорошія, то онъ, не долго думавши, указалъ на свой дворъ. Обрадовавшись, молодцы поѣли, улеглись, а на утро запрягли пару лошадей и зовутъ съ собой старика прокатиться. Вышелъ онъ, посмотрѣлъ на пару и екнуло у него сердце: лошадки-то его. Дѣлать нечего,— садятся и ѣдутъ въ ту деревню, гдѣ жилъ богачъ, указанный старичкомъ. Подъѣзжаютъ разбойнички, вынимаютъ кисть руки отъ мертвеца, объѣзжаютъ три раза деревню и прямо въ старичковъ дворъ. Привязали лошадокъ, входятъ въ хату—всѣ спятъ. Тогда они зажигаютъ еще свѣчу изъ мертваго человѣческаго жиру и потомъ уже начинаютъ искать деньги, которыя скоро и нашли подъ печкой, а тамъ идутъ и за лошадками на дворъ. Вдругъ старичку словно кто шепнулъ: „погаси свѣчку-то, чего глядишь!“ Старикъ погасилъ, и всѣ проснулись. Не долго думавши, сыновья стариковы подняли шумъ, гвалтъ; прибѣжали сосѣди, посхватали разбойниковъ, отобрали у нихъ деньги. Такъ и нашелъ своихъ лошадокъ нашъ старичокъ“.

Въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье люди, занимающіеся воровствомъ, стараются непремѣнно что-нибудь стянуть, надѣясь, что тогда они будутъ имѣть удачу въ своемъ промыслѣ.

Менѣе важны, а иногда и совсѣмъ безобидны другія суевѣрія, которыхъ наберется немало. Такъ, подъ большіе праздники и въ самые праздники не даютъ ничего сосѣдямъ изъ боязни, что счастье унесешь изъ дому. Также ничего не даютъ, когда корова отелится; если же беременная женщина что-либо попроситъ въ какое угодно время, то надо обязательно дать ей просимое, не то мыши изгрызутъ что-либо.

Когда несутъ на кладбище покойника, то первому встрѣчному даютъ полотенце или платокъ, а зачѣмъ—не знаютъ; говорятъ: „такъ себѣ, старики это дѣлали и намъ заказали“.

Когда ѣдешь за копнами въ поле, то возьми первый попавшійся камень, положи его въ телѣгу и береги; когда же привезешь снопы съ поля и будешь закладывать одонокъ, то этотъ камень положи подъ низъ, тогда мышей не будетъ въ одонкѣ. А можно дѣлать и такъ: когда пріѣдешь въ поле, то прежде, чѣмъ накладывать снопы на телѣгу, спроси у товарища до трехъ разъ: „во что было Благовѣщеніе?“ Тотъ отвѣтитъ, и тогда первый снопъ

брось наотмашь въ телѣгу, послѣ чего смѣло клади одонокъ: хоть три года онъ стой, а мышей не будетъ.

Если заблудишься, то надѣнь крестъ на спину, стряхни одежду, полы заворoти назадъ за поясъ, дугу перепряги назадъ кольцомъ.

На распутьяхъ, гдѣ сходятся или перекрещиваются дороги, народъ останавливается и обязательно крестится изъ какого-то суевѣрнаго страха, въ видѣ предосторожности и охраны себя отъ дурного.

Какъ отыскать утопленника? Надо зажечь свѣчу, поставить ее въ деревянную чашку и пустить по водѣ: гдѣ чашка остановится, тамъ надо искать утопленника.

Когда летятъ дикіе гуси, то бери скорѣе пукъ соломы и клади его въ плетухи, гдѣ сидятъ на яйцахъ домашнія гуси, и выводъ тогда будетъ удачный.

Воронъ каркаетъ—къ несчастью; собака воетъ—къ пожару, а сычъ гдѣ кричитъ, то въ этомъ домѣ будетъ скоро или мертвецъ, или новорожденный.

Увидишь молодой мѣсяцъ, то скинь шапку, прочти три раза „Отче нашъ", и зубы у тебя не будутъ болѣть. Старайся увидать новый мѣсяцъ правой стороной, тогда цѣлый мѣсяцъ будетъ во всемъ удача.

Если собираешься въ дорогу и пойдетъ дождь, то дорога будетъ благополучна.

Встрѣтится кто съ порожнимъ или на лысой лошади, лучше вернись: проку будетъ мало.

Ѣдешь и вьется надъ тобой орелъ, то это къ счастью, а если воронъ, то плохо будетъ.

Птичку ласточку народъ любитъ и гнѣздъ не разоряетъ, называя ее ласково касаточкой, между тѣмъ какъ гнѣзда другихъ птицъ подвергаются сплошному разоренію.

Воробей влетитъ въ домъ—это предвѣщаетъ перемѣну мѣстожительства.

Пѣтухи поютъ раньше полуночи—веселая ночь.

Курица кричитъ пѣтухомъ—къ несчастью.

Говорятъ, что не хорошо водить голубей-хохлачей у кого есть дѣти, не то послѣднія плохо будутъ учиться.

Не только на яву, но и во снѣ видѣть иныя вещи нехорошо. Такъ, народъ вѣритъ, что, если видишь во снѣ коровъ, то это къ свиданію съ родными [1]); если же лошадей, то услышишь про себя ложь; собакъ видѣть—это къ друзьямъ.

Полы во снѣ мыть—къ перемѣнѣ житья, мѣстожительства.

Кусокъ полотна развертывать—къ дорогѣ.

Видѣть выпавшій у себя зубъ съ кровью—къ смерти родственника, а безъ крови—къ смерти просто знакомаго человѣка.

Птицъ видѣть во снѣ—къ счастью.

„Осина дерево нехорошее", говоритъ народъ: „на ней удавился Іуда, оттого она и трепещетъ листочками". По мнѣнію народа, Іуда-предатель былъ рыжій, потому и святые рыжими не пишутся. „Рыжихъ, да красныхъ во святыхъ не бываетъ", говоритъ народъ.

О происхожденіи картофеля въ народѣ разсказываютъ, что по смерти Ирода изъ него выпали внутренности, изъ которыхъ и произошелъ картофель.

Нѣчто подобное разсказывается и про табакъ. Къ одному острову прибило волной трупъ женщины-блудницы; изъ желудка ея выросла трава, которую стали курить и нюхать.

Въ селѣ Богодуховѣ и смежныхъ селеніяхъ не говорятъ: „иду домой", а „иду ко двору". Домой—это значитъ на погостъ, объясняетъ народъ.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что вѣра въ сверхъестественное все болѣе ослабѣваетъ въ народѣ. Про несбыточность многихъ старинныхъ вѣрованій народъ говоритъ, что теперь не тѣ времена, что люди хитрѣе черта стали, а чертушка теперь недвижимъ въ грустяхъ сидитъ. Другія вещи народъ объясняетъ совершенно реально, напр., про сновидѣнія, привидѣнія нерѣдко говорятъ, что это „такъ себѣ, кровища играетъ".

А. И. Ивановъ.

---

[1]) Срв. пѣсенку Череповец. у. Новгор. губ.:

„Мнѣ вчераича приснилась голова коровья:
Придетъ милый изъ солдатъ по слабости здоровья".

Ред.

Малороссійское жилище.

I.

Села и деревни Малороссіи ютятся обыкновенно вблизи рѣкъ, занимая мѣста, непригодныя для обработки въ пахатныя поля, либо песчаныя, либо изрѣзанныя глубокими оврагами; въ степныхъ же пространствахъ, съ гладкою или немного волнистою поверхностью, поселки располагаются въ видѣ хуторовъ въ нѣсколько избъ; въ этихъ мѣстностяхъ рѣдко можно встрѣтить большое село, да и то почти всегда въ мѣстахъ низовыхъ, при ставахъ (озерахъ). Если село расположено на ровной мѣстности, то верстъ за десять виднѣются группы деревьевъ, среди которыхъ потомъ показываются соломенныя крыши хатъ.

Село состоитъ изъ единственной улицы, по сторонамъ которой тянутся плетни; на эту улицу часто выходятъ узкіе кривые переулки, оканчивающіеся дворомъ или выходящіе на выгонъ или въ поле. Существованіе этихъ переулковъ объясняется именно наличностью только одной улицы въ селѣ: усадьбы, расположенныя за усадьбами, примыкающими непосредственно къ улицѣ, сообщаются съ этой послѣдней переулкомъ, проходящимъ на границѣ дворовъ двухъ сосѣдей. Переулки, оканчивающіеся выгономъ или полемъ, существуютъ для сокращенія дороги.

Жилыя постройки располагаются внутри двора, на улицу выступаютъ только служебныя; изба окнами на улицу встрѣчается рѣдко, да и то не на линіи плетня, а нѣсколько отступя отъ него. Въ селѣ, расположенномъ на „ярáхъ“ (оврагахъ), часто встрѣчающихся вдоль правыхъ береговъ Сулы, Псела, Ворсклы и ихъ притоковъ, „грунты“ (усадьбы) разбросаны по склонамъ овраговъ, на долю же улицы приходится обыкновенно лощина между оврагами; проѣздъ по такой улицѣ крайне неудобенъ весною и осенью.

Какова-бы ни была мѣстность, расположеніе построекъ въ предѣлахъ „грунта“ отличается чрезвычайной скученностью; холодныя постройки двора нерѣдко строятся вплотную другъ къ другу. Болѣе поодаль „ставится“ хата (на разстояніи 3 — 6 аршинъ) и клуня (на растояніи 10 — 30 саженъ); разстояніе между тѣми и другими обусловливается размѣрами усадьбы.

Сосѣдъ отъ сосѣда отгораживается плетнемъ, но постройки обоихъ сосѣдей приходятся вплотную одна къ другой; такой способъ стройки мотивируется двумя соображеніями хозяевъ: во-первыхъ, чтобы дворъ съ его постройками занималъ возможно меньше мѣста, — больше останется для огорода; во-вторыхъ, скученность построекъ сосѣдей, а слѣдовательно и всего села удерживаетъ отъ мести „краснымъ пѣтухомъ".

Насколько я могъ замѣтить, типы употребляющихся въ хозяйственномъ обиходѣ построекъ прочно установились и по внѣшнему виду и по цѣлямъ, для которыхъ онѣ служатъ; но присутствіе той или другой изъ нихъ въ составѣ хозяйства зависитъ отъ степени благосостоянія хозяина. Не будетъ ошибкой сказать, что количество построекъ, да еще размѣры усадьбы—это единственное, что отличаетъ богатаго хозяина отъ бѣдняка; внутренность избы, ея размѣры, ея обстановка одинаковы у тѣхъ и другихъ: она ограничивается только необходимымъ.

По количеству построекъ, т.-е. по степени благосостоянія хозяина, усадьбы можно раздѣлить на три категоріи:

Къ первой категоріи относятся усадьбы, въ которыхъ хата да „хливéць" (плетеный сарайчикъ) на полудесятинѣ всего грунта удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ хозяйства. Хата въ такой усадьбѣ состоитъ собственно изъ хаты и сѣней. Въ мѣстахъ, изобилующихъ лѣсомъ, она строится изъ дерева; въ другихъ, за дороговизной матеріала, стѣны плетутся изъ вербы и обмазываются глиной съ навозомъ или же возводятся изъ глины. (О „глинобитныхъ" хатахъ я скажу ниже).

Только крайняя бѣдность владѣльца заставляетъ его отказаться отъ мѣста для склада хозяйственныхъ принадлежностей; при малѣйшей возможности онъ строитъ себѣ т. н. „хи́жу", крошечное помѣщеніе, крытое одной крышей съ хатой и сѣнями, помѣщающееся по другую сторону сѣней и имѣющее плетеныя, вымазаныя глиной стѣны. Рисунокъ первый изображаетъ такую хату. Лѣвая сторона, ближе къ зрителямъ—жилое помѣщеніе; далѣе слѣдуютъ сѣни съ наружной дверью, а еще дальше — хижа. Очень часто можно встрѣтить хату безъ сѣней, съ выходомъ непосредственно во дворъ; такая постройка есть явленіе временное, объясняющееся недостаткомъ средствъ построить одновременно хату и сѣни. Какъ временная постройка, она имѣетъ съ одной стороны недоконченную крышу, которая продолжится при предполагаемой постройкѣ сѣней и хижи (коморы); эта хата изображена на рисункѣ третьемъ. Недостающій четвертый скатъ крыши забивается иногда на-скоро досками.

Ко второй категоріи относятся усадьбы, въ которыхъ къ хатѣ, по другую сторону сѣней, пристраивается „комбра", составляющая съ хатой одно цѣлое, крытая одной крышей и построенная изъ бревенъ такъ же, какъ хата и сѣни. Отъ хаты по своему внѣш-

Рис. 1. Хата съ сѣнями и хижею.

нему виду она отличается, во-первыхъ, отсутствіемъ оконъ, во-вторыхъ, досчатымъ поломъ, котораго въ хатѣ нѣтъ, въ 3-хъ тѣмъ, что бревна коморы кладутся не прямо на землю, а устанавливаются на „торчахъ“, бревенчатыхъ подставкахъ, врытыхъ въ землю и поэтому почти незамѣтныхъ снаружи; наконецъ, въ 4-хъ—стѣны коморы, въ противоположность стѣнамъ хаты, не обмазываются снаружи глиной и не бѣлятся мѣломъ.

Назначеніе коморы—складъ хозяйственныхъ принадлежностей, необходимыхъ подъ рукой во всякое время. Въ коморѣ стоятъ скрыни—высокіе сундуки на колесахъ, наполненные холстами, принадлежностями одежды будничной и праздничной. Если въ домѣ невѣста, то она имѣетъ тамъ свою скрыню, въ которую она складываетъ приданое, накопляемое во время своей дѣвичьей жизни: холсты, плахты, запаски (фартухи), ленты, намыста (ожерелья). Въ коморѣ находится жердь для вѣшанья верхняго платья (свитокъ), всевозможный хозяйственный хламъ, въ родѣ пустыхъ боченковъ, ломанныхъ скамеекъ, орудія и инструменты—косы, серпы, грабли, топоры, пилы и пр. Если у хозяина есть пасѣки, то въ коморѣ помѣщаются еще „липовки“ съ медомъ. (Липовка—липовый цилиндрическій, выдолбленный внутри сосудъ); „медянки“—ульи съ медомъ отъ выгнанныхъ пчелъ, „вощанки“—ульи съ начатой пчелами кладкой воска. На рисункѣ второмъ изображена хата съ коморой. Для освѣщенія коморы вырубается маленькое оконце, поближе къ крышѣ, обыкновенно въ формѣ креста, состоящаго изъ 4-хъ треугольниковъ вершинами другъ къ другу, основаніями врозь. Кромѣ коморы въ усадьбахъ второго вида имѣется еще „хливъ“ для свиней, отдѣльная часть его для лошади и коровы (если таковая имѣется), „погребникъ“ и „клуня“.

„Хливъ“—четыреугольный плетеный сарай, крытый соломенной крышей. Очень часто, для тепла, необходимаго скоту въ сильные морозы, хливъ обмазывается глиной съ новозомъ. Размѣры хлива зависятъ отъ количества лошадей и свиней, отъ присутствія или отсутствія коровы. Форма хлива продолговатая. „Погребникъ“—квадратная плетеная постройка, съ конусообразной соломенной крышей. Эта постройка есть собственно крышка для погреба—четыреугольной ямы до 4-хъ аршинъ глубины, на дно которой ведетъ „драбына“—лѣстница изъ 2-хъ жердей, соединенныхъ поперечными прутьями—„щаблями“. Назначеніе погребника ясно: онъ служитъ для сохраненія продуктовъ отъ разложенія во время жары. Разрѣзъ погребника изображенъ на чертежѣ 1-мъ, фиг. I: вырывается въ землѣ яма (a) на 4 аршина въ глубину и отъ 4 до 6 аршинъ въ длину и ширину; обставляется по сторонамъ бревнами; надъ ямой, по срединѣ, кладется дубовая балка, и затѣмъ яму закрываютъ досками, оставивъ дыру для прохода внутрь. Надъ досками, закрывающими яму, выстраиваютъ погребникъ (b), имѣющій 2 аршина съ лишкомъ вышины. Кромѣ описаннаго

встрѣчаются и двускатные погребники въ родѣ изображеннаго на чертежѣ 1-мъ, фиг. II.

„Клуня"—постройка для складыванія сноповъ, привезенныхъ съ поля, и для обмолачиванія хлѣба. Строится клуня слѣдующимъ образомъ: дубовый стержень, вышиною отъ 10 до 12 аршинъ съ вилообразнымъ развѣтвленіемъ, служитъ „сохой"—это столбы, составляющіе опору всей клуни. По количеству сохъ клуни бываютъ „четырехсошныя", „шестисошныя", „двѣнадцатисошныя". Обыкновенная клуня — четырехсошная; весьма рѣдко, у зажиточныхъ крестьянъ, встрѣчаются шести-сошныя клуни; двѣнадцати-сошныя бываютъ только у помѣщиковъ при 1000 и болѣе десятинъ земли. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду имѣть въ виду четырехсошную клуню. Установивъ четыре сохи на разстояніи 10—12 арш. одна отъ другой, приступаютъ къ постановкѣ „присоховъ"—нѣсколько болѣе тонкихъ столбовъ, имѣющихъ до 4-хъ аршинъ высоты. Эти столбы составляютъ остовъ стѣны, тогда какъ сохи находятся внутри клуни. Расположеніе сохъ и присоховъ показано на чертежѣ 1, фиг. III. Установивъ сохи и присохи, плетутъ стѣну изъ лозы или мелкаго орѣшника; присохи соединяютъ жердями, образующими какъ бы карнизъ; на этихъ жердяхъ и на сохахъ возводятся „кроквы", имѣющія три точки опоры: жердь, лежащую на присохахъ, соху и точку пересѣченія двухъ встрѣчныхъ кроквъ, образующихъ ребра крыши.

Фигура IV на чертежѣ 1 изображаетъ клуню въ сѣченіи: a, a—сохи; b, b—присохи; c, c—кроквы; d, d—латы; e, e—жерди въ сѣченіи. Латы, какъ видно изъ чертежа,—это жерди, идущія параллельно другъ другу, отъ одной кроквы къ другой; на латахъ стелется солома. Въ клунѣ съ противуположныхъ сторонъ дѣлаютъ ворота изъ досокъ, укрѣпленныя на обвязкахъ, замѣняющихъ завѣски. Высота ихъ доходитъ до 4-хъ аршинъ, ширина отъ $3^1/_2$ до 4-хъ. Ворота въ клунѣ всегда сквозныя для тяги воздуха, что необходимо при „вѣяніи" зерна. Крыша въ клунѣ о 4-хъ сохахъ сводится обыкновенно къ одному углу на вершинѣ, слѣдовательно, имѣетъ видъ 4-хъ-гранной пирамиды. Рисунокъ четвертый изображаетъ внѣшній видъ четырехсошной клуни.

По срединѣ клуни устраивается „тикъ"—площадь, на которой молотятъ зерно. Приготовляется эта площадь слѣдующимъ образомъ: землю вскапываютъ на глубину болѣе $^1/_2$ арш., если земля не глинистая, то прибавляютъ глину и свѣжій навозъ; поливаютъ землю обильно водой и мѣсятъ этотъ составъ очень долго; для этой процедуры употребляютъ въ дѣло нѣсколько лошадей. Когда земля съ глиной и навозомъ хорошо вымѣшана—сглаживаютъ поверхность, а когда масса пріобрѣтетъ густоту—убиваютъ деревянными „дóвбнями". При совершенномъ высыханіи токъ дѣлается твердымъ какъ камень.

Пространство въ клунѣ, по обѣ стороны тока, называется

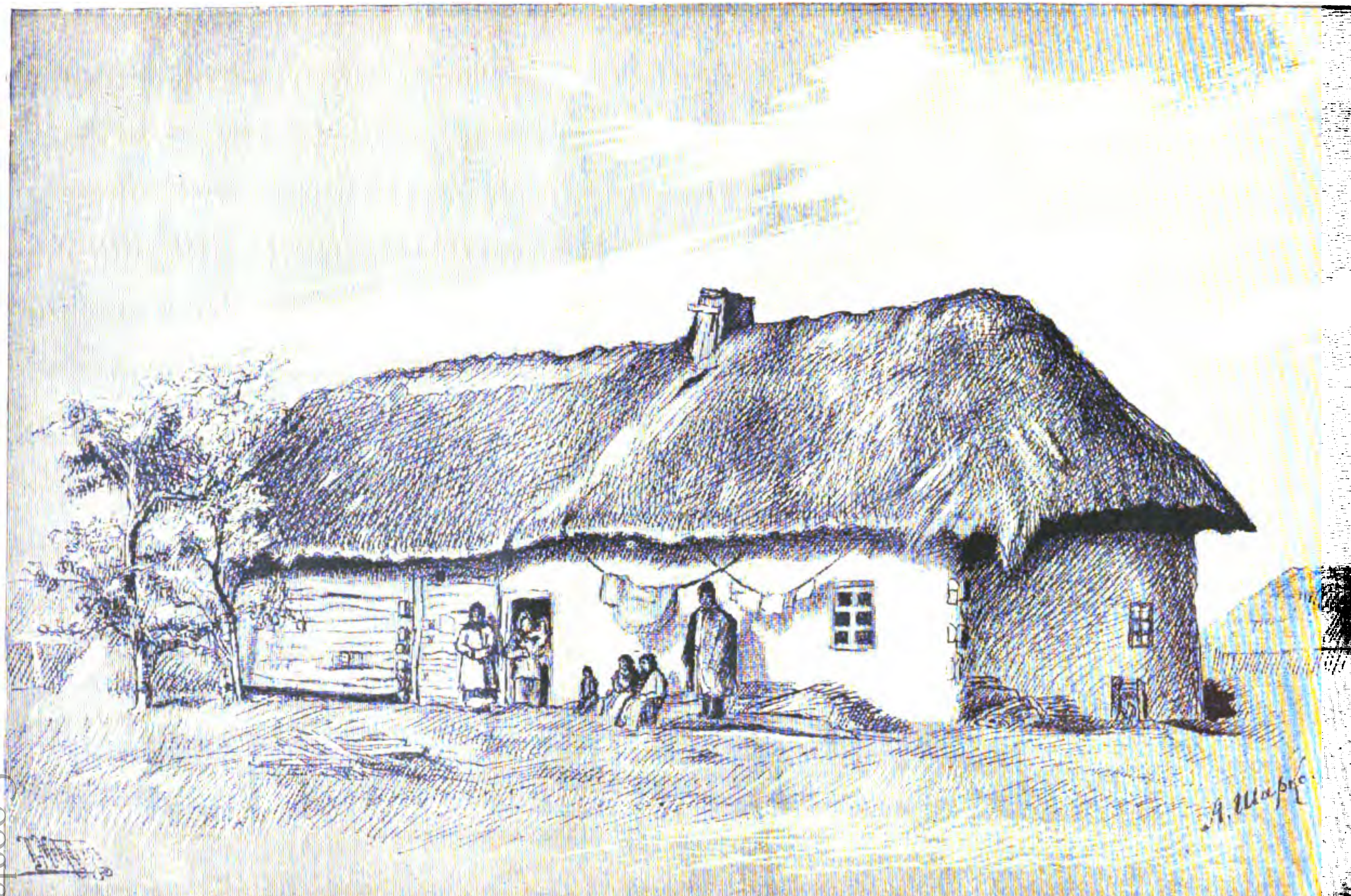

Рис. 2. Хата съ сѣнями и комо́рою.

„застронками" и служитъ для склада сноповъ, привезенныхъ съ поля. Если хлѣба настолько много, что онъ не помѣщается въ клунѣ, то его временно складываютъ въ стоги у самой клуни. Выбрасываемую послѣ молотьбы солому складываютъ внѣ клуни въ кучи (очерéды). Употребляютъ эту солому для корма скота, для постилки скоту, для топлива. Ржаную солому связываютъ въ кули; она идетъ, кромѣ перечисленныхъ нуждъ, еще на кровлю крышъ.

Къ третьей категоріи относятся усадьбы зажиточныхъ крестьянъ. Въ такихъ усадьбахъ, кромѣ описанныхъ построекъ, встрѣчаются: отдѣльная хата для челядиновъ, отдѣльная комора—особнякъ для ссыпки зернового хлѣба, хлѣвъ для свиней, конюшня для лошадей, „ольшáнникъ", „сажъ" для выкормки свиней и „лёхъ".

„Ольшанникъ"—небольшой деревянный срубъ, обнесенный плетеной стѣной; существуетъ для склада ульевъ на зиму.

„Сажъ"—деревянный срубъ, поставленный на дубовыхъ пняхъ или на сваяхъ, составляющихъ въ то-же время ребра стѣны. Строится онъ слѣдующимъ образомъ: на высотѣ $^1/_2$ аршина отъ земли кладутъ бревенчатый помостъ, на которомъ возводятъ срубъ въ два вѣнца; дальнѣйшая постановка вѣнцовъ сруба идетъ уже не съ четырехъ, а съ трехъ сторонъ—четвертая сторона открыта для засыпки корма свиньямъ. На полъ-аршина выше идетъ снова четырехсторонній срубъ, но вѣнцы этого сруба не совпадаютъ съ его основаніемъ, т. к. четвертая сторона вѣнца кладется въ видѣ уступа; другими словами, вѣнцы верхняго сруба съ одной стороны короче вѣнцовъ нижняго. Въ промежуткѣ, открытомъ для засыпанія корма, придѣлывается крышка изъ доски на подпоркѣ, а другая доска, поставленная вертикально на полу сажа, закрываетъ для свиней выходъ наружу и составляетъ въ то-же время стѣнку корыта. Въ этой доскѣ сдѣланы круглыя дыры, для того чтобы свинья могла просунуть голову въ корыто.

Рис. 5, I изображаетъ внѣшній видъ сажа, а черт. I, фиг. V—его разрѣзъ: a—корыто; b—доска съ дырами; c—крышка. Со стороны, противоположной корыту, дѣлаютъ двери для „закидыванія" свиней въ сажъ. Размѣры сажа: длина и ширина 3 аршина, высота (отъ пола) 3 съ лишнимъ (не считая крыши). Сажъ существуетъ для выкормки свиней на убой. Свинью, предназначенную для этой цѣли, „закидываютъ" въ сажъ, кормятъ особымъ кормомъ; благодаря небольшимъ размѣрамъ сажа, она двигается мало и становится очень жирной.

„Лёхъ"—постройка для сохраненія продуктовъ зимой отъ замерзанія. По внѣшнему виду она представляетъ собою тотъ же двускатный погребникъ, по внутреннему устройству отличается отъ него тѣмъ, что яма вырывается въ видѣ узкаго прохода вглубь, который потомъ заворачиваетъ на сторону и, расширяясь тамъ до предѣловъ погреба, даетъ относительно теплое помѣщеніе, имѣющее

земляной потолокъ. Проходъ въ это помѣщеніе по возможности узокъ, направленіе его наклонное; на нижней его части дѣлаются земляные уступы для болѣе удобнаго входа внутрь. Фигура I на чертежѣ второмъ изображаетъ разрѣзъ лёха: a—постройка надъ лёхомъ; b—проходъ внутрь; c—сводчатое отверстіе, входъ въ подземное помѣщеніе; d—отдушникъ. Толщина земляного слоя отъ поверхности земли до потолка внутренняго помѣщенія не менѣе одного аршина. Сооруженіе лёха возможно только въ глинистой почвѣ. Тамъ, гдѣ село расположено по ярамъ и оврагамъ (т. е. гдѣ устройство леха представляется болѣе удобнымъ, чѣмъ устройство погреба),—лёхи замѣняютъ погреба; на значительныхъ крутизнахъ, гдѣ лехъ, сдѣланный на склонѣ, можетъ быть совершенно сухимъ, въ лёхахъ укладываютъ на зиму ульи съ пчелами: равномѣрная температура и отсутствіе сырости прекрасно сохраняютъ пчелъ зимою.

Въ заключеніе обзора крестьянскихъ усадьбъ мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о плетняхъ, огораживающихъ усадьбы, и планѣ этихъ послѣднихъ.

Плетень (изгородь) бываетъ двухъ родовъ: крытый и некрытый. Некрытый плетень представляетъ изъ себя рядъ кольевъ, воткнутыхъ въ землю на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и переплетенныхъ ивовыми прутьями. Некрытый плетень изображенъ на рис. I, съ правой стороны хаты. Устройство крытаго плетня нѣсколько сложнѣе. Кромѣ кольевъ ставятся въ такомъ плетнѣ еще развѣтвленные вверху стержни на одной линіи съ кольями. Когда плетень готовъ, то въ верхній его край втыкаютъ палки, торчащія по одну и другую сторону плетня въ наклонномъ положеніи и образующія вмѣстѣ съ развѣтвленіями стержней жолобъ. Обѣ стороны этого жолоба опять-таки заплетаются ивовыми прутьями. Въ жолобъ кладется солома, составляющая крышу плетня; она называется „остришекъ". Крытый плетень, какъ болѣе дорогой, является достояніемъ болѣе богатыхъ усадьбъ и ставится обыкновенно со стороны улицы, вмѣстѣ съ воротами и калиткой.

Калитка (фортка) дѣлается изъ досокъ и ставится иногда рядомъ съ воротами, иногда особо. Калитка почти всегда снабжена „перелазомъ", загораживающимъ выходъ со двора своему мелкому скоту (преимущественно свиньямъ) и входъ во дворъ чужому. Перелазъ—это досчатая перегородка высотою въ аршинъ, имѣющая по обѣ стороны подставки для болѣе удобнаго перелѣзанія (Чертежъ 2, фиг. II).

Ворота представляютъ собою четырехугольную продолговатую раму, боковыя стороны которой дѣлаются изъ круглыхъ бревенъ, а верхняя и нижняя изъ тонкихъ досокъ (шелевокъ); параллельно верхней и нижней сторонѣ идутъ такія же доски, но не вплотную другъ къ другу, а въ видѣ рѣшетки; для прочности, эти параллельныя доски скрѣпляются двумя другими, идущими наклонно,

Рис. 3. Хата безъ сѣней и коморы.

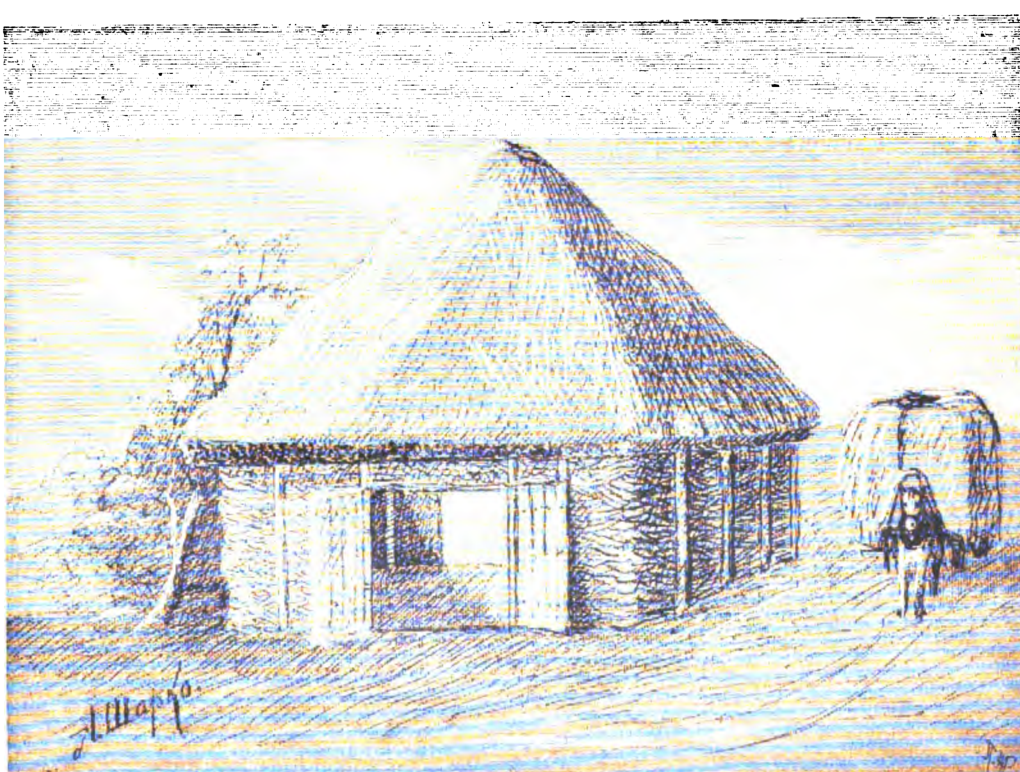

Рис. 4. Внѣшній видъ клуни.

пересѣкающимися вверху и составляющими съ нижней стороной рамы треугольника. Вмѣсто желѣзныхъ завѣсокъ употребляются, какъ и въ клунѣ, обвязки, сплетенныя изъ свѣжей ивовой коры толстымъ жгутомъ. На этихъ завѣскахъ подвижно укрѣпляются ворота съ одной изъ боковыхъ сторонъ. Ворота, калитка и крытый плетень изображены на рисункѣ 5-мъ, X.

Всякая усадьба разбивается обыкновенно на двѣ части: на дворъ и огородъ; дворъ отъ огорода отдѣляется плетнемъ. Противъ воротъ, на границѣ, отдѣляющей дворъ отъ огорода, ставится хата; за хатой устраивается т. н. задворокъ, нѣчто въ родѣ чернаго двора; задворокъ стоитъ такимъ образомъ на территоріи огорода. Во дворѣ располагаются всѣ вышеперечисленныя постройки. Мнѣ не удалось найти какой-нибудь правильности въ распредѣленіи служебныхъ построекъ. Даже хата не всегда ставится среди усадьбы. Одно, что можно сказать—это то, что хата никогда не выходитъ окнами непосредственно на улицу; если она и стоитъ сбоку, то всегда отступя отъ плетня аршина на $1^1/_2$,-2. Какъ я уже сказалъ выше, постройки во дворѣ стоятъ очень близко одна отъ другой ради экономіи мѣста, предназначеннаго для огорода. Такимъ образомъ, само собой разумѣется, что огородъ занимаетъ большую часть усадьбы. Съ трехъ сторонъ граница огорода обозначается плетнемъ, съ четвертой, задней стороны плетень часто замѣняется рвомъ съ посадкой вербъ.

Близость воды есть необходимое условіе поселенія. Выше я имѣлъ случай замѣтить, что села и деревни располагаются если не близъ рѣкъ и озеръ, то на низовыхъ мѣстахъ, т. е. такихъ, гдѣ вода не глубоко подъ землей или гдѣ есть естественные бассейны (ставы), высыхающіе только въ засуху. Для удобства, даже въ прирѣчныхъ селахъ, роютъ колодцы въ усадьбѣ (обыкновенно близъ огорода). Не всякій дворъ имѣетъ свой колодезь, но однимъ колодцемъ пользуются обязательно не болѣе 10 дворовъ. Устраивается онъ въ видѣ полутора-аршинной квадратной ямы, обложенной внутри досками. Снаружи онъ имѣетъ видъ четыреугольнаго ящика безъ верхней крышки. Мнѣ приходилось видѣть колодезь изъ поставленныхъ одна на другую бочекъ съ выбитымъ дномъ; одна изъ нихъ стоитъ наружу, замѣняя деревянный квадратный ящикъ. Для подъема воды въ ведрѣ, устраивается т. н. „журавéль". Журавель—это высокій дубовый столбъ, развѣтвленный на верху и имѣющій на верху-же, подвижно-укрѣпленное по срединѣ длинное бревно, съ одной стороны котораго прикрѣпляется тонкая жердь съ крючкомъ. Перекладина съ жердью укрѣплена на столбѣ такъ, что противоположный жерди конецъ ея опущенъ книзу; но при небольшомъ усиліи руки, тянущей за жердь, онъ подымается, а жердь съ крючкомъ и ведромъ на него нацѣпленнымъ опускается внизъ, въ колодезь. Подъемъ наполненнаго водой ведра совершается почти безъ усилій со стороны достающаго воду.

II.

Теперь я перехожу къ описанію внутренняго устройства хатъ.

Чертежъ третій изображаетъ планъ хаты, сѣней и коморы. Изъ этого плана видно, что сѣни стоятъ посрединѣ, хата и комора по бокамъ. О коморѣ я уже говорилъ въ свое время; теперь прибавлю только, что отсутствіе коморы не играетъ никакой роли въ обстановкѣ хаты; только развѣ нѣкоторыя вещи, въ родѣ инструментовъ, запасной верхней одежи, скрынь, размѣщаются за ея отсутствіемъ въ сѣняхъ или въ хатѣ; но такъ какъ отсутствіе коморы и хижи есть признакъ бѣдности, то и скрыни и одежа запасная или отсутствуютъ совсѣмъ, или существуютъ въ очень скромномъ размѣрѣ.

Сѣни вмѣщаются въ одномъ срубѣ съ хатой и коморой и по размѣрамъ почти совпадаютъ съ послѣдней; обыкновенно они дѣлаются нѣсколько уже коморы. Потолка сѣни не имѣютъ; они покрываются только общей съ коморой и хатой крышей. По обѣ стороны сѣней открываются „горá хатняя“ и „горá коморняя“ (чердакъ надъ коморой, чердакъ надъ хатой); ни тотъ, ни другой ничѣмъ не закрытъ со стороны сѣней и зіяетъ двумя черными дырами.

Непремѣнной обстановкой сѣней является „верхъ“, труба плетеная, стоящая у стѣны, примыкающей къ хатѣ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ хатѣ стоитъ печь.

Устройство трубы слѣдующее: на высотѣ $2^1/_2$ аршинъ дѣлается въ стѣнѣ отверстіе, сообщающее сѣни съ печной топкой. По бокамъ отверстія устанавливаются два деревянные бруска, имѣющіе 3×3 вершка толщины и 8—9 аршинъ вышины. Такіе же брусья ставятся отступя отъ стѣны на $^3/_4$ аршина; на высотѣ 2-хъ аршинъ эти четыре бруска соединяются между собой скрѣпами и заплетаются прутьями. Дымъ, слѣдовательно, идетъ изъ печи въ дыру, изъ дыры въ трубу вверхъ и наружу. Труба вымазывается внутри и снаружи глиной. Размѣры ея у основанія $^3/_4 \times ^3/_4$ аршина, вверху нѣсколько меньше, т. к. труба суживается. Внѣшній видъ трубы изображенъ на рис. 5, VIII, топка печи и труба въ разрѣзѣ на чертежѣ 2, фиг. III.

Дыра, въ случаѣ надобности, затыкается грубыми тряпками.

Заплетается труба начиная съ 2-хъ аршинъ высоты для того, чтобы можно было войти подъ трубу или для закрытія дыры, или для чистки „верха“; на полу, въ пространствѣ между 4-мя брусьями трубы ставится ящикъ съ глиной, на случай надобности замазать что-нибудь въ печи.

Кромѣ трубы въ сѣняхъ помѣщается еще „стýпа“ съ „товкачéмъ“ и „жóрна“. „Ступа“—это пень толстаго дерева, выдолбленный въ видѣ воронки; на станкѣ изъ двухъ перекладинъ кладется

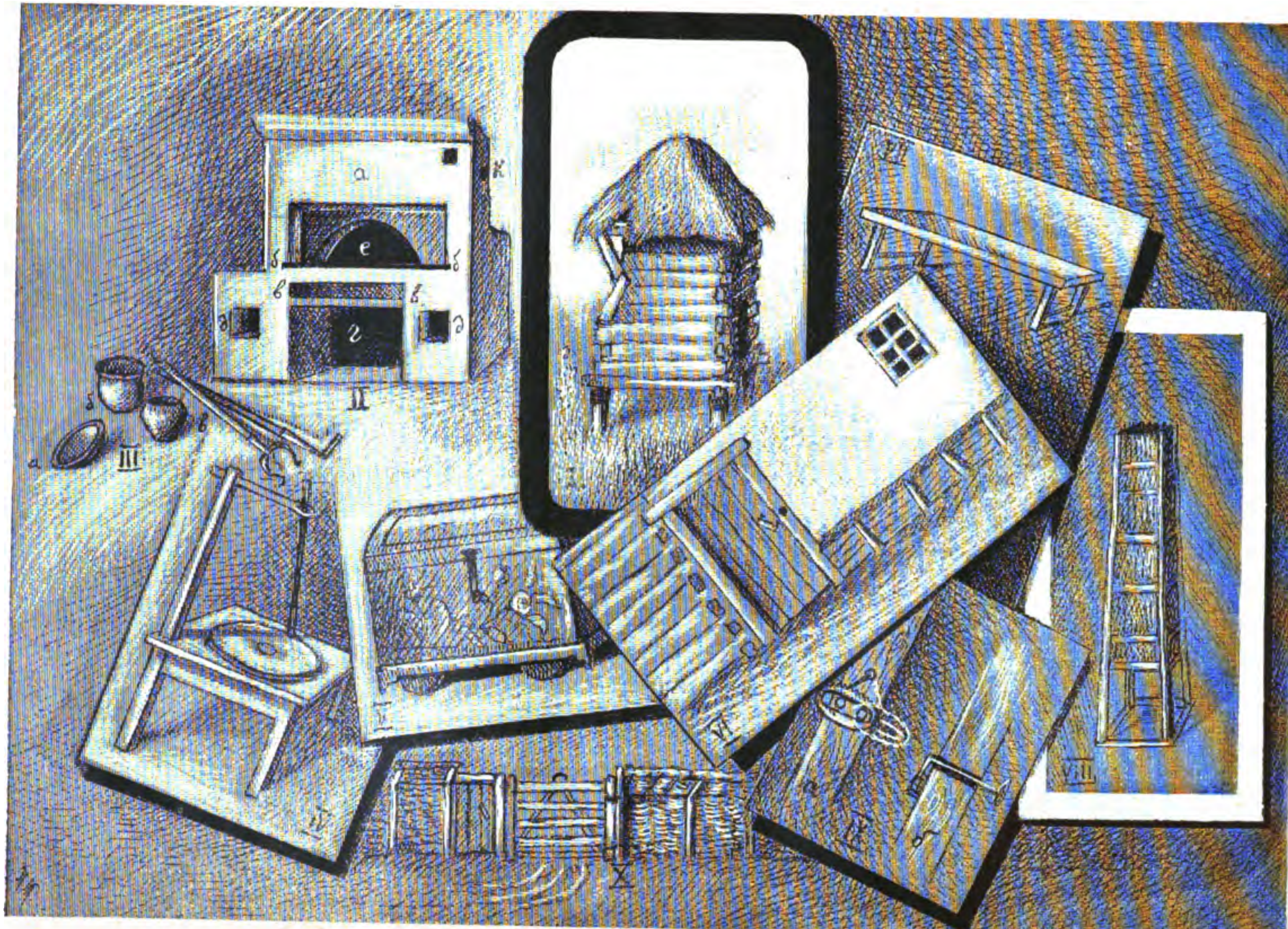

Рис. 5. I—X.

тут-же „товкачъ“; товкачемъ толкутъ въ ступѣ сало или что-нибудь другое, играющее роль въ приготовленіи пищи.

„Жорна“—это деревянный столъ съ круглымъ на немъ камнемъ и ручкой для вращательнаго движенія камня; употребляется для шелушенья гречихи („крупы драть“). „Жорна“ изображены на рис. 5, IV, мѣсто ихъ см. на планѣ чертежъ 3, g.

Сѣни имѣютъ двѣ наружныхъ двери, за немногими исключеніями (въ хатѣ победнѣе встрѣчается одна дверь): одна во дворъ, другая въ задворокъ.

„Горá“ (чердакъ), насколько я могъ замѣтить, имѣетъ только одно назначеніе: сушку капустныхъ листьевъ, собранныхъ въ пачки и подвѣшанныхъ къ „латамъ“ крыши. Эти листы употребляются на подстилку подъ хлѣбъ, сажаемый въ печь на круглой лопатѣ. Бѣлье сушится во дворѣ, на веревкахъ.

Малороссійская хата, размѣрами отъ 6 до 8 аршинъ въ ширину и отъ 7 до 8 и 9 аршинъ въ длину, служитъ помѣщеніемъ для всей семьи; зимою, впрочемъ, для ягнятъ и телятъ, если нѣтъ другой хаты, для челяди.

Главное мѣсто въ хатѣ занимаетъ печь; строится она такъ: въ одномъ изъ угловъ сѣнной стѣны, на четырехъ деревянныхъ столбахъ дѣлаютъ перекладины на высотѣ аршина отъ земли; на перекладины укладываютъ бревна; затѣмъ, замѣсивъ густо глину съ рубленой соломой, настилаютъ ее на бревна; когда образуется слой глины до полуаршина толщины, кладутъ еще одинъ слой, изъ чистой глины, этотъ послѣдній составляетъ нижнюю площадь печи; онъ называется „черинь“. Пространство подъ бревнами, ограниченное съ обѣихъ сторонъ глиняной массой и имѣющее до аршина ширины, называется „подпичьемъ“ (Рис. 5, II, г.) По обѣимъ сторонамъ подпичья выдѣлываются печурки—d, d.

Дальнѣйшая постройка печи идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: надъ пространствомъ, предназначеннымъ для „черина“, укрѣпляютъ деревянные обручи на разстояніи 4—6 вершковъ одинъ отъ другого во всю длину свода печи ($1^1/_2$—2 арш.), поверхъ обручей кладутъ пучки пакли, а по ней укладываютъ комки густой глины,—образуется сводъ печи; по обѣ стороны свода и позади его набиваютъ глину, а съ передней стороны, поставивъ небольшія деревянныя стойки, выдѣлываютъ изъ глины „кóменъ“—а, который возвышается надъ сводомъ печи болѣе чѣмъ на аршинъ. „Коменъ“, „черинь“ и глина, образующая сводъ печи, ограничиваютъ съ трехъ сторонъ пространство, называемое „припечокъ“—б; такимъ образомъ сводчатое отверстіе е, составляющее собственно печь, куда кладутъ дрова, имѣетъ своимъ преддверіемъ „припечокъ“. Надъ припечкомъ въ „коминѣ“ имѣется ходъ для дыма, который, подымаясь вверхъ, выходитъ въ дыру k, въ сѣни, и въ трубу, находящуюся въ сѣняхъ. Топка для наглядности изобра-

жена на чертежѣ 2, фиг. III: a—печь, b—ходъ въ кóминѣ, c—дыра въ сѣни, d—труба.

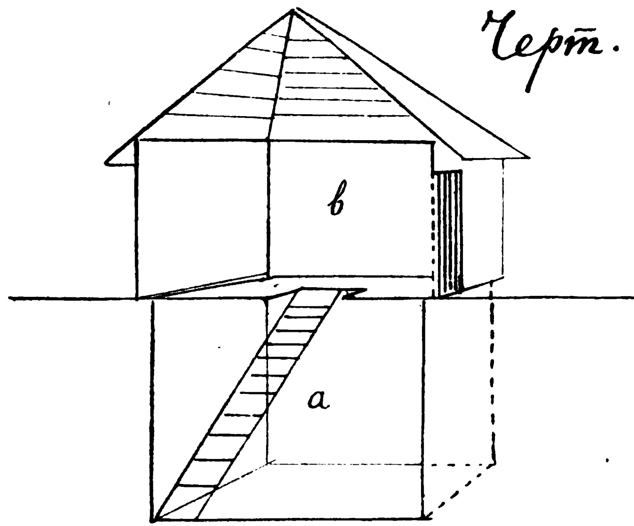
Надъ печью *e*, за „кóминомъ", находится площадка, доходящая до 3-хъ квадратныхъ аршинъ. Это пространство, называемое также печью, представляетъ собою помѣщеніе для сушки зерна, назначеннаго для обработки на мельницѣ въ муку; тамъ же вся семья находитъ для себя наиболѣе теплое и уютное мѣсто въ хатѣ. За этой печью, находящейся на высотѣ 2-хъ съ лишнимъ аршинъ отъ полу, можно встрѣтить „зáпичокъ" — пространство между наружной стѣной и печью въ широкомъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, запичокъ образуется вслѣдствіе того, что печь ставится не вплотную къ наружной стѣнѣ, а отступя на $^3/_4$ аршина. „Запичокъ"—постоянное, зимой, мѣстопребываніе малыхъ дѣтей. Въ наружной стѣнѣ хаты, къ которой примыкаетъ печь, дѣлается квадратное оконце въ 3—4 вершка; оно помѣщается значительно выше остальныхъ оконъ хаты, почти подъ потолкомъ.

„Подпечье" (рис. 5, II, г.) — это складъ принадлежностей печи—„вилокъ", „кочерги", „помела"; „печурки" *д*, *д* — углубленія 4 вершковъ ширины и 6 верш. глубины—мѣсто гдѣ лежатъ: „вúхоть" (клокъ мочалы для мытья посуды), „ганчирка" (сухая тряпка для стиранія пыли), иногда заячья лапка для смазки „чобить" (сапогъ) дегтемъ, черепокъ съ дегтемъ; прежде, до введенія въ употребленіе керосина, въ печуркѣ держали „смáлецъ"—свиной жиръ изъ брюшины для „каганця" (родъ подсвѣчника изъ глины, верхняя часть котораго, въ видѣ плошки, имѣла съ одной стороны небольшую выемку для „гнóта", скрученой полоски изъ грубой вэтошки). Углубленіе *в*, *в*—носить названіе „приволока".

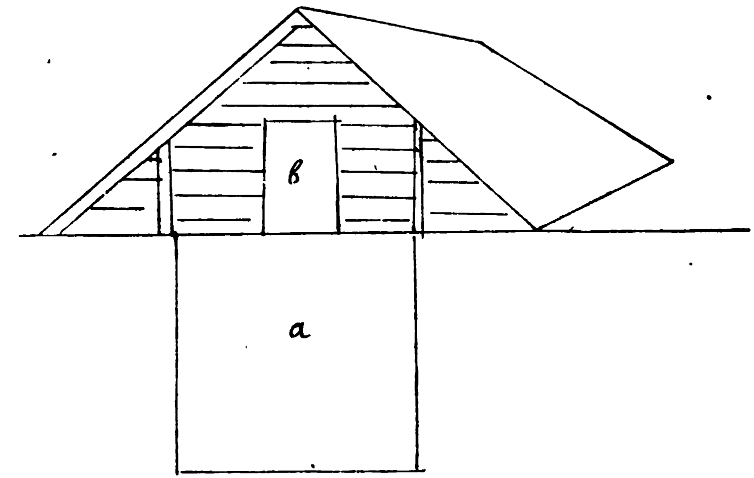
Печь занимаетъ почти $^1/_4$ всей хаты; она помѣщается въ одномъ изъ двухъ угловъ, примыкающихъ къ сѣнямъ (черт. 3, a). Пространство между печью и противоположной двери стѣной застилается „пиломъ", рядомъ толстыхъ досокъ на высотѣ $^3/_4$ аршина отъ земли (черт. 3, b). „Пилъ"—это семейная кровать; на ней всѣ члены семьи спятъ „впокотъ", т. е. стелются рядомъ отъ стѣны къ печи. Впрочемъ, если семья большая и есть взрослые сыновья, то они устраиваютъ себѣ постель „дóли", т. е. среди хаты на земляномъ полу стелятъ себѣ солому и покрываютъ „рядномъ" (ткань изъ грубыхъ нитокъ). Взрослыя дѣвушки и старыя бабы спятъ на печи или на „лáви" (черт. 3, c) или, наконецъ, на „ослóни" (рис. 5, VII, черт. 3, f). Лѣтомъ взрослые спятъ въ сѣняхъ на примосткахъ (доски на перекладинѣ у стѣны) или въ коморѣ на досчатомъ полу.

Мебель хаты, кромѣ „пúла" составляютъ „лáвы", тянущіяся подъ стѣнами, не занятыми печью и „пиломъ" (черт. 3 c, c). Лавы укрѣпляются неподвижно на „торчахъ"—деревянныхъ подставкахъ; ширина ихъ $^1/_2$ аршина, толщина доски такая же, какъ и въ доскахъ „пила"—$1^1/_2$, 2 вершка. Подвижная мебель—это

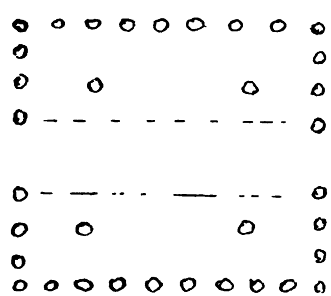
Черт. 1й.

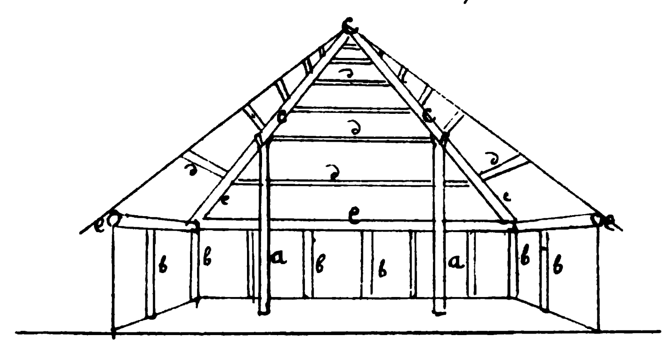
фиг. I.

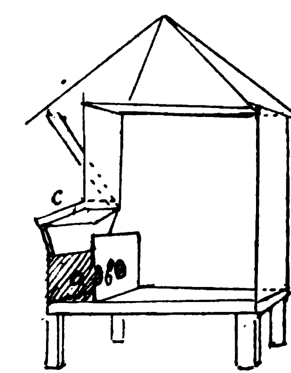
фиг. II.

фиг. III.

фиг. IV.

фиг. V.

столъ—*е*, нѣсколько болѣе аршина ширины и отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ аршинъ длины; онъ стоитъ всегда передъ лавами, въ образнóмъ углу, называемомъ „пóкутье" (русскій „красный уголъ"). Это мѣсто считается самымъ почетнымъ. Образа почти подъ потолкомъ; у богатыхъ съ лампадками, украшенные полотенцами, вышитыми на концахъ красной бумагой или шелкомъ; полотенца называются „рушниками".

Передъ столомъ стоитъ „ослíнъ" (рис. 5, VII, черт. 3, f)—переносная, на 4-хъ ножкахъ скамья; ослонъ всегда у́же лавы. Между „пиломъ" и столомъ *е* стоитъ „хрестъ", а на хрестѣ „дижа" Хрестъ—это скамья, сдѣланная на подобіе креста изъ нетолстыхъ досокъ вершка въ 2 шириною; длина каждаго „перехрестья" до $^3/_4$ аршина; на хрестѣ садиться считается грѣхомъ. „Хрестъ существуетъ спеціально для „дижи"—кадки или ушата, въ которомъ мѣсятъ тѣсто.

Къ мебели слѣдуетъ отнести „су́дныки" и „полыíци". На высотѣ 3-хъ аршинъ, отъ печи до угла стѣны, надъ входными дверями тянется полка—это „полыця"; на ней ставятъ въ опрокинутомъ положеніи запасные горшки; ближе къ углу тамъ можно найти всякія принадлежности взрослыхъ членовъ женской половины семьи въ глиняной посудѣ: „намисто" (ожерелье), „косныки", „сцёжки" (ленты); кромѣ того мелкіе инструменты для разныхъ хозяйственныхъ подѣлокъ. Ниже „полыци" на той же стѣнѣ прибиты „судныки"—*д*, *д*—полки для посуды; по внѣшнему виду они напоминаютъ висячія этажерки. На нихъ ставятся „миски"—(рис. 5, III, *а*), горшки *в*, макитры—*б*, ложки и прочія принадлежности столовой и кухни.

У входныхъ дверей стоитъ „помыйныця"—деревянная лохань для помоевъ. На выступѣ печи, на высотѣ около 2-хъ аршинъ отъ полу стоитъ „каганéць". Онъ уже описанъ мною въ изложеніи постройки печи.

Въ Кіевской губерніи, Радомысльскомъ уѣздѣ, да, вѣроятно, и въ уѣздахъ Волынской губерніи, поближе къ Полѣсью, избы освѣщаютъ посредствомъ слѣдующаго приспособленія: въ потолкѣ сдѣлана дыра, къ которой прикрѣпляется или мѣшокъ съ обручемъ внизу или плетеная корзина въ видѣ усѣченнаго конуса; какъ то, такъ и другое смазывается глиной съ внутренней стороны; къ краю обращенному внизъ, подвѣшивается на проволокѣ желѣзная корзинка, въ которую кладутъ куски сосновыхъ „корчъ"—корней. Пропитанные смолою они горятъ очень ярко; дымъ выходитъ черезъ отверстіе въ потолкѣ въ трубу, поставленную для этой цѣли; иногда трубы не дѣлаютъ, а только отверстія по бокамъ крыши. Одно изъ преимуществъ такого освѣщенія—вентиляція воздуха въ хатѣ. Въ Сквирскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи для освѣщенія употребляютъ „скальникъ": въ деревянный обрубокъ вставлена палка съ двумя желѣзными крючками; на каждомъ крючкѣ наса-

жена лучина; когда догораетъ одна, зажигается другая. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи также употребляютъ лучину.

Впрочемъ надо сказать, что дешевизна керосина и лампъ вытѣсняетъ всѣ описанныя приспособленія, которыя отходятъ теперь въ область преданія.

Къ потолку на разстояніи $^1/_2$ аршина отъ стѣны и 1 аршина отъ потолка подвѣшиваются 2 жерди. Одна изъ нихъ подвѣшивается надъ „пиломъ" параллельно противоположной двери стѣнѣ и служитъ для вѣшанія одежды; другая—надъ печью, гдѣ сушится зерно или надъ запичкомъ и служитъ для вѣшанія вязанокъ лука отъ осени до весны, чтобы лукъ не проросталъ. Если въ домѣ есть грудной ребенокъ, то передъ „пиломъ" подвѣшивается къ потолку „колыска" (колыбель).

На потолкѣ обращаетъ на себя вниманіе „сволокъ"—деревянный, кленовый брусъ, въ ширину отъ 4 до 6 и въ толщину отъ 3 до 5 вершковъ; онъ поддерживаетъ маленькіе брусья, наложенные въ перпендикулярномъ ему направленіи; на маленькихъ брусьяхъ стелютъ потолокъ. Сволокъ иногда не бѣлятъ мѣломъ, какъ стѣны и потолокъ, а оставляютъ небѣленнымъ и украшаютъ рѣзьбой. Промежутки между сволокомъ и потолкомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на него не упираютъ брусья, даютъ возможность пользоваться ими для помѣщенія въ нихъ лѣкарственныхъ травъ.

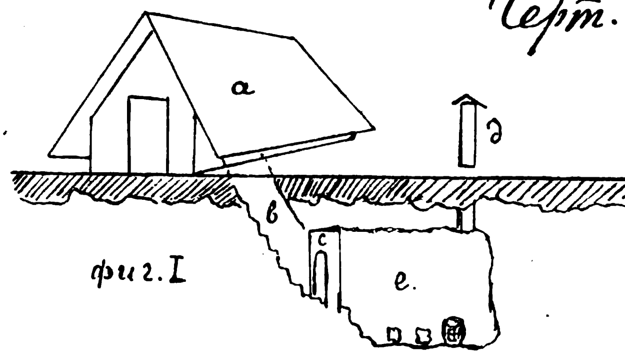
Столъ обыкновенно покрывается скатертью и на концѣ его лежатъ хлѣбъ и соль, закрытые полотенцемъ.

Какъ видно изъ моего описанія, глина и солома играютъ огромную роль въ хозяйственныхъ постройкахъ малороссійскихъ крестьянскихъ усадьбъ. Всѣ постройки крыты соломой; большинство ихъ обмазаны глиной; такъ какъ хаты складываются не особенно тщательно, не конопатятся и перекладываются мохомъ, то глина—единственная защита отъ холода. Въ сильные морозы прибѣгаютъ и къ экстраординарнымъ мѣрамъ противъ стужи: кули соломы, сложенные въ „очереды" возлѣ клуни, перетаскиваются къ хатѣ и обкладываютъ ея наружныя стѣны вплоть до „стрихи" (стрихá—нависшій на $^1/_2$ аршина конецъ крыши), оставляя незаложенными только оконныя рамы.

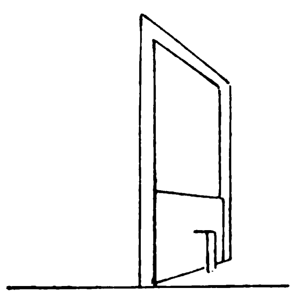
Роль глины, какъ матеріала, увеличивается еще болѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она замѣняетъ собой деревянные срубы; я говорю о глинобитныхъ хатахъ, строющихся въ безлѣсныхъ [1]) пространствахъ. Глинобитныя хаты строятся слѣдующимъ образомъ: на полосѣ земли, шириною около аршина ставятъ вразбросъ высокіе колья; между кольями перевиваютъ солому, обмоченную въ глину; когда глина высыхаетъ, обѣ стороны заравниваютъ глиной; образуется стѣна толщиною въ аршинъ и болѣе. При бѣдныхъ жи-

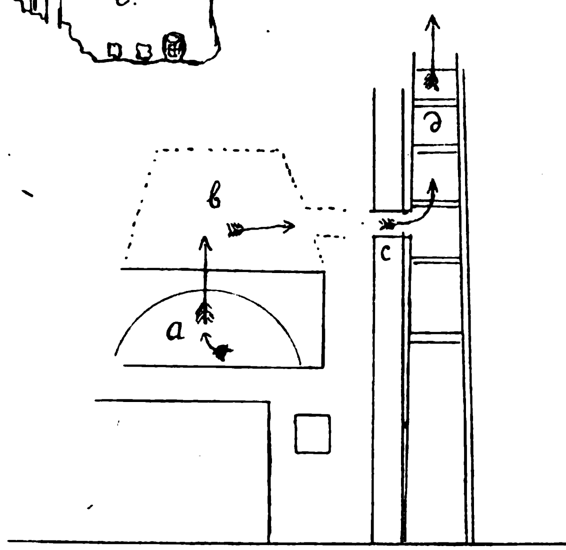
[1]) Въ Таращанскомъ уѣздѣ, Кіевской губ., на правой сторонѣ Днѣпра.

Черт. 2-й.

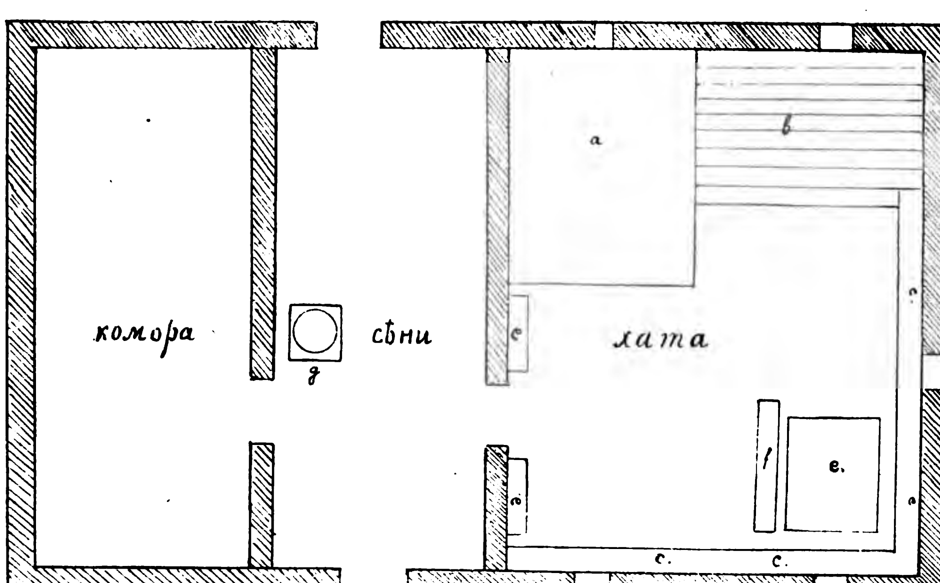

фиг. I

фиг. II. фиг. III.

Черт. 3-й.

Масштабъ 1 2 3 1 аршинъ.

лыхъ хатахъ изъ бревенъ, даже въ лѣсныхъ пространствахъ, сѣни и хижа „приплетаются“ изъ плетня и вымазываются глиной (такая именно хата изображена на рис. I).

Окна въ хатахъ бываютъ 2-хъ родовъ: о четырехъ и о шести стеклахъ. Окна о четырехъ стеклахъ состоятъ изъ двухъ половинъ: верхней и нижней и устроены такъ, что нижняя половина поднимается вверхъ. Такое окно называется окномъ съ „кватыркой“. Окно о 6 стеклахъ дѣлается безъ кватырки, т. е. дѣлается глухимъ.

Наружныя двери запираются особымъ замкомъ, изображеннымъ на рис. 5, IX а, б: въ дверномъ косякѣ дѣлается сквозная дыра; съ внутренней стороны немного пониже дыры укрѣпляется задвижка, вооруженная зубцами. Ключъ къ такому замку состоитъ изъ стержня съ ручкой, на концѣ котораго подвижно прикрѣпляется пластинка. Когда ключъ нужно всунуть въ дыру—пластинка стоитъ на одной линіи съ стержнемъ; когда ключъ всунутъ — пластинка опускается силою своей тяжести и попадаетъ на зубцы; вращая ключъ въ ту или другую сторону, можно задвинуть или отодвинуть задвижку.

Говоря о внѣшнемъ видѣ хаты, необходимо упомянуть „призбу“ — это завалинка, т. е. выступъ изъ досокъ, нѣчто въ родѣ фундамента. Рис. 5, VI изображаетъ наружную дверь сѣней, 6—стекольное окно и „призбу“.

Александръ Шарко.

СМѢСЬ.

Башкирскія саги.

I.

Начало міра.

Демоны летали надъ тьмою, стоялъ страшный шумъ и звонъ, когда Великій и Сильный сказалъ:

— Умолкни!

И смолкло все, и онѣмѣли демоны, и замеръ звонъ.

— Прежде всего пусть будетъ земля, — сказалъ Властный Алла.—А потомъ ужъ я сотворю и небо, и свѣтъ.

Дунулъ Всемогущій—и паръ отъ дыханья его обратился въ камни; камни начали рости и обращаться въ горы; горы, достигшія чрезмѣрной высоты, разсыпались до основанія и образовали собою равнины.

И, посмотрѣвши созданную землю, обрадовался Алла.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—будетъ жить на ней людямъ.

И вспомнилъ о небѣ. Небо надо было создавать.

Тогда Алла сверкнулъ глазами. Воздухъ отъ очей его запылалъ, загорѣлся. Темнота начала освѣщаться.

И отдалъ Господь приказанье огню расплавить камни.

И загорѣлись камни, и зеленый дымъ отъ нихъ потянулся къ верху, образовавши тамъ въ семь рядовъ небесную твердь.

И одобрилъ созданное небо Алла.

— Небо еще лучше земли вышло,—сказалъ онъ.—Хорошо жить людямъ на землѣ, но еще лучше будетъ жить пророкамъ моимъ!

И, сдѣлавши изъ тверди небольшіе шарики, онъ дунулъ на каждый изъ нихъ. Шарики начали крутиться и—чудны дѣла Аллаховы,—начали рости, принимая человѣческую форму.

И, выросши, они остановились, какъ мертвецы.

И вложилъ въ каждаго изъ истукановъ священнаго огня Великій крикнулъ имъ:

— Пророки мои, слушайте меня!

И попадали ницъ отъ крика Аллы пророки и съ плачемъ сказали:

— Будемъ, будемъ слушаться.

А Господь сошелъ на землю.

И, взявши тамъ въ каждую руку по горсти земли, Онъ дунулъ на землю, сказавъ:

— Земля, вотъ тебѣ господинъ твой.

И раскрылъ правую руку. Изъ руки упалъ на землю шарикъ, который завертѣлся и началъ рости, принимая человѣческую форму.

Но не вложилъ въ человѣка священнаго огня Алла, какъ то сдѣлалъ съ пророками, а, прикоснувшись къ нему, сказалъ:

— Живи!

И, раскрывши сжатую кисть лѣвой руки, создалъ такимъ же образомъ женщину.

И назвалъ Алла человѣка мужчину Ядьімъ, а человѣка женщину Ава.

— Всю землю я подарилъ вамъ,—сказалъ Онъ первымъ людямъ,—но вамъ однимъ съ нею не совладать. Надо много людей, чтобы разумно пользоваться землею и сохранять ее.

Ты же, Ава,—приказалъ Алла женщинѣ,—роди людей, роди какъ можно больше.

И приказалъ Сильный Алла мужчинѣ соединиться съ женщиной и рождать дѣтей.

— Духъ всесильный,—сказалъ ему тогда первый человѣкъ,—а чѣмъ же мы жить будемъ?

И усмѣхнулся Великій и, схвативши камень, такъ сильно сжалъ его руками, что потекла вода. И много воды побѣжало изъ камня; огромныя образовались рѣки и озера.

И бросилъ Алла въ рѣки и озера по горсти земли, и земля превратилась тамъ въ рыбинъ.

— Ловите и ѣшьте ихъ, какъ будете голодны,—сказалъ Всемогущій.

И снялъ Онъ съ неба зеленого дыма и окрасилъ имъ землю, земля покрылась травою и деревьями. Деревья начали рости и цвѣсти, плоды на нихъ появились.

— И плоды эти вамъ на пользу и на утѣху,—сказалъ людямъ Господь.

И обрадовались первые люди и сказали:

— Какъ намъ хорошо жить съ Тобою! Какъ счастливы мы!

— Погодите, я еще не все сотворилъ,—сказалъ милостиво Алла.— Я дамъ вамъ помощниковъ и работниковъ.

И, взявши въ руки глины, онъ началъ творить звѣрей и птицъ.

Грозно зарычалъ медвѣдь, испугались люди и побѣжали. И остановилъ людей Алла и приказалъ имъ подойти безъ всякаго страха къ звѣрю. И подошелъ къ медвѣдю Ядыкъ, и распростерся тотъ у ногъ его и былъ смиренъ, какъ ягненокъ. Ава же между тѣмъ была окружена стадомъ жирныхъ козъ и барановъ и кормила ихъ изъ рукъ своихъ.

И подошелъ къ ней Сильный и Властный и сказалъ:

— Отнынѣ оно такъ и будетъ: Ядыкъ, какъ мужчина, будетъ храбръ и силенъ, будетъ властвовать, ты же, Ава, устраивай домашнее свое. Живите и пользуйтесь дарами моими и плодитесь. Я уйду на небо и буду смотрѣть оттуда за вами, какъ вы будете жить. Въ небѣ надѣлаю я окна, въ нихъ и буду смотрѣть за міромъ, а окна тѣ у васъ называться будутъ звѣздами.

И ушелъ на небо Великій Алла и сѣлъ тамъ, а Ядыкъ и Ава остались одни на землѣ.

И начали жить люди...

II.

Конецъ міра.

Издавна, еще раньше, чѣмъ свѣтъ спустился на нашу землю, въ неприступныхъ цѣпяхъ Уральскаго хребта, въ крутой священной горѣ Бара-Гири, всемогущей волей Аллаха были заключены и теперь находятся страшныя Гоги. Эти Гоги представляютъ изъ себя соединеніе двухъ животныхъ организмовъ: человѣческаго и звѣринаго. Туловище Гоги похоже на быка, вмѣсто же переднихъ ногъ у нея устроены руки, какъ и голова, совершенно схожія съ человѣческими. По своему полу Гоги—женщины, но черты ихъ лица чрезвычайно остры и грубы; вмѣсто волосъ у нихъ змѣи. Ихъ глаза невозможно страшны и издаютъ огненный блескъ въ темнотѣ.

Онѣ сидятъ въ вѣчной тьмѣ, но глаза ихъ горятъ ярко и онѣ видятъ черезъ гору, что дѣлаютъ люди. И когда старшая Гога начинаетъ скрежетать зубами, то искры вылетаютъ изъ пасти ея, на землю слетаютъ разныя повѣтрія, моровая язва и люди гибнутъ на радость злобнымъ Гогамъ.

Но милосердный Аллахъ не позволяетъ имъ часто скрежетать зубами и губить людей; онъ заставляетъ Гогу это дѣлать тогда, когда сильно недоволенъ жизнью своихъ твореній. Гоги закованы въ кандалы изъ золота; еслибъ этого не было, то онѣ давно бы прогрызли кору, состоящую изъ золота и мѣди, и, вырвавшись изъ темницы, уничтожили бы весь земной родъ. Гоги не могутъ порвать цѣпи; въ ярости онѣ потрясаютъ ими, и тогда роковой звонъ золота доносится до ушей людей, между ними разгораются ссоры и распря, и начинается война. Люди губятъ другъ друга, а Гоги въ ярости скачутъ по своей темницѣ въ дикой пляскѣ.

Отъ одного недостойнаго пророка, похитившаго съ неба тайну Аллаха, люди узнали, что страшныя Гоги не могутъ выйти изъ ихъ темнаго царства раньше восьмисотъ вѣковъ; поэтому они перестали бояться кары и, забывши небо, стали безумно предаваться сластолюбію, пьянству, стали ѣсть нечистыхъ животныхъ, рисовать, дѣлать подобія Аллаха и изобрѣли музыку. Тогда Богъ страшно разгнѣвался и послалъ съ неба пророка Ноя; люди его не послушались, и Аллахъ рѣшилъ погубить человѣческій родъ, что и сдѣлалъ при помощи воды. Онъ спасъ одного Ноя съ женой, притянувъ ихъ къ небу толстой веревкой высоко надъ уровнемъ воды. Когда люди стали тонуть, то имъ было еще мучительнѣе погибать, видя отвергнутаго ими Ноя спасеннымъ.

Кончился потопъ, и Аллахъ взялъ воду на небо. Отрѣзавъ веревку, онъ опустилъ Ноя съ женой въ Месопотамію, поселилъ ихъ тамъ, велѣлъ изрѣзать въ мелкіе куски веревку и зарыть въ землю. Ной такъ и сдѣлалъ. Черезъ годъ веревки пустили ростки, и изъ нихъ вышли такіе же люди—потомки Ноя. Родъ людской опять размножился и зажилъ прежнею жизнью.

Видя, что и теперь обманулся въ ожиданіяхъ видѣть добрыхъ и честныхъ людей, разгнѣванный Аллахъ изъ взятой на небо послѣ потопа воды сталъ ежедневно по каплѣ пускать на вершину горы Кара-Гири. Теперь постоянно падаетъ капля за каплей, по волѣ Аллаха, на одно и тоже мѣсто, и медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ пробиваетъ кору на вершинѣ горы; когда послѣдняя капля пробьетъ ее, Гоги увидятъ блеснувшій лучъ и тотчасъ же разобьютъ свою темницу. Оковы зазвенятъ, искры полетятъ на землю, на ней поднимется страшный ураганъ и колебанье; изъ всѣхъ рѣкъ и озеръ вырвутся клубы огня и станутъ столбами до неба. Изъ этихъ столбовъ будутъ вылетать Гоги, схватывать людей, жечь и душить ихъ, не разбирая ни пола, ни возраста, пока останется на землѣ только одинъ избранный народъ. Кто онъ—людямъ неизвѣстно.

Но всегда милосердный Аллахъ не хочетъ быстрой гибели людей: въ отвѣтъ на горячія мольбы онъ посылаетъ имъ святыхъ своихъ, надѣливъ ихъ силою погубить Гогъ, если они взойдутъ на вершину Кара-Гири. И вотъ одинъ за другимъ пытаются сдѣлать это, но невидимая сила сбрасываетъ пророковъ обратно, и они не могутъ совершить даже половины пути.

Наконецъ, съ неба ночью слетѣлъ дивный пророкъ Іисусъ; передъ своимъ выступленіемъ на ученіе народовъ, онъ сорокъ дней пытался взойти на Кара-Гири, но отчаявшись въ возможности, сталъ добиваться спасенія людского рода инымъ путемъ: онъ сталъ учить людей добру. Люди слушали его охотно, ибо онъ самъ былъ добръ, но исполнять его ученіе не были въ состояніи: Аллахъ далъ имъ жажду къ жизни, которую нельзя было помирить съ самоотверженіемъ, проповѣдываемымъ Іисусомъ. Аллахъ далъ людямъ правителей, далъ богатыхъ и знатныхъ, далъ нищихъ и слабыхъ,—а пророкъ проповѣдывалъ равенство Можетъ быть, люди и поняли его, но только послѣдовать ему не могли: у нихъ не было столько нравственной силы, чтобъ перевернуть обычное теченіе жизни,—и проповѣдникъ долженъ былъ удалиться.

Между тѣмъ капли все продолжали буравить горную поверхность, ужъ все слышнѣе доносился скрежетъ ужасныхъ Гогъ,—сильнѣе развивались на землѣ повѣтрія и язвы; все явственнѣе доносился до уха людей звонъ золотыхъ цѣпей,—и все злѣе и злѣе дѣлались люди, все больше и больше разгорались между ними губительныя войны.

Наконецъ, они надумали обратиться съ горячей мольбой къ Аллаху. Тотъ сжалился, но не надо всѣмъ народомъ, а надъ однимъ, тихо и спокойно обитавшимъ у склоновъ аравійскихъ горъ, надъ небольшимъ и слабымъ, но чистымъ народомъ, который тѣснили и мучили всѣ сильные. Его-то онъ и назвалъ своимъ избраннымъ, туда-то и послалъ главнаго и славнѣйшаго изъ всѣхъ пророка—Магомета.

Святой пророкъ успокоилъ этотъ народъ, разсказавъ имъ объ истинномъ Богѣ, подтвердивъ всѣ его обѣщанія,—и вознесся на огненной колесницѣ на небо.

И теперь, когда настанетъ конецъ терпѣнію Аллаха, онъ пошлетъ снова на землю дивнаго пророка. Придетъ онъ съ мечомъ, окруженный свитой изъ прежнихъ пророковъ, первое мѣсто между которыми займетъ Іисусъ. Магометъ взойдетъ на Кара-Гири и, ставъ на вершинѣ горы, ударитъ объ нее мечомъ; отъ этого удара свалятся съ неба свѣтила, поднимется буря и изъ рѣкъ и озеръ столбомъ къ небу станетъ огненное

пламя. Пророкъ ударитъ еще разъ мечомъ—и верхушка горы отлетитъ прочь; онъ спустится съ мечомъ въ темницу, гдѣ содержатся Гоги, которыя падутъ ницъ передъ славнымъ Магометомъ. Своимъ мечомъ онъ разрубитъ Гогамъ ихъ цѣпи, и тѣ съ хриплымъ шумомъ вылетятъ изъ горы. Земля загудитъ, задрожитъ, затрясется...

Магометъ вскрикнетъ громкимъ голосомъ, эхо разнесетъ его во всѣ концы земного шара: отъ звука раздадутся могилы правовѣрныхъ и, вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ, они взлетятъ на небо.

Между тѣмъ Гоги будутъ бросаться на остальныхъ, нечистыхъ людей, будутъ давить и душить ихъ въ огненныхъ столбахъ, не щадя ни женщины, ни ребенка, ни дряхлаго старика, пока все поганое не будетъ уничтожено безъ слѣда во всепожирающемъ огнѣ...

Тогда возстанетъ самъ Аллахъ и звонко прикажетъ природѣ обновиться. Грянетъ громъ, замелькаютъ молніи,—и природа предстанетъ въ совершенно новомъ видѣ. Вся вселенная будетъ представлять изъ себя сплошной цвѣтущій садъ. Въ отдаленіи будутъ бродить тучные бараны и верблюды; подъ деревами будутъ раскинуты парчевыя палатки для каждаго правовѣрнаго. Передъ каждой палаткой будетъ разостланъ бархатный коверъ, на которомъ будутъ разставлены медъ и кумысъ въ золотыхъ чашахъ. Правовѣрные вѣчно будутъ наслаждаться созерцаніемъ красотъ рая, будутъ гулять по саду и отдыхать на пушистыхъ коврахъ. Каждому будутъ прислуживать прелестныя дѣвы-гуріи, съ которыми правовѣрные будутъ отдаваться наслажденіямъ любви...

Н. Крашенинниковъ.

Мелкія этнографическія замѣтки.

I.

Старая запись народной пѣсни.

Въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ 1828 г. (VIII, стр. 140) напечатана слѣдующая любопытная „народная пѣснь“.

Какъ по садику, по зеленому
Доброй молодецъ похаживаетъ,
Онъ тугой лукъ натягиваетъ,
Калену стрѣлу накладываетъ,
Каленой стрѣлѣ приказываетъ:
„Ты лети, лети, каленая стрѣла,
Выше лѣсу по поднебесью,—
Пронзи, убей, каленая стрѣла,

Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Сѣру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ терему,
Чтобъ досталася ни мнѣ и никому,
Ни разлучнику злодѣю моему,—
Чтобъ досталась она матери сырой землѣ,
Чтобъ сырой землѣ досталась, гробовой доскѣ".

Она представляетъ двоякій интересъ—какъ старая и очень хорошая запись и какъ показатель интереса редакціи „Московскаго Вѣстника" къ народной поэзіи.

II.

Къ исторіи народнаго обряда и повѣрія.

Въ томъ же журналѣ (1828, VII, 501-510) Археофилъ, „старожилъ тульскій и многихъ другихъ губерній", даетъ любопытныя „отечественныя извѣстія о народныхъ праздникахъ". Извлекаемъ изъ его разсказа наиболѣе любопытныя мѣста. О „вакханаліи для предотвращенія скотскаго падежа" сказано такъ: „прежде всего во всемъ селеніи надобно перевесть огонь въ печахъ, а послѣ вытереть самороднаго огня изъ дерева, и симъ то огнемъ зажигаютъ пукъ лучины или головешку, и оныя горящія несутся вакханками при опахиваніи борозды около деревни. Сіе для предотвращенія скотскаго падежа обыкновеніе и безъ вакханалій сохраняется во многихъ мѣстахъ: по переведеніи огня въ печахъ, самороднымъ огнемъ зажигаютъ головешку и съ нею обходятъ селеніе три раза, послѣ чего на воротахъ у каждой избы дегтемъ надписываютъ: „дома нѣтъ, вчера приди!" Неистовство и изступленіе всѣхъ при опахиваніи находящихся на лицо съ растрепанными волосами бабъ и дѣвокъ таково, что мнѣ знакомый одинъ тульскій помѣщикъ, нечаянно наѣхавшій на такую вакханалію, (разсказывалъ, что?) на-силу могъ ускакать отъ ярости сихъ женщинъ, которыя совсѣмъ не отъ пьянства въ нее приходятъ, а фанатизируются своими обрядами.

При опахиваніи онѣ во всѣ голоса кричатъ какіе-то напѣвы или призываніе, но никто и нигдѣ не могъ добиться узнать слова онаго, и сіи женщины увѣряютъ, что сами ихъ не знаютъ и не помнятъ, а только тогда имъ они какъ будто вдохновеніемъ сообщаются" (501—502).

„Красная горка... открываетъ начало вечернимъ хороводамъ, и первая пѣсня, тогда запѣваемая,—„ахъ! мы просу сѣяли". Сихъ игръ хороводныхъ и пѣсенъ очень много, какъ то: Заплетися, плетень; селезень загонялъ

утку; маки, маки, маковочки; кума, кума, продай дитя; безъ соли съ солью; трепеталь моя, трепеталь. Послѣдняя очень любопытна по неизвѣстности значенія сего слова, и также довольно замѣчательна слѣдующая пѣсня:

Взойду на церковь, на маковку,
Уроню шелковину серебряную.
Ѣхалъ попъ,
Селиванъ Петровъ
Поднялъ шелковину серебряную.
Мы ему судили,
Мы ему давали
Три коня татарскихъ,
Три плети бухарскихъ,
Три ковра,
Золоты махра́,
Онъ просилъ дѣвицу
Молоденькую.
Эта кума, эта лиса, эта вылѣзь вонъ!

Съ этимъ пѣніемъ одна обходитъ среди схватившагося круга, ударяя каждую по рукѣ, и на кого послѣднее слово падаетъ, та изъ кругу выходитъ, и такъ продолжается, пока останется одна послѣдняя дѣвушка, которая и предается насмѣшкамъ своихъ подругъ" (стр. 503—504).

„Въ Ефремовскомъ уѣздѣ Конь Камень во всѣхъ простонародныхъ разсказахъ извѣстенъ; подобный же ему камень находился нѣкогда и въ Тульскомъ уѣздѣ, въ дачахъ села Слободки, о коемъ утверждали, что это конь св. Георгія, гнавшагося за діаволомъ, и отъ его зіянія окаменѣвшій; а близъ него, при рѣчкѣ Нюховкѣ, въ дачахъ сельца Форина, находится камень, представляющій видъ разсѣченной спины большого борова, и въ сей свиной видъ будто бы превратился діаволъ, по пораженіи его св. Георгіемъ" (508).

„По всей Тульской губерніи отыскивали нѣкогда огромные камни, подъ которыми будто бы зарыты сокровища какого-то Кудеяра разбойника" (508).

„Между дворянами русскими существовалъ нѣкоторый родъ условнаго союза, въ сходственность коего каждая фамилія имѣла свой знакъ, или лозунгъ, по прокричаніи котораго всѣ ея союзные и родственные дома спѣшили къ ней на помощь. Сіи знаки бывали употребляемы и на войнѣ, и по поводу сего бывшее тогда происшествіе вошло въ пословицу: „Не нашу тысячу рубятъ, Агеевскую".—Ясаки сіи существовали еще въ Москвѣ даже до царствованія Императрицы Елисаветы и были причиною сильныхъ дракъ на улицахъ и даже смертоубійствъ, а прекратились совершенно въ бытность сыщикомъ Ваньки Каина. Сіе названіе *ясакъ* перешло на значеніе подати съ сибирскихъ народовъ—вѣроятно, отъ того,

что Сибирь инородческіе племена употребляли его для сношенія между собою, когда они отправлялись за [illegible][2].

III.

Московскія народныя гулянія начала XIX в.

Нѣкоторое понятіе о народныхъ гуляніяхъ въ Москвѣ, ихъ мѣстѣ и характерѣ въ началѣ XIX в. можно получить изъ мимолетнаго упоминанія Волкова въ „Дамскомъ Журналѣ“ 1829 г. (XXVII, 7): „что же касается до тѣхъ людей, которымъ нравятся одни только пѣсельники, плясуны и бандуристы, то они весьма спокойно могутъ итти въ Марьину или Петровскую рощу“.

IV.

„Нарѣчіе жителей города Архангельска“ въ воспроизведеніи А. Е. Измайлова (1828 г.).

Въ „Славянинѣ“ 1828 г. (№ XLIII стр. 151—2) напечатано любопытное „письмо къ издателю „Славянина“ (Воейкову), изъ Архангельска, подписанное А. И. (змайловъ) на „нарѣчіи жителей города Архангельска“, какъ указалъ самъ издатель въ примѣчаніи. Оно особенно интересно тѣмъ, что приводитъ рядъ архангельскихъ провинціализмовъ. „Рано встаю я здѣсь съ *мѣста* (съ постели), сброшу *окутку* (одѣяло), надѣну *обувку* (обувь) и примусь за книгу или за перо. Когда же *обряжусь* (отдѣлаюсь) и *облакусь* (одѣнусь), велю человѣку *пахать* (мести) и прибирать комнаты, а самъ пойду на *угоръ* (на высокій берегъ), стою и любуюсь на величественную Двину покрытую *ладьями*, *карбасами*, *шняками* (разнаго рода суда) и *душегубками* (челноками). *Угоръ* унизанъ красивыми деревянными домиками, а домы почти всѣ съ *вышками* (со свѣтлицами, теремами), и въ *вышкахъ полы* (окна) открыты. Дѣлалъ я съ пріѣзда сюда визиты. Если скажутъ гдѣ *живетъ* (дома), то войдешь; если же услышишь *повалился* (спитъ), такъ отъ воротъ. Былъ я и на *новомъ* (на торгу, на рынкѣ). (Новдемъ называютъ здѣсь торгъ, потому что съ него привезутъ или принесутъ всегда домой что-нибудь новенькое). Въ одномъ мѣстѣ сельскія красавицы въ *отдиркахъ* (въ головныхъ платкахъ) продаютъ въ *туисахъ* (буракахъ) морошку, землянку (землянику) и *кислицу* (красную смородину); въ другомъ сидятъ съ *то-*

терками [1]) и *шажами* (булками и лепешками); въ третьей съ горшками и *кубами* (корчагами). Былъ у насъ недавно одинъ путешественникъ (изъ иноземцевъ) [2]). Лжетъ *дородно* (очень много). Представьте себѣ: увѣрялъ торжественно здѣшнихъ старожиловъ, будто у насъ въ Архангельскѣ можно выстроить порядочный домикъ за сорокъ рублей и съ хлѣвомъ. По крайней мѣрѣ въ десятеро убавилъ. Хорошо у насъ въ Архангельскѣ: годы теперь не *зеленые* (голодные), а урожайные; но *издержаться* и *рѣшиться* (умереть) желалъ бы я лучше въ Петербургѣ или въ Москвѣ. Простите, *доброхотъ*: пора за дѣло".

V.

Къ былинамъ объ Иванѣ Годиновичѣ.

„Въ Дамскомъ Журналѣ" 1827 (№ XVIII, стр. 219—220) напечатана одна изъ главъ любопытнаго „журнала пѣшеходцевъ."

Мимоходомъ авторъ даетъ не безынтересное для исторіи нашихъ былинъ свѣдѣніе.

„Рѣчка Печегда, впадающая по близости города (Петровска) въ рѣку Сару, составляетъ всѣ воды Петровска, но въ уѣздѣ его были и другія озера и рѣки, напр., озера: *Нико*, *Гаденъ*, *Раминъ* и пр.. Въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ, изданныхъ Ѳ. П. Ключаревымъ, есть повѣсть, разсказывающая намъ о подвигахъ богатыря *Ивана Гаденовича*, жившаго, какъ водилось по *богатырскому быту*, во времена князя Владиміра—Солнышка, но родившагося, какъ вы думаете, гдѣ? Здѣсь, въ Ростовской области, будто бы близъ нынѣшняго Петровска, въ какомъ-то селеніи, расположенномъ на берегахъ или около озера Гаденова, а по трудахъ своей могучей службы предавшаго свои *кости* здѣшней же родной его землѣ, гдѣ-то близъ монастыря Борисоглѣбскаго. Нѣкоторые старики съ хвастовствомъ воспоминаютъ о чудесной силѣ этого баснословнаго удальца богатыря! Впрочемъ *Гаденово*, какъ и *Раменье*, кажется, есть и въ окрестностяхъ Кіевскихъ: слѣдовательно, имена ростовскихъ озеръ не суть ли только однѣ копіи съ настоящихъ подлинниковъ южныхъ?"

Въ этомъ извѣстіи любопытно все—память объ Иванѣ Годиновичѣ въ Ростовскомъ краѣ въ концѣ 20—хъ годовъ, пріуроченіе его къ этому краю и

---

[1]) Прим. Измайлова: „буква *е* произносится здѣсь, какъ ё, іо—напр.: тетёрка, дёржать, прелёстная и т. п.

[2]) Несомнѣнно имѣется въ виду П. П. Свиньинъ, издатель „Отечественныхъ Записокъ". *В. К.*

сопоставленіе автора. Современный читатель тоже можетъ задаться вопросомъ: а не есть ли ростовскій Иванъ Годиновичъ „одна копія съ настоящаго подлинника южнаго" Ивана Годиновича? Или въ данномъ случаѣ былъ обратный процессъ — занесеніе ростовскаго богатыря въ цѣпкій и клейкій циклъ „старинъ", постепенно объединявшихся около личнаго центра—Краснаго Солнышка и мѣстнаго—Кіева?

Вл. Каллашъ.

Пѣсни объ Императорѣ Александрѣ III.

I.

Когда ѣхалъ бѣлый царь
Вдоль Россеюшки большой,
По большой славной дорожкѣ,
По желѣзнымъ рельсамъ,
Три вагона проѣзжали
А четвертый паровозъ;
Въ трубу искрочки блестали,
Дымъ носился по лѣсамъ.
Какъ на главныхъ полустанкахъ
Всѣ бѣгутъ царя встрѣчать,
Его встрѣча преблагая—
Всѣ ура ему кричать,
Всѣ кричать ему ура,
Слава бѣлаго царя.
Часовые по дорожкѣ
Держать ружья на краулъ;
На краулъ они держали,
Злобно гордыхъ угрожали.
Злобные враги стояли,
Издалеча всѣ взирали,
Взирали всѣ на него,
Всѣ противъ воли его
Чтобы жизнь его погубить,
Злую память сотворить.
Господь его сохранитъ,
Ему царствовать велитъ
На Давидовомъ престолѣ,
На его святомъ на тронѣ.
На тронъ возсѣлъ бѣлый царь
Александра государь,
Онъ одѣтъ святой порфирой
Всей небесной Божьей силой,
Въ рукахъ скипетръ и держава
Всю Россію содержала
По законамъ Божьимъ святымъ
Царемъ бѣлымъ преблагимъ.
По Россіи разъѣзжалъ,
Народъ съ сторонъ окружалъ;
Окружали его люди,
Подносили хлѣбъ на блюдѣ;
Царь бѣлый хлѣбъ цѣловалъ,
Въ драгоцѣнныя руки бралъ.
Когда хлѣбъ отъ нихъ принялъ,
Слова громкія сказалъ:
«Я васъ, дѣти, благодарю,
Вамъ почтеніе отдаю».
Генералы окружали,
Народъ строго угрожали,

Царя бѣлаго охраняли...
Охранитель—Богъ Спаситель
Русскаго бѣлаго царя
И царицы преблагой,
Мамашеньки дорогой;
Она во слѣдъ за нимъ катила,
Какъ голубушка летѣла
Во всей силѣ полнотѣ,
Въ неизреченной красотѣ.
Въ Россіи разъѣзжали,
Къ Москвѣ бѣлой подъѣзжали,
Всѣ заставушки прошли,
Въ Москву-матушку взошли.
А ужъ ты, матушка-Москва,
Всей Россіи красота!
Во тебѣ царь короновался,
Всю корону получалъ;
Здѣсь корона передается
Царство сыну отдается
Русскаго бѣлаго царя,
Какъ румяная заря.
Когда солнушко взойдетъ,
Тогда бѣлый царь придетъ,
Онъ явится въ Санктъ-Петербургѣ,
Во своемъ свѣтломъ дворцѣ.

II.

Ужъ ты, батюшка, пресвѣтлый Питеръ градъ,
Во тебѣ живетъ великій нашъ монархъ,
Императоръ всей Россіи, бѣлый царь,
Нашъ папаша Александра государь;
И отъ Бога всю корону получилъ,
Всей Россеюшкѣ законъ новый вручилъ,
Власть отъ Бога превелику получилъ,
Генераловъ дисциплинѣ научилъ;
Разъѣзжалъ онъ на своемъ бѣломъ конѣ,
Какъ на страшномъ на великомъ на громѣ;
Генералы окружали по бокамъ,
Ихъ всѣ кони притянуты къ торокамъ,
На главахъ каски сіяютъ всѣ въ перахъ,
Ихъ полетушки блистаютъ на плечахъ,
Всѣ заслуги на шеюшкахъ и на рукахъ;
Золоты кресты на лентахъ, на цѣпяхъ;
Ленты алыя надѣты чрезъ плечо,
Въ службѣ царской поступаютъ горячо;
Генераламъ царь всѣмъ «браво» говорилъ,
Горнистъ съ боку въ золоту трубу трубилъ,
Генераламъ золоты кресты дарилъ.
Когда кончился великій, большой смотръ

И разъѣхался военный весь народъ
По своимъ мѣстамъ—казармамъ дорогимъ,
Со своимъ славнымъ начальникомъ благимъ.
Поступать долженъ начальникъ хорошо,
Съ военными обходиться пригожо;
На его примѣръ должны они взирать
И ему же честь великую воздать,
Царя бѣлаго во вѣки почитать;
За него должны во вѣкъ Богу молить,
Во слезахъ должны о немъ всегда просить,
Жертву Богу съ усердіемъ приносить,
Хвалу, славу, почтеніе воздавать,
Чтобы помиловалъ Россію отъ враговъ,
Отъ невѣрныхъ непріятелей недруговъ.

Обѣ пѣсни получены редакціей въ началѣ 1900 г. отъ Воронежскаго губ. земскаго статистика Ѳедора Андреевича Щербины, черезъ директора Моск. Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ Михаила Алексѣевича Веневитинова, пораженнаго теперь, къ нашему глубокому прискорбію, тяжкимъ недугомъ. Передавая намъ эти записи незадолго передъ постигшимъ его въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ударомъ, М. А. Веневитиновъ сопроводилъ ихъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

«Въ 1887 г., впервые послѣ своей коронаціи, Императоръ Александръ III проѣзжалъ чрезъ Воронежскую губернію. Подъ впечатлѣніемъ событій 1 марта 1881 г. по пути Государя были приняты мѣры предосторожности и охраны, и на нѣкоторыхъ станціяхъ желѣзной дороги были устроены торжественныя встрѣчи. Всѣ эти подробности отразились въ содержаніи двухъ сообщаемыхъ пѣсенъ, сложенныхъ въ то-же время крестьянами-раскольниками, живущими на границѣ Воронежскаго и Коротоякскаго уѣздовъ, Воронежской губерніи».

Вопросы и отвѣты.

Выбрасываніе стариковъ и старухъ.

На предложенный г. В. Каллашемъ вопросъ въ „Этногр. Обозрѣніи“ (XLV, 186) имѣемъ сообщить слѣдующіе народные разсказы:

а) Въ старину, говорятъ, былъ такой законъ, что старыхъ людей убивали. Вотъ одна семья, боясь, чтобы не убили ихъ старика-отца, спрятала его въ погребъ. Приходятъ къ этой семьѣ послы отъ царя и требуютъ старика. Дѣти говорятъ: «нашъ отецъ давно уже въ землѣ». Тѣ не вѣрятъ и настоятельно требуютъ, такъ что дѣти должны были поклясться, что говорятъ правду. Спустя нѣсколько лѣтъ, насталъ въ этой мѣстности страшный голодъ, весь запасъ хлѣба истощился и купить даже негдѣ было. Съ наступленіемъ весны народъ не зналъ, что дѣлать, гдѣ брать зерна для посѣва. Сыновья спрятаннаго старика идутъ къ отцу за совѣтомъ. «А вотъ что, дѣти», говоритъ тотъ: «нашите дороги, по нимъ люди когда-то возили снопы, то ронялись и зерна, сымайте крыши съ построекъ—и тамъ не безъ зерна—рубите ихъ мелко и сѣйте, Богъ дастъ, уродится». Сыновья такъ и сдѣлали. Видя это, нѣкоторые люди смѣялись, а другіе думали даже, что они съ ума спятили. Но какъ уродился-жъ хлѣбъ, такъ его ни сносить, ни свозить! Вѣсть объ этомъ повсюду разнеслась. Потребовалъ ихъ царь и сталъ спрашивать, кто ихъ этому научилъ. Они сознались. Съ тѣхъ поръ перестали избивать стариковъ. Прошло много лѣтъ, мудрый старикъ съ каждымъ годомъ все болѣе слабѣлъ, дряхлѣлъ и, какъ казалось семьѣ, даже сталъ выживать изъ ума. Сыновья не знали, что съ нимъ дѣлать и, наконецъ, надумали отдать его въ школу уму-разуму учиться. Вотъ, идя однажды утромъ въ школу, старикъ замѣтилъ вблизи дороги свѣжій слѣдъ оставленнаго ночлега (солома, сѣно, потухшіе уголья); онъ изъ любопытства, свойственнаго старикамъ, пошелъ поближе посмотрѣть его и находитъ тамъ подъ соломой шкатулку съ деньгами. Старикъ перекрестился, взялъ шкатулку и пошелъ своей дорогой. Вечеромъ возвращается онъ домой, а на встрѣчу ему какой-то баринъ или купецъ катитъ въ бричкѣ. «А что, старикъ»,—спрашиваетъ его проѣзжій: «не слыхалъ ты, не находилъ ли кто въ вашей слободѣ шкатулки съ деньгами?»—«Я нашелъ

ее»,—отвѣчалъ старикъ. «Когда?» Старику вдругъ стало жаль разставаться съ деньгами и онъ прибѣгъ къ хитрости, сказавъ: «Да какъ еще въ школу шелъ учиться».—«Э, то не мое», пробормоталъ проѣзжій, думая про себя: «когда это еще было!» и укатилъ къ тому мѣсту, гдѣ нашелъ старикъ шкатулку. Семья опять на время полюбила старика съ деньгами.

Сл. Преображенская, Купянскаго уѣзда.

б) Кажуть що въ старину старыхъ людей, неспособныхъ къ работѣ, убивали, заводили въ лѣсъ, а тамъ покидали, тилько то дуже давно було. А у одныхъ сыновъ бувъ старый батько, а може и дидусь довго въ погребѣ ховавъ, и никто того не знавъ и того дида не бачивъ. Здилався неурожай, то сыны пришли до того дидуся и кажуть: «Що намъ робыть, у насъ неврожай, хлѣба нема?» А дидъ и каже: «Диты, орать дорогу!» Воны выорали дорогу, уродилъ гарный хлѣбъ. Съ той поры годи старыхъ людей изводить.

Слобода Тарасовка, Купянскаго уѣзда

П. И.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Н. Перетцъ. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. *Изъ исторіи русской пѣсни. Часть I. Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованія о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI—XVIII в. на великорусскую. Къ исторіи Богогласника. Спб. 1900. Стр. III+425.*

Книга г. Перетца была представлена въ Петербургскій университетъ въ качествѣ магистерской диссертаціи. Въ виду того, что такіе труды имѣютъ гораздо бо́льшіе практическіе результаты, нежели книги, не претендующія на ученую степень, то и отношеніе къ нимъ должно быть гораздо серьезнѣе и строже, чѣмъ къ послѣднимъ. Диссертація должна показывать какъ критическую способность разбираться въ научной литературѣ, такъ и умѣнье изучать тѣ или другіе вопросы, пользуясь выработанными методами и руководящими историко-культурными идеями,—не «предвзятыми», какъ любятъ выражаться поборники мелочныхъ фактическихъ изученій, а основанными на широкомъ историческомъ образованіи.

За послѣднее время въ историко-литературныхъ работахъ все болѣе и болѣе проявляется одна особенность—любовь къ нагроможденію матеріала, изъ-за котораго иногда не видно бываетъ идей и выводовъ,—«изъ-за деревьевъ не видно лѣса». Пріемы и методы покойнаго Тихонравова и академика Веселовскаго, создавшихъ научное изученіе исторіи русской литературы, сыграли огромную и благодѣтельную роль для науки; но нѣкоторые изъ ихъ послѣдователей восприняли у своихъ учителей только одну сторону ихъ научныхъ пріемовъ — собираніе богатаго фактическаго матеріала, оставивши въ сторонѣ свойственное указаннымъ ученымъ освѣщеніе этого матеріала. Появляются книги съ подзаголовкомъ «изслѣдованія и матеріалы», содержащія много матеріаловъ и очень мало изслѣдованій. Къ типу такихъ весьма ученыхъ, но мало-научныхъ трудовъ принадлежитъ и разбираемая диссертація г. Перетца.

Уже изъ заглавія книги видно, насколько пестро ея содержаніе. Изборникъ 1073 г., статья Максима Грека о философахъ, польско-малорусскіе вирши XVI—XVII вв., псалмы почаевскаго Богогласника, старообрядческіе стихи, наконецъ, народныя малорусскія и великорусскія пѣсни—таковы разнородные предметы изслѣдованій г. Перетца, насильственнымъ образомъ соединенныхъ въ одну книгу. Характерно заглавіе

послѣдней ея главы: «Нѣсколько выводовъ». Дѣйствительно, выводы изъ такого разнообразнаго матеріала не могли сконцентрироваться въ нѣчто общее. По необходимости, въ результатѣ работы оказалось «нѣсколько» положеній, иногда не имѣющихъ между собою никакой связи. Вслѣдствіе разнородности матеріала, надъ которымъ трудился авторъ, иногда ему приходилось дѣлать выводы чисто-отрицательнаго характера, ничего не дающіе для науки. «Новая русская поэзія, говоритъ онъ на стр. 419, народившаяся въ юго-западной Россіи, ничего не имѣетъ общаго съ старыми теоретическими указаніями, встрѣчающимися кое-гдѣ въ Изборникѣ Святослава, въ сочиненіяхъ Максима Грека: она является продуктомъ западнаго, польскаго вліянія, какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія». Да вѣдь въ этомъ никто до сихъ поръ не сомнѣвался: чьи же мнѣнія думаетъ оспаривать авторъ? Вслѣдствіе случайнаго подбора матеріаловъ, работа г. Перетца изобилуетъ цѣлымъ рядомъ скачковъ, дѣлающихъ ее почти безсистемною. Иногда перескакиванья отъ одного предмета къ другому поистинѣ изумительны. «Заканчивая общія соображенія» о теоріяхъ стихосложенія, авторъ переходитъ къ текстамъ виршъ (стр. 81), не думая останавливаться на ихъ метрикѣ, и дѣлаетъ историческій комментарій къ ихъ содержанію; рядомъ съ виршами историческаго характера приводитъ колядки и псальмы; встрѣтивши въ одномъ изъ этихъ произведеній намекъ на нравы духовенства, распространяется о послѣднемъ предметѣ (стр. 105—110); найдя въ другомъ слѣды апокрифовъ, «останавливается на одномъ эпизодѣ изъ польской драмы, который касается народныхъ преданій апокрифическаго происхожденія» (120), и наконецъ, самъ сознается, что «мы нѣсколько отошли въ сторону отъ основного вопроса настоящей главы» (123). Переходъ отъ псальмъ къ пѣснямъ свѣтскаго содержанія мотивируется только тѣмъ, что тѣ и другія помѣщены въ однихъ и тѣхъ же сборникахъ (189); нашедши одну пѣсню, похожую на стихотвореніе Прокоповича, авторъ «попутно (?!) останавливается на поэтической дѣятельности его вообще» (241), не имѣя къ тому ровно никакихъ основаній; наконецъ, встрѣтивши у Ѳеофана одинъ народно-поэтическій образъ, онъ пишетъ по поводу этой мелочи длиннѣйшее разсужденіе (249—282), которое окончательно убѣждаетъ читателя, что не авторъ овладѣлъ матеріаломъ, но что матеріалъ всецѣло имъ владѣетъ.

Въ сущности все изслѣдованіе г. Перетца представляетъ собою собраніе сырого матеріала съ «сопровождающими текстъ историческими и историко-литературными комментаріями», какъ выразился самъ авторъ относительно характера одной изъ главъ своей книги (стр. 93). Этотъ характеръ чего-то разрозненнаго усиливается тѣмъ, что въ текстъ книги внесено очень значительное количество рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ. Авторъ говоритъ (стр. III, предисловіе), что это внесеніе было противъ его желанія. Рѣшительно недоумѣваемъ, что заставило г. Перетца такъ поступить?

Таковъ общій характеръ изслѣдованія г. Перетца. Несомнѣнно, гораздо большаго вниманія заслуживаютъ отдѣльныя, иногда весьма трез-

выя замѣчанія автора, напр., относительно значенія силлабическаго стиха для первоначальнаго развитія русской книжной поэзіи (стр. 35), о связи малорусскихъ думъ со школьными виршами (81, 98—102, потвержденіе взгляда г. Житецкаго), о польско-московскихъ литературныхъ отношеніяхъ въ XVII в. (195—202), о хранителяхъ виршъ и псальмъ на великорусской почвѣ въ XVIII в. (298—307), о популярности малорусскихъ пѣсенъ въ это время (206—211); но обѣщаніе автора посвятить послѣднему вопросу особую работу (225) какъ-то странно звучитъ въ диссертаціи, трактующей главнымъ образомъ о вліяніи южно-русской поэзіи на великорусскую. Вполнѣ можно согласиться съ авторомъ, что 1) онъ «остановился *пока* на чисто формальномъ разсмотрѣніи древнѣйшихъ памятниковъ русской искусственной поэзіи» (предисловіе), почти исключительно на ихъ стихосложеніи, и что 2) онъ «ограничился *пока* немногочисленными примѣрами... существовавшаго въ XVIII в. движенія», заносившаго въ Великороссію польско-малорусскія поэтическія произведенія.

Г. Перетцъ смотритъ на свою работу «какъ на опытъ систематизаціи до сихъ поръ разбросаннаго матеріала» (418); но даже этотъ взглядъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, нельзя примѣнить къ книгѣ, написанной крайне несистематично. Но намъ кажется, что даже изложеніе матеріала, вполнѣ систематическое, но лишенное освѣщающихъ его идей, связи поэтическаго творчества съ общимъ культурнымъ развитіемъ народа и его постепенной эволюціи подъ вліяніемъ художественныхъ международныхъ отношеній, не должно быть представляемо въ качествѣ диссертаціи. Научная работа не ограничивается констатированіемъ фактовъ: она должна ихъ объяснять. Случайность въ подборѣ матеріала и его малообработанность дѣлаютъ чтеніе книги г. Перетца крайне тяжелымъ и скучнымъ. Только отсутствіе другихъ изслѣдованій по вопросамъ, затрогиваемымъ авторомъ, и богатство новаго рукописнаго матеріала заставляютъ признать за книгой извѣстное значеніе: на безрыбьѣ и ракъ—рыба.

А. М.

Перетцъ, В. Н. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. I. *Изъ исторіи русской пѣсни, часть 2. Приложенія. Описанія сборниковъ псальмъ, кантовъ и пѣсенъ. Вирши изъ старопечатныхъ изданій. Малорусскія пѣсни изъ рукописей XVIII в. Указатели. Спб. 1900. Стр. 209.*

Большая часть этихъ приложеній (стр. 5—133) занята описаніемъ сборниковъ стихотвореній и пѣсенъ; какъ данныя для справокъ, это описаніе принесетъ несомнѣнную пользу спеціалистамъ. Далѣе помѣщены вирши изъ старопечатныхъ (1593—1619 гг.) книгъ, двѣ вирши Ѳеофана Прокоповича по рукописи. Для этнографовъ болѣе интересны малорусскія стихотворенія, извлеченныя изъ сборниковъ XVIII в. (стр. 171 — 190); среди нихъ попадаются и народныя пѣсни, параллели къ которымъ можно найти въ современныхъ малорусскихъ и великорус-

скихъ записяхъ; сюда относятся: № 6 на стр. 166, № 19—172, № 40—173, № 45—174, № 48—176, № 121—182, № 94—183, № 176—187, № 32—190; въ одномъ сборникѣ встрѣтилась «пѣсня со слѣдами бѣлорусскаго говора» (стр. 186), лучше сказать, прямо бѣлорусская пѣсня. Авторъ имѣлъ въ виду привести «всѣ тѣ пѣсни, которыя носятъ хотя бы слабые слѣды малорусскаго происхожденія» (с. 2). Удивительно, что въ число таковыхъ пѣсенъ попали №№ 138 и 173 (стр. 184—6), не заключающіе никакихъ признаковъ малоруссизма; обѣ онѣ—чисто великорусскія пѣсни; № 173 имѣетъ значительное число параллелей въ современныхъ в.-р. записяхъ («Заюшко, гдѣ ты былъ, да побывалъ»; ср. *Шейнъ*, Русскія народныя пѣсни, 162—6; Великоруссъ, I, 64—7; *Васнецовъ*, Пѣсни с.-в. Россіи, 172; *Чудинскій*, Русск. нар. сказки и пр. 125).

Что касается описанія рукописей, то оно сдѣлано весьма тщательно: иногда указывается содержаніе стихотвореній, отмѣчаются малоруссизмы и полонизмы въ текстахъ, приводятся надписи и записи на сборникахъ (стр. 54, 72, 93, 128, 131), иногда очень любопытныя, напр. «Сіи псальмы новгороцкого купьца».

Искусственныя вирши имѣютъ, конечно, значеніе преимущественно для спеціалистовъ; но онѣ представляютъ нѣкоторый интересъ и для изслѣдователей устной словесности, такъ какъ иногда на нихъ основываются народныя пѣсни. При бѣгломъ просмотрѣ описаній сборниковъ, можно отмѣтить встрѣчающееся въ одной псальмѣ любопытное названіе Іоанна Богослова «сыномъ громовымъ» (с. 79, л. 48; 87, л. 26); припѣвъ къ одной псальмѣ «Святый вечеръ» (70, л. 275), напоминающій обычные припѣвы малорусскихъ колядокъ и щедривокъ. Канты, сочиненные по поводу историческихъ событій XVIII в. (с. 67—71, 86—8, 94—5, 101—3) будутъ имѣть значеніе для изслѣдователей солдатскихъ пѣсенъ этой эпохи. Любопытна чисто народная пародія на псальму:

Восколебалося море, сыра земля застонула,
Стали страшны вѣтры дути,—что стала муха тонути (с. 97, л. 22).

Извѣстенъ цѣлый рядъ юмористическихъ пародій, обращающихъ серьезное повѣствованіе старины въ шутку; сюда, между прочимъ, относится извѣстная пѣсня изъ сборника Кирши Данилова:

«Высота ли, высота потолочная».

Всякое новое свѣдѣніе о сборникахъ пѣсенъ XVIII ст. вызываетъ желаніе, чтобы народныя пѣсни были извлечены изъ этихъ сборниковъ, которыхъ теперь описано весьма значительное количество, и изданы въ систематическомъ подборѣ. Старыхъ текстовъ нашей народной поэзіи уцѣлѣло такъ мало, что всякій вкладъ въ эту область долженъ считаться драгоцѣннымъ. Между тѣмъ пѣсенныя записи XVIII в. продолжаютъ оставаться въ трудно-доступныхъ книгохранилищахъ или въ частныхъ рукахъ. Поэтому крайне желательно, чтобы нашлись ученые, которые исполнили бы эту важную работу, по примѣру г. Симони, предпринявшаго систематическое изданіе старыхъ сборниковъ великорусскихъ посло-

вицъ. Большинство сборниковъ, описанныхъ г. Перетцемъ, не содержитъ чисто-народныхъ произведеній. Но и въ этихъ рукописяхъ попадаются такія драгоцѣнности, какъ напр., стихъ о разореніи Соловецкаго монастыря (с. 130, л. 78 — 81 об.; с. 132, л. 41 об.). Одинъ сборникъ Публичной библіотеки въ Петербургѣ, описанный на стр. 114—128, содержитъ нѣсколько десятковъ чисто-народныхъ пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже были напечатаны (напр., л. 72: «Что гулялъ молодецъ по украины»—Пѣсни *Кирѣевскаго*, V, 174; менѣе точно у *Соболевскаго* I, 36); бо́льшая же часть не издана, несмотря на то, что въ сборникѣ попадаются очень интересныя историческія пѣсни: объ Ермакѣ (л. 97, ср. у *Кирѣевскаго*, VII, дополн., 135), о кончинѣ Карамышева (л. 76; ср. ib., 131; VIII, 312), пѣсня волжскихъ разбойниковъ конца XVII в. (л. 37 об.; ср. ib., 294—6, 313), пѣсни временъ Петра I, (л. 58 об. ср. ib. 57; л. 87 об., ср. ib. 64, 148—51, 161), неизвѣстныя въ печати пѣсни временъ Елизаветы (л. 68 об., 69). Значительный интересъ представляютъ и другія пѣсни сборника, напр. казацкая пѣсня объ Янкѣ Горыновичѣ (л. 60), пѣсня (= «Ивушка»): «Шли скоморохи изъ Новагорода, Сѣкли ребиночку подъ самой корешокъ» (л. 51), съ любопытной замѣной новгородскихъ бояръ скоморохами.

Приложенія къ диссертаціи г. Перетца сослужатъ несомнѣнную службу наукѣ, если обратятъ вниманіе изслѣдователей на сокровища старыхъ рукописныхъ сборниковъ и вызовутъ ихъ систематическое изданіе.

А. М.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

„Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго русскаго Археологическаго Обще-
ства“. Изд. подъ редакц. В. Р. Розена. Т. XII. вып. IV. Спб. 900. *Мелкія*
извѣстія и замѣтки: Эѳіопскія рукописи Музея Церковно-археологическаго
общества при Кіевской Духовной академіи. *Б. Тураева.* — Дополненія къ
статьѣ „Эѳіопскія рукописи“ и проч. Прошлое приаральскихъ степей въ
преданіяхъ киргизъ Казалинскаго уѣзда. *А. Нестерова.* — Два хотанскихъ
изображенія Майтреи. Изд. собр. Н. Ѳ. Петровскаго. *С. Ольденбурга. Критика*
и библіографія. Крафтъ И И. Изъ киргизской старины *Н. В.*—Сборникъ кир-
гизскихъ пословицъ *П. М.*—Указатель орхонско-турецкихъ словъ и формъ,
разобранныхъ въ статьѣ „Памятники въ честь Кюль-Тегина.

„Живая Старина“ 1900 I—II. *Аристовъ, Н. А.*—Англо-индійскій „Кавказъ“.
Столкновенія Англіи съ авганскими пограничными племенами. Этнико-истори-
ческій и политическій этюдъ. Обзоръ столкновеній Англо-Индіи [illegible] восточными
племенами *Іохельсонъ, Вл.*—Бродячіе [illegible] восточными
Колымой, ихъ [illegible] роды тундры между рѣками Индигиркой и
[illegible] Іоанна [illegible] тническій составъ, нарѣчіе, бытъ, брачные и иные обычаи и вза-
[illegible]модѣйствіе различныхъ племенныхъ элементовъ. Отд. II. Памятники языка и
народной словесности. *Мошковъ, В.*—Міросозерцаніе нашихъ восточныхъ инород-
цевъ: вотяковъ, черемисовъ, мордвы. *Свѣнцицкій Ил.*—Опытъ сравнительнаго
словаря русскихъ говоровъ. Галицко-Байковскій говоръ. *Ровинскій П.*—Сборникъ
Пачаіота Двиновскаго изъ села Галичника въ Дебрахъ (продолж.) *Баловъ А.*—
По говору Любимскаго уѣзда. Отд. III. Критика и библіографія *Погодинъ А.*—
Жреческая организація индогерманцевъ. Обзоръ новѣйшихъ трудовъ о куль-
турѣ индогерманцевъ. *Яцимирскій, А. И.* Румынскія сказанія о рахманахъ.
Его же.—Psihologia penala a teranului de Dem J. Dobresku. *Сырневъ И.*—II.
Лупповъ „Христіанство у вотяковъ со времени первыхъ историческихъ извѣ-
стій о нихъ до XIX в.“—*Ильинскій, Г.* Novà mapa Krâlovstvi ceskèho. Sesta-
vil V. Kotyska Krestil N. Hauf. Mèřitko I: 200000.— Smichovsko a Zbraslavska
Sprolečnou praci ucitelstva Redaktoř prof. Fr. Hausl, c. k. okresni školni.
inspector.- Starožîtnosti zeme ceske. Sestavil L. Pić. Dil. J. Ćechy předhisto-
rické. Na základe praehistorickè sbirky Muzea Kràl. Ćeského.—Rodinný nedil
čili zadruha v pravu 'slovanskèm. Sepsal K. Haldec. Nàkl. vlastnim.—Führer
durch Dalmatien. Herausgegeben von Vereine zur Förderung der volkswirt-
schaftlichen Interessen des Königreiches Dalmatien. Гуцульщина, написав проф.
Володимир Шухевич. — Этнографичный збірник. Видае етнографична комисия
Науков. Тов. ім. Шевченка.- Старинные сборники русскихъ пословицъ, погово-
рокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX ст. Отд. IV. Смѣсь.—*Добровольскій В. Н.*—
Смерть, похороны и причитанія. Этнографическій матеріалъ Калужской губер-
ніи.—*Богоразъ В.* и *Іохельсонъ В.*— О Сибирскомъ Померномъ отдѣлѣ Сѣверо-
тихо-океанской экспедиціи. Изъ письма къ председателю Этнографическаго
Отдѣла Импер. Русск. Географ. Общества. III. Отд. I. *Мошковъ В. А.*—Тру-
ба въ народныхъ вѣрованіяхъ. -*Иностранцевъ, К. А.*—Хунъ-ну и Гунны. Би-
бліографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунъ-ну китайскихъ-
лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношені-

яхъ этихъ двухъ народовъ. *Ильинскій, Г. А.*—Объ одномъ старославянскомъ оборотѣ съ точки зрѣнія современныхъ славянскихъ нарѣчій. Отд. II. *Ростковскій, А*—Распредѣленіе жителей Солунскаго вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 г.— *Чернышевъ, В.*—Нѣсколько духовныхъ стиховъ Отд. III. *Ильинскій Г. А.*—Die Slowinzen und Lebakashuben. Mit einer Sprachkarte und 3 Tafeln Abbildungen.—*Липовскій, А. А.*—Ор. Щкапскій. Аму-Дарьинскіе очерки.—*П. Н. Милюковъ*: 5 этнографическихъ картъ Македоніи съ текстомъ.—*I. П Рогановичъ*: Македонскій вопросъ на почвѣ своей исторіи, этнографіи и политики.— *Кораблевъ, В.*—*Сп. Гопчевичъ*: Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе.—*Брайловскій, С.*—*Е. Т. Смирновъ*. Приамурскій край на Амурско-Приморской Выставкѣ 1899 г. въ гор. Хабаровскѣ.—*Лященко, А.*—Кубанскій сборникъ. Труды „Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета", издаваемые подъ редакціей С. В. Руденко. Отд. IV.—Вопросы и отвѣты. Отд. V. Смѣсь. *Пшенницынъ. Мих.*—Отрывки изъ свадебныхъ причетовъ Ляменскаго прихода, Никольскаго уѣзда, Вологодской губ.— *Лященко. А.*—Изъ старыхъ журналовъ. I. Древнія русскія простонародныя загадки. II. Роспись словъ и реченій, изъ остатковъ древняго россійскаго языка, въ Двинской странѣ собранныхъ и по нынѣшнему образованію изъясненныхъ.

Витебскія Губернскія Вѣдомости. 1900 75. Смѣсь. Модная американская игра „Klondyke gawe".—78. Разныя разности. О святыхъ символахъ Страстей Господнихъ 79. Село Качино, Двинскаго уѣз. Корреспонденція (вѣрованія въ чорта).—86. Разныя разности. Индусская легенда (о сотвореніи женщины). Изъ „Спб. Вѣд."—Смѣсь. Модныя обручальныя кольца (въ Англіи).—88. Смѣсь. Преданіе о паукахъ крестовикахъ. 92. Разныя извѣстія. Дѣвичья башня. Изъ бакинскихъ легендъ.—Семейный бытъ трансваальскихъ буровъ. 93. Разныя извѣстія. Киргизскій народный судъ. изъ „Сибир. Вѣст."—Свѣдѣнія о писанкахъ (обращеніе проф. Н. Ѳ. Сумцова о доставленіи свѣдѣній о писанкахъ. „Харьк. Губ. Вѣд.").— Смѣсь. Лондонская пророчица.

Кіевская старина. 1900 № 1—Отд. I. *Левицкій, Ор.* Обычныя формы заключенія браковъ въ южной Руси въ XVII и XVIII ст. *Милорадовичъ, В.*—Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. Отд. II. 1. Документы, извѣстія, замѣтки. Сообщеніе *А. Мёрдера*. Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 2 Колдовство въ 1863 г., 3 Изъ мѣстныхъ нравовъ и суевѣрій.—Сообщеніе *Вл. Корниловичъ*. Пѣсни, записанныя въ Волынской губ.—Заговоръ отъ скарлатины.—Страничка изъ жизни Григ. Ант. Залюбовскаго. 2. Библіографія *О. Сластіонъ*. Современные фотографо этнографическіе альбомы. Изд. типовъ и видовъ Малороссіи Х. Я. Парфененка. Кіевъ 1899. **№ 2.** Отд. I. *Милорадовичъ, В.*—Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ.— *Познанскій, Б*—Картынкы сучасного семенського побыту. Отд. II. *О. Л.* Воспрещеніе повѣнчаннымъ молодымъ жить врозь до свадьбы. Змѣй-удавъ на о. Хортицѣ. **№ 3** Отд. I. *Милорадовичъ, В.*—Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ. Отд. 2. 1. Рождественскіе обычаи въ Угорской Руси.—О собираніи народныхъ легендъ. 2 *В. Д.* Розвідки Михайла Драгоманова про українську народню словесність і письменство. Т. I. (Т. II. Збірника фільольогічної секції Наукового Товариства ім. Шевченка). У Львові, 1899.—*Бѣляшевскій, Н.* Къ вопросу о программѣ Кіевскаго Музея Древностей и Искусствъ. Археологическая Лѣтопись. **№ 4.** Отд. II. 1. Сообщеніе *А. Г. Хатемкина*. Приворотныя средства.—Своеобразныя молитвы. *Корниловичъ, М. И.*—О пѣсняхъ про волю.—2. *И.* Очерки Малороссіи. „Приходская библіотека". Сборн. для народн. чтенія. Спб. 1899. **№ 5** Отд. I. *Милорадовичъ, В.* Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ. Отд. II. 1. Сообщеніе *В. Милорадовича*. Варіанты пѣсни о дѣвицѣ—воинѣ.—Къ дѣятельности Наукового Товариства ім. Шевченка во Львовѣ. 2. *В. Д.* Этнографічний збірник. Видае етнографічна комісия наукового Товариства ім. Шевченка. Т. VI Галицко—руські анекдоти. Зібрав Володимер. Гнатюк. У Львові. 1899.—*В. Д.* Часопись Правнича. Розвідки правничі секции історично-фільозофичної наукового Товариства ім. Шевченка. Ред. д-р. Кость Левицкой. Рочник IX. У Львові 1899. **№ 6.** Отд. I.

Милорадовичъ, *В*. Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ. Отд. II I *Васильевъ*, *М. К.* Т. Шевченко въ легендѣ.—Пережитки старины (церковные обычаи въ Гродненск. губ.) - Пѣсенная Коммиссія русскаго географическаго общества.—2. *Ш. Л.* Изъ украинской старины. рис. академ. С. И. Васильковскаго и Н. С. Самокиша. Пояснит. текстъ проф. Д. И. Эварницкаго. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 1900.—Археологическая Лѣтопись. Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ.—Погребальныя поля въ Кіевской губерніи.—№ 7 8 Отд. I *Милорадовичъ В.* Народная медицина въ Лубенскомъ уѣздѣ.—Записки прот. П. Г. Лебединцева о козащинѣ 1855 года.—*Ѳ. Волковъ* По поводу нашихъ неолитическихъ находокъ съ керамикой до-Микенскаго типа. - *Красновъ*, *В.* Могила гетмана Дорошенка. *Хат-ъ*, *А. Г.* Засѣданіе музыкально-этнографической комиссіи въ Москвѣ.—2. *В. Д.* Юбилейный сборникъ въ честь Вс. Ѳ. Миллера. Подъ ред. Н. А. Янчука. Москва 1900.—*І. Ч. И.* Левицькый Повисти й оповидання. Т. II Старосвитськи батюшкы та матушки. Повисть Кіевъ 1900 Археологическая Лѣтопись. Къ Археологическому съѣзду въ Харьковѣ. *Бѣляшевскій*, *Н.* Раскопки на мѣстѣ неолитическаго населенія съ керамикой домикенскаго типа у с. Колодистаго, Звенигородскаго уѣз. Кіевской губ.—№ 9. Отд. I. *Милорадовичъ*, *В.*—Лѣсная Лубенщина.—Отд. II: 1 *Ирпенскій*, *А.* Празднество 8 сентября въ Холмѣ.—Сообщеніе *В. Милорадовича*. Варьянтъ пѣсни про голоту.—Варьянтъ пѣсни про дурня.—Археологическая лѣтопись. *Бѣляшевскій* Н. Собираніе свѣдѣній о памятникахъ украинской старины.—Экскурсія отъ Городецкаго музея Волынской губ. барона Ѳ. Г. Штейнгель.

Киргизская Степная Газета. 1900. 35. *С-новъ А.* Изъ жизни инородцевъ.—37. *А. В.* Киргизская повѣсть (начало см. № 3).—Разныя извѣстія. Сообщеніе о свадьбѣ 120 лѣтняго Исмаила съ 64 лѣтней невѣстой, 34 ой женой изъ „Т. Хакикатъ."—Китайскій обѣдъ. „Каспій."- 38. „Н. В." Богдыханъ и его дворъ.- *К. П.* Обѣдъ у Ли-Хунъ-Чанга—39. 43 *Турановъ Д.* Обычное право киргизовъ. Общія основанія киргизскаго суда.[1]—39 Айдашинскіе инородцы, изъ „Спб. Вѣс."—41 *Н. П.* Жизнь—это сонъ. Китайская сказка изъ „Всемірн. Путешествен."—42 Бытъ киргизовъ Туркестана и сопредѣльныхъ съ нимъ областей, изъ „Прир. и Люди."

Православный собесѣдникъ. 1900. 7—9. Алтайская духовная миссія.—7—9. Дѣятельность епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго Общества въ 1899 г.—7. Отчетъ Самарскаго епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго Общества за 1899 г.—8. Религія въ Китаѣ.—*И-въ*, *Н.* У киргизовъ.—8, 9. Погребальные обряды и загробныя представленія у кареновъ. Бирма.—8. *Е. Е.* Отравленіе опіумомъ въ Китаѣ.—Отчетъ Енисейскаго епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго Общества за 1899 г.—Извѣстія и замѣтки. Современная Корея.—Положеніе Охотско-Камчатскаго края.—9. Небесная помощь алтайскимъ вѣропроповѣдникамъ.—Бытъ сельскаго населенія Японіи.—Серъ-Али-Лапина. Мусульманская присяга.—*Е. Е.* Христіане въ Манджуріи.—Отчетъ Владивостокскаго епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго Общества за 1899 г. - Извѣстія и замѣтки. Посѣщеніе буддійскаго монастыря.—Китайскій фанатизмъ.—10. 11. Изъ жизни алтайской миссіи.—10—18. *Третьяковъ*, *Н.* Мусульманское преданіе.- Сунна, его образованіе и развитіе.—10. Ламаизмъ въ Гималаяхъ.—*Е. Е.* Краткія замѣтки о Японіи.—10, 11. Отчетъ о состояніи Забайкальской православной миссіи въ 1899 г.—11. Школьное дѣло русской православной церкви въ Амескѣ.—Извѣстія и замѣтки. Знахарство среди астраханскихъ калмыковъ. Изъ „Тургайск. газ.".—11, 12. *Михѣевъ*, *И.* Изъ религіозной жизни вотяковъ Казанской епархіи.—12, 13.—*Нектарій*. Современное состояніе язычества въ Донскихъ калмыцкихъ степяхъ.—11 - 21. *Ивановъ*, *И.* Изъ исторіи христіанскаго просвѣщенія чувашъ самарской епархіи во вторую половину XIX ст.

[1] —1 О преступленіяхъ и наказаніяхъ. 2. Преступленія противъ личности. 3. Нарушеніе общественной тишины и благочинія, неповиновеніе властямъ и проч. 4. Кража и грабежъ.

12. *Н. М.* Русско-туземныя школы въ Ташкентѣ.—12. Бухарскія медрессе.— 12—16. Отчетъ православнаго миссіонерскаго Общества за 1899 г.—13, 15. *Елисеевъ, Е.* Записки Букаевскаго миссіонерства Киргизской миссіи за 1899 г.— 13. Буддизмъ на югѣ, Индіи и Цейлонѣ.—14. Урга.—Извѣстія и замѣтки. Вопросъ о раннихъ бракахъ между инородцами.—15. *Хохловъ, И.* Мое знакомство съ киргизами.—Чествованіе умершихъ въ Китаѣ.—Извѣстія и замѣтки. Загробная жизнь по вѣрованію китайцевъ.— 16, 17. Китайцы.—16. Извѣстія и замѣтки. Почитаніе дракона въ Китаѣ—17. Языческія жертвоприношенія у черемисъ и борьба съ ними православныхъ пастырей.—Извѣстія и замѣтки. Новый законъ о землепользованія въ Туркестанскомъ краѣ.—Павильонъ католической миссіи на Всемірной выставкѣ.—18. Миссія въ Ставропольской епархіи въ 1899 г.—Отчетъ о состояніи и дѣятельности Иркутской духовной миссіи въ 1899 г.—19. *Зосимъ*. Нѣсколько словъ о Киргизской миссіи.—19, 20. *Алексѣевъ, В.* Миссіонерская поѣздка въ Сѣверо-Западную Канаду.—Отчетъ Якутскаго епархіальнаго комитета православнаго миссіонерскаго Общества за 1899 г.—20. *Рыбаковъ, С.* Церковь и мечеть въ селеніи Большомъ Гондырѣ, Осинскаго уѣзда. Пермской губ.—Извѣстія и замѣтки. Дѣятельность Общества распространенія св. писанія въ Россіи въ 1899 г.—20, 21. Отчетъ о состояніи Киргизской миссіи въ 1899 г.—21. Корейская православная миссія.—*С-новъ, А.* Киргизская помолвка.

Олонецкія Губернскія Вѣдомости. 1900. 50 *Березкинъ, Д.* Городъ Каргополь и его окрестности въ 1612—1615 гг. Преданіе объ избавленіи отъ враговъ въ смутное время. Въ ссылкахъ указаны №№ Олон. Губ. Вѣд. (56 г.—17; 57 г.— 22 и 23; 63 г.—40; 69 г.—35 и др.; 60 г.—1; 43 г.—24; 57 г.—23; 64 г.— 22; 63 г.—50; 73 г.—72 и 73), въ которыхъ помѣщены подобныя же преданія.

Семипалатинскія Областныя Вѣдомости. 1900. 33/34 — 41/42. *Коншинъ, Н* Очерки экономическаго быта киргизъ Семипалатинской области (нач. см. №№ 5—29/32).

Семирѣченскія Областныя Вѣдомости. 1900. 55. Полезныя свѣдѣнія. Борьба съ бранью. Приговоръ крестьянъ пяти сельскихъ обществъ Павловской области изъ „Таганр. Вѣстн.“.

Тобольскія Епархіальныя Вѣдомости. 1900. 15. *Грамматинъ, А.* мѣстно-чтимый образъ Господа Вседержителя. 23.24. По поводу „Рождественской драмы“ Святителя Димитрія Ростовскаго (бывшаго Тобольскаго). 23. Мѣстно-чтимая явленная икона Святителя и Чудотворца Николая въ селѣ Усть-Ишимскомъ (въ юртахъ „Усть-Ишимскій Острожокъ“), Тарскаго уѣзда.

Пріамурскія Вѣдомости 1900 г. 314,317 В. П. „По Амуру и Забайкалью (Путевыя впечатлѣнія)“—кое-какія поверхностныя свѣдѣнія о тунгусахъ, бурятахъ и русскихъ. 324. М. Б.—„Послѣднее возстаніе дунганъ“. 330. Ъ. Ъ.— „Отрывокъ изъ воспоминанія о поѣздкѣ по Маньчжуріи“. Описаніе женскаго буддійскаго монастыря въ городѣ Итунь Джоу. Въ особой кельѣ уже болѣе двухъ лѣтъ сидитъ дѣвушка и непрестанно посредствомъ проволоки ударяетъ колотушкой въ колоколъ колокольни. Чтобы не заснуть, подвижница обила всѣ стѣны гвоздями остріемъ внутрь, такъ что, стоитъ ей хоть немного задремать, она накалывается на гвозди и немедленно просыпается. Гвозди эти распродаются богомольцамъ и вырученныя деньги предназначены на построеніе храма. Когда они всѣ будутъ раскуплены, дѣвушка будетъ свободна. — Въ „Городской Хроникѣ“ данъ отчетъ о прочитанномъ въ залѣ Хабаровскаго военнаго собранія рефератѣ капитана Бурскаго о вооруженныхъ силахъ Китая въ Гиринской и Мукденской провинціяхъ. Въ концѣ реферата сообщена легенда о корейскихъ крѣпостяхъ въ Монголіи и Маньчжуріи. Китайцы въ союзѣ съ монголами побѣждали корейцевъ, но послѣдніе, благодаря помощи злого духа, уклонялись отъ ударовъ и проваливались въ землю. Тогда китайцы придумали подложить подъ землю желѣзо, и, не будучи въ состояніи проваливаться сквозь землю, корейцы подверглись жестокому избіенію, а спасшіеся разбѣжались неизвѣстно

кудъ 340 341 „Изъ Пекина“ (перепеч. изъ С.-ПБ. Вѣд.) вѣрованія и культъ китайцевъ.

Тульскія Губернскія Вѣдомости. 1900. 74,76 *Покровскій, П.* Раздѣлъ крестьянина. Взглядъ на раздѣлъ крестьянской семьи со стороны исторической, бытовой и утилитарной. — 78. Смѣсь. Модныя обручальныя кольца (въ Англіи). — 79. Смѣсь. Лондонская пророчица. — 84. Смѣсь. Преданіе о паукахъ крестовикахъ. — 86. Смѣсь. Свадьба мертвецовъ. Обычай китайцевъ вѣнчать покойниковъ холостяковъ. — 97. Смѣсь. Эпитафія и легенда о Суворовѣ. — 98. Смѣсь. Народная пѣсня о Суворовѣ. Изъ „Рижск. Вѣстн.“. — 103. Смѣсь. Какъ появляется мода. — 105. Смѣсь. Народная легенда о войнѣ съ бурами. — 107. Смѣсь. Добродѣтели и грѣхи у буддистовъ. — 108. Смѣсь. Афганское правосудіе. — 114. Смѣсь. Удобное вѣнчаніе. Къ свадебнымъ обрядамъ у итальянцевъ. — 116. Смѣсь. Происхожденіе поцѣлуя. — 121. Смѣсь. Патріотическія пуговицы въ Англіи. — 125. Смѣсь. Мода откармливанья. — 142. Смѣсь. Легенда о сотвореніи женщины. — 150. 151, 153. 154. *В. Х.* Современная Индія. — 151. Смѣсь. Китайскія любезности. — 154. *О-мовъ, В.* Страничка изъ исторіи тульскаго раскола. — 159. Смѣсь. Происхожденіе китайской косы. — 157, 160, 164, 169. *В. Х.* Китай 161. Смѣсь. Еще о китайской вѣжливости. — 162. Смѣсь. Вѣжливость японцевъ. — 163, 165, 166 Монголія и Китай три вѣка назадъ. — 169. Смѣсь. Казнь убійцы въ Китаѣ. — 170. Изъ печати. Народные толки о Китаѣ, — изъ „Нижег. Лист.“ и „Волгоря“. — 180. Смѣсь. Китайская тысячелѣтняя мудрость. — 182. Смѣсь. Китайскіе нравы. — 198. Смѣсь. Языкъ марокъ. — 201. Культъ предковъ въ Китаѣ. — 210. Смѣсь. Лошадиная обувь у японцевъ. — 211. Смѣсь Китайское лѣтосчисленіе. — 224. По Японіи. — 233. Смѣсь. Къ исторіи чулка. — 238. Смѣсь. Іуда на русской монетѣ, изъ „Моск. Вѣд.“ — 243. Смѣсь. Игра въ карты въ Россіи.

КАВКАЗСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

(Продолженіе). [1]

Вѣстникъ Грузіи. 1863 г. Томъ I. Разсказъ нищаго. *М. Джимшеридзе.* 1, 2, 3, 4, 5, 6. Исторія Грузіи. Князя *Сухтана Баратова.* Матеріалы для обработки грузинской грамматики.—**Томъ II. 1. 2.** Развѣ онъ человѣкъ? *М. Джимшеридзе.*—Краткій (изслѣдованіе) обзоръ изученія армянскаго языка. *Ильи Окромчедели.*—Письма путешественника. Князя *Петра Нахалидзе.* **Томъ III.** Бѣдность, какъ экономическій принципъ.—Горе отъ ума. Пер. Князя *Георгія Эристова.*

Грузинскій Вѣстникъ,. изд. *И. Чавчавадзе.* **1863, I—VI** Грузинская исторія. *Бараташвили.* **III.** Матеріалы по грузин. грамматикѣ. *Д. Кипіали.* **VI.** Успѣхи въ изученіи армянскаго языка *И. Окромчедлишвили.* **VIII.** Киракозъ Гандзакецій, армянскій историкъ XIII вѣка. *Б. В.*—**IX**—**XII.** Герой нашего времени. Лермонтова—пер. *М. Кипіани.*

Духовный Вѣстникъ 1864 г. VII. Краткое описаніе грузинскихъ монастырей. *А. Т.*—**VIII.** Описаніе монастыря Давида Гареджійскаго.—**IX.** Описаніе грузинскихъ монастырей: пустыни Іоанна Крестителя, Шуамтинскаго монастыря, пустыни Шіогвимскаго и Кватахевскаго монастыря. *А. Т.*—**X.** Сказаніе объ иконѣ Пречистой Богородицы Грузинской Ивана *Берзенова.* Пѣснопѣнія въ стихахъ Пречистой Богородицы.—*Монаха Николая.*—**XI.** Описаніе Тифлисскаго монастыря Преображенія. *А. Т.*—**1865 г. I.** Описаніе Аллавердской церкви. И. С. **III.** Книга исповѣди Амвросія, епископа *Некресійскаго* (1796 г.) **VIII.** Достопамятныя записки царя Давида Возобновителя. Священника Георгія Хелидзе—Покаянная пѣснь царя Давида Возобновителя (Добавленіе). **IX.** Краткое историческое изслѣдованіе церковныхъ грузинскихъ книгъ *И. С.*—**X.** Древнее сказаніе о хитонѣ Господнемъ. Путешествіе Абхазскаго миссіонера Игумена Гр. Дадіани. **XI.** Мученическая кончина Св. Або, епископа *Некресійскаго.*—**XII.** Церковная апокрифическая литература. Священника *Г. Хелидзе.* **1866 г. I.** Жизнь Св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, съ предисловіемъ свящ. *Георгія Хемедзе.* — **IV.** Слово направленное противъ декановозовъ Тушетіи. Священника *И. Баркова.* Слово на погребеніи князя Виссаріона Вачнадзе. Игумена *Григорія Дадіани.* — Церковь Св. Георгія Ломисскаго въ Мтіулетіи. — **X.** Разсказъ объ основаніи церкви Св. Георгія въ Арбо. Дворянина *Александра Гарсеванова.* — **1866 — 67. г. 7, 8, 9.** Синодальное слово Нерсеса Лашбрпелійскаго. Переводъ Свящ *Григорія Гамбарова.*—Матеріалы для исторіи Грузинской церкви *Николая Берзенова.* **1868 г.** Сказаніе о св. Іоаннѣ Крестителѣ, описанное Піемъ, ученикомъ Св. Іоанна Крестителя.

Кребули [2] **(Сборникъ),** груз. Журналъ. **1871 I.** Объ отправленіи воинской повинности—уставъ Ираклія II-го 1, 2. 3, 5, 6. Путешествіе Гуливера, соч. Свифта, перев. *Н. Скандемъ*—2. Взысканія за преступленія горцевъ, установленныя царевичемъ Леономъ и возстановленные Вахтангомъ Иракліевичемъ. 2, 3. Какъ поссорился Иванъ Ив. съ Иваномъ Никифоровичемъ, Гоголя, пер. *Г. Чикоани.*—Изъ писемъ путешественника. *а*—4, 5. Шинель, Гоголя, Пер.

---

1) См. Этнограф. Обозр. XLV, 184.

2) За 1871 г. въ Имп. Публ. Библіотекѣ оказалось только шесть книгъ.

3) За 1872 г. только №№ 7—9.

И. М.—Политическая жизнь Грузіи въ прошломъ. *Г. Горисели.*—**5.** Судъ мингрельскаго владѣтеля Гр. Дадіани (документъ)—6. Показаніе хевсуровъ о границахъ ихъ владѣнія. 1872. **7.** Филологическій анализъ грузин. языка. *Г. Горисели* Библ. „Арсена“, народная поэма, изд. Н. Кипіани. 1872. Тифлисъ—8, 9. Пьеръ Гугененъ Жоржъ Занда, перев. N.N.—Исторія Грузіи въ V в. *Г. Горисели* 1873. 1, 2, 5, 6, 7, 8. Народныя пѣсни—5, 6, 7. Эгмонтъ, траг. Гете пер. *Г. Церетели.* 8. Скупой Мольера пер. А. Церетели. 10 „Король Лиръ“ Шекспира, груз. пер. *Ильей Чавчавадзе и Ив. Мачавели.* Народныя пѣсни, записаныя И. Чавчавадзе.—11, 12. Изъ поэмы „Ачрдили“ *И. Чавчавадзе.*—Послѣдніе дни имеретинскаго царя Соломона.—Гяуръ, поэма Байрона, пер. *Физели.*

Мнатоби 1869 г. I. Аспиндзская битва. (Матеріалы для груз. исторіи) *Кн. А. В. Орбеліани*—I, II–III Донъ Кихотъ Сервантеса. (*Пер. Н. Авалишвили*). II. Какъ мужикъ накормилъ двухъ генераловъ (Изъ Щедрина).—III. Дикій баринъ (*его же*).—III—V. Эмансипація женщинъ. Дж. Ст. Миля. *Н. Ивашвили* XI— XII. Путешествіе по Хевсуретіи. *А. Пурцеладзе.*—**1870** II [1]) Сходка и судъ въ деревнѣ *С Мгалобели.*—III. О значеніи путей сообщенія. *М. Кикодзе.*—I—II. III, Донъ-Кихотъ.—**1871** г. [2]) I Копія съ гуджары Портаитской обители.—II. Счастливая свадьба. *Н. З. Цхветидзе.*—I. II— Начало грузинской исторіи. *Д. Бакрадзе.*—О первомъ мужѣ Тамары *Г. Цкалтубели.*—III Ворожеи въ Кизики. *Бодбели.*—V—VI. Сношенія Грузіи съ Россіей. 1492 —1664 г. *Н. З. Цхветадзе.*- VI. Царь Фарнавазъ *Д. Бакрадзе.*—V VIII. За и противъ женщинъ Ек. Гвиніевой. VIII Грузія при царѣ Аберхѣ. *Д. Бакрадзе.*—**1872** г. I. Порядокъ коронованія во Мцхетѣ *Н. Гаџрехели.*—II—III. Грузія при царѣ Миріанѣ. *Д. Бакрадзе* —I—II Вильгельмъ Тель *Н. Авалишвили.*—IV. V. Венеціанскій купецъ. *Пер. Д. Кипіани.*—V—VI. Шильонскій узникъ. *Пер. Н. Ломаури.*—Завѣщаніе Давида Возобновителя.—Записки туриста *Инило Джанашвили.*—VII—VIII. Заговоръ Фіеско Шиллера. *Пер. Н. Авалишвили.*—VIII Донъ Жуанъ Байрона. *Пер І. Бакрадзе*—Изъ Барбье *Н. Ломаури.*—X—XI—XII. [3]) Виргинія. Трагедія Альфіери Пер. *І. Бакрадзе.*—

Терскія Вѣдомости 1869, 1, 2 Освобожденіе крестьянъ въ туземномъ населеніи Терской обл.—3 Краткія историческія свѣдѣнія о горскихъ евреяхъ Терской обл.—6, 8, 10. Тагаурское общество и экспедиція ген.-маіора кн. Абхази въ 1830 г.—9 Опытъ наемной запашки въ Терск. обл.—Освобожденіе крестьянъ въ туземномъ населеніи Терск. обл.—13, 14, 18. Характеръ адыгскихъ пѣсенъ 25, 26. День въ аулѣ *Н. Семеновъ.*—27. Поземельныя отношенія кумыковъ до водворенія русской власти.—31, 32. Исторія адигейскаго народа, сост. по преданіямъ кабардинцевъ Шора Бекмурзинъ Ногмовымъ (Кавк. календ. на 1862 г.)—36. Отъ Нальчика до Черека *А. Бабичъ.*—38 34. Состояніе хозяйствъ и промышленности у туземцевъ Тер. обл. 45—46 Библ. Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ. В. II Т. 1869.

---

1) Всего три книги.
2) Всего восемь книгъ.
3) Три № вмѣстѣ изданы

НОВОСТИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ашмаринъ, Н. И. Программа для составленія чувашскаго словаря. (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Каз. унив., т. XVI, в. 2, 1900. 8⁰. стр. 243—248).

А. Ш. Рабство въ древнемъ Римѣ. („Рус. М.“).

Багенскій, Ч. (сост.), указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ „Трудахъ этн.-стат. экспедиціи Имп. Р. Г. О. въ западно-русскомъ краѣ“. Каз. 1900.

Богдановъ, В. В. Мурманъ и портъ Александровскъ (съ рисунк. и табл.) 46 стр. 8⁰. Москва. 1900. (оттискъ изъ „Землевѣдѣнія“ 1900, кн. 1).

Боголюбовъ, Н. Теизмъ и пантеизмъ. Опытъ объясненія логическаго взаимоотношенія данныхъ системъ. Н.-Новгородъ. 1899. 426 стр. ц. 3 руб.

Борисовъ, Б. Л. Городъ Казань по даннымъ переписной книги 7:154 (1646) года. (Изв. общ. Арх., Ист. и Этн. Каз. унив., т. XVI, в. 2. 1900 8⁰. стр. 163—175).

Боденъ-Пауэлъ. Происхожденіе и развитіе деревенскихъ общинъ въ Индіи.

Бороздинъ, А. К. Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. Изд. 2-е, дополн. и испр. Спб. 1900.

Буддійскія сутты. Въ переводѣ съ пали проф. Рисъ-Дэвидса, съ примѣчаніями и вступит. статьей. Русск. переводъ и предисловіе Н. И. Герасимова. 203 стр. Москва 1900.

Букейхановъ, А. Изъ переписки хана Средней киргизской орды Букея и его потомковъ. Семипалатинскъ. 1901. 8⁰. 17 стр. („Пам. кн. Семип. обл. на 1901 г.“).

Wagner. Die heidnischen Kulturreligionen und der Fetischismus. Ein Beitrag zur vergleichenden Religionsgeschichte. Heidelberg. 1899. 8⁰. 127 Seit.

Випперъ Р. проф. Учебникъ древней исторіи. Съ рисунками и историч. картами. М. 1900.

Вороновъ, Н. Г. Опытъ сравнительной исторіи Европы. Москва. 1900. стр. 135. ц. 2 р.

Воротынскій, Б. И., прив.- доц., Психофизическія особенности дегенеранта. Казань. 1900. 22 стр.

Wundt, Wilhelm. Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythus und Sitte. I. B. Die Sprache. I. Th. Lpzg. 1900. XV+627.

Гессе-Вартегъ,—ф., Эрнестъ. Китай и китайцы. Перев. со 2-го нѣм. изданія А. и П. Ганзенъ. Изд. А. Ф. Девріенъ Спб. 1900.

Голубевъ, Александръ Федоровичъ. Біографич. очеркъ (анонимн.) съ приложеніемъ двухъ статей „Заилійскій край“ и „Ала-куль“) и портрета А. Ф. Голубева. Изд. Зап. Спб. Отдѣлъ И. Р. Г. О. 8⁰. Омскъ 1900. 20+47+10 стр.+карта.

Голубинскій, Е. Исторія русской церкви. Томъ II. Отъ нашествія монголовъ до митрополита Макарія включительно. Первая половина тома. Изданіе О-ва Ист. и Древн. Росс. при Москов. Университетѣ. Москва. 1900.

Горощенко, К., Курганные черепа Минусинскаго округа. (Описаніе Минусинскаго музея. Вып. II. Матеріалы по доисторической археологіи и антропологіи). 4⁰ Минусинскъ. 1900. III+9+40 стр.+3 табл. черепн. измѣреній+1 табл. фототип.

Гринченко, Б. Д. Каталогъ музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Т. II. Черниговъ. 1900.

Гюнтеръ, Р. Исторія культуры. Пер. съ нѣм. Изд. А. Суворина.

Дмитренко, И. И. Къ исторіи некрасовцевъ на Кубани. („Изв. об-ва люб. изуч. Кубинской обл." 1900. Вып. I, стр. 65—68).

Дмитріевъ, А. А. Кучумовъ-Гесперь на Иртышѣ („Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при каз. унив. т. XVI, в. 3. 1900. 8⁰, стр. 257—272).

Добросмысловъ, А. И. Матеріалы по исторіи Россіи. Т. I. Оренбургъ. 1900. 8⁰. 303 стр. Напечатаны документы, касающіеся управленія и устройства оренбургскаго края за 1734 г. Много этнографич. данныхъ.

Дьячковъ-Тарасовъ, А. Н. О задачахъ этнографіи въ дѣлѣ изученія горскихъ племенъ Кубанск. обл. („Извѣстія о-ва люб. изуч. Куб. обл." 1900 7—11 стр).

Карпеллесъ, Г. Всеобщая исторія литературы. Вып. 2.

Катановъ, Н. Ѳ. Народные способы лѣченія у башкиръ и крещеныхъ татаръ Белебеевскаго уѣзда Уфимской губ. (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Каз. унив., т. XVI, в. 1. 1900, стр. 1—14).

Катановъ, Н. Ѳ. Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью, принадлежащаго Публичному Музею гор. Минусинска Енис. губ., и нѣсколько словъ о металлическихъ зеркалахъ, описанныхъ другими. („Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Каз. Унив." т. XVI, в. 3, 1900. 8⁰. стр. 273—291).

Катаринскій, В. В. Сборникъ киргизскихъ пословицъ („Пам. кн. Тург. обл." на 1899 г. 145—297 стр.).

Кириловъ, Н. В. Морскіе промыслы Южнаго Сахалина. (Записка Общ. Изуч. Амурскаго края, т. VII, в. 2) 8⁰. Владив. 1900. 30 стр. (этнографическія данныя статьи касаются экономической неприспособленности русскаго населенія среди другихъ народностей).

Коншинъ, Н. Матеріалы для исторіи Степного края. I Открытіе Аягузскаго округа. II. Каракиргизская депутація 1824 года. III. О заграничныхъ обстоятельствахъ. IV. Замѣтка о происхожденіи родовъ Средней киргизской орды. Семипалатинскъ. 1900. 8⁰. 126 стр. („Пам. кн. Семип. обл. на 1900 г.").

Коншинъ, Н. Отъ Павлодара до Каркаралинска. Путевые наброски. Семип. 1901. 8⁰. 55 стр. („Пам. кн. Семип. обл. на 1901 г.").

Коншинъ, Н. Очерки экономическаго быта киргизъ Семипалатинской области. Семип. 1901. 8⁰. 183 стр.+2 карты. („Пам. кн. Семип. обл. на 1901 г.").

Коншинъ Н. Свадебные обряды и обычаи среди казачьяго населенія Усть-каменогорскаго уѣзда. (Этнографическій очеркъ). Семипалатинскъ. 1900. 8⁰. 51 стр. („Пам. кн. Семип. обл. на 1900 г.").

Конъ, Ф. Я. Физіологическія и біологическія данныя о якутахъ. (Антропологическій очеркъ). (Былое и настоящее Сибирскихъ инородцевъ. Матеріалы для ихъ изученія. Вып. I). Минусинскъ. 1899. 8⁰. 89 стр.+1 табл. ц. 1 руб.

Короленко, П. П. Первоначальное заселеніе черноморскими казаками Кубанской области. („Извѣстія Общ-ва любителей изученія Кубанской области"), 1900. вып. I 53—63 стр.

Крафтъ, И. И. Изъ киргизской старины. Ч. 1-я (стр. 1—107), ч. 2-я (стр. 109—157). Оренбургъ 1900. 8⁰.

Куракина, Ѳ. А. князя, Архивъ. Книга восьмая подъ ред. В. Н. Смольянинова. 1899. 8⁰. (Ц. 1 томъ 2 р; 2—8 3 р,).

Лунный свѣтъ. Санкья—истины. Въ переводѣ съ санскр., съ вступительной статьей и примѣчаніями д-ра Р. Гарбе. Русскій переводъ и предисловіе Н. И. Герасимовъ. 174 стр. ц. 1 р. 25 к. Москва. 1900. 8⁰.

Любарскій, Г. А. Палестина, ея настоящее и будущее. Изд. „Ахіасафъ". Варш. ц. 75 к.

Маевскій, В. Матеріалы для родословной киргизъ Семипал. 1901. 8⁰. 4 стр.+9 лист. родословныхъ „колѣнъ". („Пам. кн. Семип. обл. на 1901 г.").

Майръ, Г. Статистика и обществовѣдѣніе. Т. II, вып. 2. Статистика населенія. Изд. т. „Знаніе". Ред. Г. Фальборга и Чарнолусскаго.

Марковъ, А. В. и Григорьевъ, А. Д. Былинная традиція на Бѣломъ морѣ. (Оттискъ изъ „Изв. отдѣленія русск. яз. и слав. Им. Ак. Н., т. V, кн. 2). Спб. 1900. 8⁰. 13 стр.

Никольскій, А. М. Лѣтнія поѣздки натуралиста. Изд. тов. „Знаніе". Спб. 1900. ц. 2 р. (155. рис. 124 табл.).

Окраины Россіи. Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ и полярная часть Европ. Россіи. Подъ ред. П. П. Семенова. Спб. 1900. 287 стр. Изд. Мин. Фин.

Отчетъ. Общества изученія Ашурскаго края за 1898 годъ. (зап. О-ва И. А. К., т. VII, в. 2). Владивостокъ. 1900. 8⁰. 66 стр.

Отчетъ, О дѣятельности Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи съ 15 окт. 1898 г. по 15 окт. 1899. Москва 1900. 8⁰. 31 стр.

Pikler, J, prof. und Somlo, F, d-r. Der Ursprung des Totemismus. Ein Beitrag zur materialistischen Geschichtstheorie. Berlin. 1900. S. 36 Pr. 1 Mark.

Платоновъ, С. Ѳ. Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. Спб. 1899.

Программы домашняго чтенія на 4-й годъ систематическаго курса. 440 стр. Москва. 1900. Цѣна 60 коп., съ перес. по почтѣ 87 к., наложен. платеж. 97 коп.

Равинскій, Д. Русскія народныя картинки. Т. I. Изд. Р. Голике.

Россія въ концѣ XIX вѣка. Подъ общею редакціей В. И. Ковалевскаго. Спб. 1900. XVI+968 стр. Изд. Мин. Фин.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ общ. руковод. П. П. Семенова и В. И. Ламанскаго, подъ ред. В. П. Семенова. Т. III. *Озерная область.* Спб. изд. А. Ф. Девріена.

Садовниковъ, Э. (сост.) Загадки русскаго народа. Изд. А. С. Суворина.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Движеніе земельной собственности за 28 л. періодъ (1869—1896). Уфа. 1900.

Систематическій каталогъ библіотеки Тобольскаго Губернскаго Музея. Сост. А. А. Терновскій. Тоб. 1898—1900. 8⁰. IV+352 стр. („Ежегодникъ Тоб. губ. музея", годъ 8, вып. X). (Въ каталогѣ X отдѣлъ I-го разряда посвященъ географіи и этнографіи: №№ 1124-1410).

Слюнинъ, Н. В., д-ръ. Охотско-камчатскій край (съ картой). Естественно-историческое описаніе съ 32 фототипіями и 45 цинкографіями. Т. І-й (приложеніе). Спб. 1900.

Сутерландъ, А. Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. Перев. съ англ. Н. Кончевской. Изд. Ф. Павленковъ. Спб. 1900. Стр. III—IV+816. Ц. 1 р. 50.

Сысоевъ, В. М. Очерки изъ исторіи Тмутороканскаго княжества. I. Препод. Никонъ, игуменъ Кіевопечерскій, угодникъ тмутороканскій. („Изв. о-ва любит. изуч. Куб. обл." 1900. Вып. I, 75—94 стр.).

Тимирязевъ, В. (пер.) Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Изд. А. С. Суворина.

Титъ-Ливій. Римская исторія отъ основанія Рима. Т. I и II. Изд. Іогансона. Кіевъ. 1900.

Тобинъ, А. Лифляндское аграрное законодательство во XIX столѣтіи. Пер. съ нѣм. Т. I. Рига. 1900.

Туганъ-Барановскій, М. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Т. I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX в. 2-е изд. Спб. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 3. 50 р. к.

Тульская Старина. Изданіе тульскаго историко-археологическаго товарищества, подъ редакцію старшины товарищества Н. И. Троицкаго. Вып. 1—2. Тула. 1899.

Успенской, В. Нѣкоторыя данныя о движеніи населенія въ Воронежскомъ и Богучарскомъ уѣздахъ.

Флоринскій Т., проф., Малорусскій языкъ и „украинско-русскій" литературный сепаратизмъ. Изд. А. С. Суворина.

Черманъ, Л. Осѣдлые киргизы-земледѣльцы на р. Чу и замѣтки о пути черезъ Голодную степь. Съ картой (27 стр.). Записки Зап.-Сиб. Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XXVII, Омскъ. 1900.

Чудиновъ, А. Н. Справочный словарь, орѳографическій, этимологическій и толковый, русскаго литературнаго языка. 6 вып. Ц. 6 руб. Спб. 1901.

Энгельманъ, И. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Переводъ съ нѣм. В. Щербы, подъ ред. А. Кизеветтера М. 1900. изд. С. Скирмунта. Ц. 1 р.

„Этнографическое Обозрѣніе", издаваемое Е. Лалаяномъ (на арм. яз.). Книга V. Тифл. стр. 456. 8⁰.

Юдинъ, М. Л. Матеріалы по исторіи Оренбургскаго края. „Труды Оренбургской ученой архивн. комисс.", вып. V, 24—48 стр.).

Японія и японцы. („Новая библіотека"). Изд. ред. „Русской Мысли". М. 1901 г. Ц. 35 к.

Яриловъ А. А. Кызыльцы и ихъ хозяйство. (литературныя, архивныя и опросныя данныя). (Былое и настоящее сибирскихъ инородцевъ. Матеріалы для ихъ изученія. Вып. III). Юрьевъ. 1899. 8⁰. XVI+361 стр. Ц. 2 р. 50 к.

ХРОНИКА.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. за 1899—1900 годъ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла составляли: предсѣдатель поч. чл. *Вс. Ѳ. Миллеръ*, товарищи предсѣдателя: поч. чл. *В. М. Михайловскій*, непр. чл. *Н. А. Янчукъ*, непр. чл. *Н. Н. Харузинъ*, скончавшійся 25 марта 1900 года, и секретарь непр. чл. *В. В. Богдановъ*.

Въ отчетномъ году Отдѣлъ имѣлъ 11 засѣданій, изъ нихъ 8 закрытыхъ и 3 публичныхъ, въ томъ числѣ два засѣданія были посвящены памяти скончавшихся членовъ Общества и Отдѣла.

Съ докладами на засѣданіяхъ выступили слѣдующія лица:

1. *Вс. Ѳ. Миллеръ*: а) Олонецкая старинка о мѣстномъ силачѣ.

б) Памяти Тертія Ивановича Филиппова.

в) Колымскія былины по новымъ записямъ.

г) Памяти Николая Николаевича Харузина.

д) Памяти Павла Васильевича Шейна.

2. *Н. А. Янчукъ*: а) Къ вопросу объ отраженіи народныхъ произведеній въ апокрифахъ.

б) Изъ поѣздки въ Полтавскую губернію (съ демонстраціей записанныхъ имъ народныхъ напѣвовъ и снятыхъ фотографій на экранѣ).

3. *В. В. Богдановъ*: Памяти Леонида Николаевича Майкова.

4. *Инн. Як. Антуфьевъ*: Договоръ купли-продажи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Томской губ.

5. *Архимандритъ Багратъ Вартазарянъ*: Современныя воззрѣнія армянскаго народа о душѣ.

6. *А. Э. Вормсъ*: Памяти Николая Николаевича Харузина.

7. *А. Д. Григорьевъ*: Поѣздка по южному берегу Бѣлаго моря, въ поискахъ за былинами.

8. *Вл. Н. Добровольскій*; О значеніи народнаго праздника „свѣчи".

9. *Т. А. Лебединскій*: Великое моленіе у черемисъ.

10. *А. В. Марковъ*: а) Былинная традиція на Бѣломъ морѣ.

б) Къ вопросу о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ.

11. *А. Н. Максимовъ*: а) О методахъ изслѣдованія исторіи семьи (доложилъ Н. Н. Харузинъ).

б) Левиратъ у русскихъ инородцевъ.

12. *Н. Д. Маслюковъ*: а) Семейные раздѣлы при жизни отца въ Томской губерніи.

б) Раздѣлъ имущества по смерти отца у крестьянъ Томской губерніи

13. *А. Л. Масловъ*: Лирники Орловской губерніи въ связи съ историческимъ очеркомъ инструмента „малороссійской лиры" (съ музыкальными демонстраціями и на экранѣ).

14. *В. В. Миллеръ:* Изъ обычнаго права карачаевцевъ.

15. *В. А. Мошковъ*: Гагаузы Бендерскаго уѣзда. (Доложилъ В. В. Богдановъ).

16. *Ю. Д. Новоселовъ*: Опытъ сравнительнаго изученія древне-мордовскихъ могильниковъ въ связи съ изученіемъ современнаго костюма мордвы, коси и „сюльгама".

17. *И. Т. Собіевъ*: Въ Дигорскомъ ущельѣ.

18. *А. Д. Солодовниковъ*: Памяти Ник. Ник. Харузина.

19. *А. С. Хахановъ*: а) Новая версія сказанія о царицѣ Тамарѣ.

б) Памяти Григорія Аветовича Джаншіева.

в) Памяти Ильи Лукича Бахтадзе.

20. *С. И. Чистяковъ*: Имущественныя отношенія между супругами у крестьянъ Томской губерніи.

Всего было доложено 30 сообщеній. Кромѣ того, въ засѣданіи 29 января были принесены поздравленія Предсѣдателю Отдѣла по случаю исполнившагося 30-лѣтія научной дѣятельности (см. приложеніе къ отчету).

Въ числѣ изданій Этнографическаго Отдѣла продолжалъ выходить журналъ „Этнографическое Обозрѣніе" подъ ред. *Н. А. Янчука* (12-й годъ изданія). Кромѣ того, вышелъ XIV томъ „Трудовъ Этнографическаго Отдѣла", содержащій „Юбилейный сборникъ въ честь Всеволода Ѳедоровича Миллера", подъ ред. *Н. А. Янчука.* Печатается отдѣльнымъ изданіемъ сборникъ „Бѣломорскія былины", собранныя А. В. Марковымъ, и готовится къ печати „Сборникъ историческихъ народныхъ пѣсенъ".

Музыкально-этнографическая комиссія Этнографическаго Отдѣла продолжала свои занятія и въ отчетномъ году: нѣкоторыми членами были собраны матеріалы по народной музыкѣ и сдѣланы доклады въ двухъ публичныхъ засѣданіяхъ (13 мая и 30 ноября), какъ это видно изъ перечня сообщеній.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ Отдѣлъ поступили этнографическія коллекціи, литературныя изданія, документы, рукописи и другіе матеріалы.

Въ отчетномъ году за Этнографическимъ Отдѣломъ оставалась неприсужденная въ прошломъ году премія имени Вел. Кн. Сергія Александровича, учрежденная въ память международныхъ конгрессовъ 1892 года. Премія не была присуждена и въ этомъ году, и составляющая ее сумма, въ силу „Правилъ о преміи", присоединена къ основному капиталу преміи. Въ 1901-омъ году предстоитъ очередное присужденіе преміи имени Вел. Князя Сергія Александровича по этнографіи.

Весною и лѣтомъ 1900-го года слѣдующія лица были въ экскурсіяхъ для собиранія и изслѣдованія научныхъ данныхъ по этнографіи:

1. *В. В. Богдановъ*, продолжая свои изслѣдованія сѣвера, посѣтилъ сѣверные уѣзды Пермской губерніи. Въ г. Перми онъ знакомился съ краемъ по матеріаламъ, изданнымъ губернской земской управой и пермскимъ статистическимъ комитетомъ. Въ Чердынскомъ уѣздѣ у мѣстныхъ жителей собралъ свѣдѣнія о волокахъ на Печору, въ связи съ экономическими и нравственно-бытовыми условіями жизни въ Чердынскомъ краѣ.

2. *А. Д. Григорьевъ* два мѣсяца провелъ на сѣверѣ, объѣхавъ прибрежья рѣки Пинеги отъ устья до верховья ея. Въ эту поѣздку имъ собрано 167 былинъ и историческихъ пѣсенъ, 24 духовныхъ стиха, 5 пѣсенъ бытовыхъ; кромѣ того, имъ сняты копіи съ документовъ упраздненнаго Николаево-Чухчемскаго монастыря и пріобрѣтено 110 рукописей и тетрадокъ. Имъ же собраны діалектологическіе матеріалы въ 49-ти деревняхъ, сняты фотографіи съ выдающихся сказателей и вывезены образцы нарядной одежды.

3. *Г. И. Куликовскій* продолжалъ свои изслѣдованія и наблюденія въ Московской губерніи.

4. *А. Е. Крымскій* ѣздилъ для этнографическихъ изысканій въ Черноморскую губ.

5. *Б. В. Миллеръ* ѣздилъ для изысканій въ области обычнаго права въ Черноморскую губ.

6. *Ф. Д. Нефедовъ* производилъ этнографическія изысканія въ губерніяхъ Самарской, Уфимской и Вятской. Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ имъ записаны народные религіозные обычаи и преданія, въ Глуховскомъ— легенды, сказки, обрядовыя и бесѣдныя пѣсни, въ Мензелинскомъ — повѣрья, сказки, свадебные обычаи, вои невѣстъ и свадебныя пѣсни.

7. *А. С. Хахановъ* во время заграничной поѣздки занимался въ архивахъ и библіотекахъ Рима, Венеціи и Парижа. Имъ найдена обширная переписка римскаго престола съ грузинскими царями и грузинскимъ духовенствомъ, а также открыты интересныя донесенія католическихъ миссіонеровъ въ Грузіи, касающіяся вѣрованій и быта ея населенія. Рядъ цѣнныхъ документовъ указываетъ на успѣшную пропаганду католицизма среди православнаго грузинскаго народа. Въ дополненіе къ этимъ изысканіямъ, А. С. Хахановъ въ рукописномъ отдѣленіи Петербургской Публичной Библіотеки занимался изученіемъ памятниковъ древнихъ грузинскихъ сказочныхъ повѣстей, а также грамотъ и актовъ о поземельномъ устройствѣ въ грузинскомъ царствѣ. Въ Императорской Академіи Наукъ имъ былъ изслѣдованъ грузинскій переводъ „Уложенія царя Алексѣя Михайловича", насколько оно повліяло на сводъ грузинскихъ законовъ царя Вахтанга VI.

Приложеніе къ отчету.

Чествованіе тридцатилѣтія учено-литературной дѣятельности профессора Всеволода Ѳедоровича Миллера.

29-го января 1900 года, на засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Этнографическій Отдѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ различныя ученыя учрежденія, общества и лица, чествовали Вс. Ѳ. Миллера по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его учено-литературной дѣятельности.

По прочтеніи протокола и очередного реферата обычное засѣданіе окончилось и происходило чествованіе юбиляра.

Н. А. Янчукъ прочелъ адресъ отъ Этнографическаго Отдѣла, а затѣмъ, сказавъ нѣсколько словъ о характерѣ подносимаго юбилейнаго подарка, вручилъ юбиляру „Юбилейный Сборникъ въ честь Всеволода Ѳедоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями, подъ редакціей Н. А. Янчука“, прибавивъ, что прибыль отъ продажи изданія опредѣлена на образованіе фонда для преміи по этнографіи при Отдѣлѣ.

Д. Н. Анучинъ прочелъ адресъ отъ Совѣта Имп. Общества Любителей Естествознанія.

Н. Е. Жуковскій и А. Х. Репманъ произнесли привѣтствіе отъ Комитета Политехническаго Музея.

М. А. Веневитиновъ прочелъ адресъ отъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ.

Графиня П. С. Уварова прочла адресъ отъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.

М. И. Соколовъ произнесъ привѣтствіе отъ Славянской Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

В. И. Сизовъ прочелъ адресъ отъ Императорскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III.

Р. Ѳ. Брандтъ произнесъ привѣтствіе отъ Историко-Филологическаго Факультета Московскаго Университета.

А. Е. Грузинскій прочелъ адресъ отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

С. С. Слуцкій сказалъ привѣтствіе отъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Кн. С. Н. Трубецкой привѣтствовалъ отъ Московскаго Психологическаго Общества.

Г. А. Халатовъ привѣтствовалъ отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

В. В. Каллашъ прочелъ адресъ отъ Педагогическаго Совѣта женской гимназіи, учрежденной З. Д. Перепелкиной.

Кромѣ того, утромъ того же дня на квартирѣ юбиляра прочитаны и преподнесены были ему слѣдующіе три адреса: отъ преподавателей Ла-

заревскаго Института, отъ студентовъ-филологовъ Московскаго Университета, отъ студентовъ Лазаревскаго Института.

Слѣдуетъ подлинный текстъ прочитанныхъ адресовъ:

Отъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ!

Русскіе этнографы сердечно привѣтствуютъ Вашу выдающуюся 30-ти лѣтнюю научно-литературную дѣятельность. Она вся полна плодотворныхъ результатовъ, высокаго интереса и неутомимой энергіи, но среди Вашихъ многостороннихъ научныхъ стремленій и симпатій одно изъ первыхъ мѣстъ, несомнѣнно, принадлежитъ вопросамъ этнографіи. Ваши обширныя и глубокія познанія въ этой наукѣ, а также и Ваши нравственныя качества создали вокругъ Васъ цѣлую школу русскихъ этнографовъ, которою Вы руководите уже десятое двухлѣтіе въ качествѣ Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

О Вашихъ неоспоримыхъ заслугахъ въ русской этнографіи достаточно свидѣтельствуютъ также Ваши многочисленные и цѣнные труды въ этой области, которые было бы слишкомъ долго перечислять здѣсь. Можно сказать вообще, безъ всякаго преувеличенія, что какъ Ваша общественная, такъ и литературная дѣятельность совершенно заслуженно поставили Ваше имя на почетное мѣсто въ исторіи русской этнографіи и русской науки.

Этнографическое изученіе Россіи, при пестрой разноплеменности ея населенія, при сложности всей исторической и культурной жизни,—дѣло слишкомъ трудное и требующее много знаній, энергіи, силъ и времени. Ставя передъ собою эту задачу во всей ея широтѣ, Вы, многоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ, намѣтили и освѣтили разнообразные и многочисленные пути къ ея разрѣшенію и этимъ заложили одинъ изъ основныхъ камней въ новомъ зданіи еще молодой науки этнографіи въ Россіи.

Не руководствуясь никакими предвзятыми идеями и не отдавая предпочтенія какой-нибудь одной этнической группѣ, Вы въ этнографіи явились истиннымъ ученымъ, принявъ въ руководство лучшій, выработанный въ западноевропейской наукѣ сравнительно-историческій методъ изученія; этимъ уже значительно обезпечивалось равенство передъ наукой для арійца и финна, великорусса и германца, христіанина и язычника.

Изъ этого центра научныхъ идей широко, на подобіе радіусовъ, раскинулись Ваши ученыя изслѣдованія въ различныхъ областяхъ знанія: въ однихъ Вы сдѣлались авторитетнымъ спеціалистомъ, въ другихъ знатокомъ. Лингвистика, древняя письменность, исторія, археологія, антропологія, географія, юридическія науки, соціологія, психологія, наконецъ музыкальное творчество—все это вошло въ кругъ или Вашихъ личныхъ ученыхъ работъ, или въ кругъ занятій руководимыхъ Вами тружениковъ, которые большою семьею сплотились около Васъ и, воодушевляемые Вашимъ примѣромъ, дружно принялись за работу.

Отъ природы Вы сами надѣлены рѣдкой энергіей, но, кромѣ того, Вы всегда умѣете привлечь къ общему дѣлу энергію извнѣ, которая надолго обезпечила бы успѣхъ того дѣла, которому Вы служите со всею преданностью и безкорыстіемъ. Вы обратили вниманіе преимущественно на молодыя интеллигентныя силы, постарались выдвинуть на путь науки эту коллективную молодую энергію, которая съ такимъ увлеченіемъ всегда отдается работѣ мысли, и въ этомъ отношеніи русская работающая молодежь, особенно чуткая къ жизни народныхъ массъ, навсегда сохранитъ благодарность къ Вамъ, какъ къ лучшему руководителю и человѣку, беззавѣтно преданному интересамъ науки.

Благодаря Вашимъ трудамъ, мы уже теперь видимъ, какихъ результатовъ достигъ руководимый Вами этнографическій кружокъ въ Москвѣ. Эти результаты сказались въ рядѣ изданій Этнографическаго Отдѣла—„Трудахъ“, „Этнографическомъ Обозрѣніи“, „Былинахъ“, „Программахъ“—въ оживленіи засѣданій, въ многочисленныхъ научныхъ экскурсіяхъ членовъ Отдѣла, въ собраніяхъ коллекцій и въ другихъ научныхъ предпріятіяхъ. Однако, какъ бы мы, современники, ни старались широко и правдиво оцѣнивать значеніе этой дѣятельности, мы не можемъ предвидѣть во всей полнотѣ результаты ея въ будущемъ, когда при лучшихъ общественныхъ, научныхъ и матеріальныхъ условіяхъ созданная Вами этнографическая школа будетъ имѣть возможность развернуться съ большей широтою и обнаружить всѣ свои силы въ свободномъ примѣненіи ихъ къ дѣлу, когда лингвистъ и археологъ, юристъ и географъ будутъ создавать одну общую, широкую и полную картину народной жизни. Тогда, конечно, еще неоднократно будутъ засвидѣтельствованы передъ ученымъ міромъ Ваши истинныя заслуги.

Теперь же мы счастливы тѣмъ, что можемъ отъ души радоваться Вашему 30-ти лѣтнему служенію наукѣ, высоко цѣнить Ваше имя въ русской этнографіи и вѣрить въ лучшее будущее этой науки. Отъ души желаемъ Вамъ, нашъ дорогой учитель и другъ, многихъ лѣтъ жизни, неизсякаемой энергіи, твердой вѣры въ молодыя силы Россіи и неизмѣнной преданности наукѣ и ея молодому дѣтищу—этнографіи.

Подписи: Д. Анучинъ, А. Разцвѣтовъ, Д. Самоквасовъ, Н. Янчукъ В. Сизовъ, В. Богдановъ, А Брузинскій, А. Веселовскій, Е. Скаржинская, С. Кулжинскій, Л. Бѣлявкинъ, В. Каллашъ, Н. Зографъ, П. Фрейбергъ, Д. Ушаковъ, Н. Мендельсовъ, Графиня Уварова, Д. Иловайскій, А. Тихомировъ, Ст. Смоленскій, С. Долговъ, В. Пoржезинскій, Кожевниковъ, Ник. Богоявленскій, В. Воробьевъ, М. Довнаръ—Запольскій, С. Шамбинаго, Б. Млодзѣевскій, И. Майковъ, А. Марковъ, Н. Харузинъ, П. Преображенскій, В. Попандопуло, И. Автуфьевъ, Ив. Забѣлинъ, М. Веневитиновъ, В. Ключевскій, Вл. Герье, Ф. Фортунатовъ, Р. Брантъ, Т. Лебединскій, А. Семеновъ, С. Олферьевъ, А. Крымскій, А. Чирковъ, Н. Кулагинъ, М. Никольскій, А. Хахановъ, А. Д. Григорьевъ, Ал. Ивановскій, А. Солодовниковъ, С. Теръ-Саргсянцъ, Ю. Гамбаровъ, Г. Халатянцъ, М. Аттая, В. Рядновъ, В. Харузина, А. Реманъ, Ник. Маслюковъ, С. Чистяковъ, Ив. Силиничъ, Г. Мурксъ, Г. И. Куликовскій, Л. Мсеріанцъ, М. Соколовъ, М. К. Цвѣтаева.

Отъ Совѣта И. О. Л. Е., А. и Э.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ!

Совѣтъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ присоединиться къ чествованію Вашихъ заслугъ Этнографическимъ Отдѣломъ Общества и приноситъ вамъ самое сердечное привѣтствіе по случаю исполнившагося тридцатилѣтія Вашей научной дѣятельности. Не входя въ ближайшую оцѣнку этой дѣятельности, сдѣланную компетентными спеціалистами, Совѣтъ позволяетъ себѣ только отмѣтить, что, состоя дѣйствительнымъ членомъ Общества съ 9 марта 1876 г., Вы уже 13 лѣтъ тому назадъ, 15 октября 1886 г., были избраны въ число его почетныхъ членовъ, болѣе 18 лѣтъ (съ 15 декабря 1881 г.) состоите безсмѣннымъ предсѣдателемъ его Этнографическаго Отдѣла, а также занимали одно время постъ президента Общества. Принимая такимъ образомъ уже почти 24 года участіе въ трудахъ Общества, Вы оказали ему крупныя услуги въ дѣлѣ осуществленія имъ поставленныхъ себѣ цѣлей. Вы внесли новую жизнь въ его Этнографическій Отдѣлъ, обогатили изданія Общества цѣнными трудами, привлекли къ участію въ Отдѣлъ массу новыхъ энергичныхъ дѣятелей, пріобрѣли себѣ почетную извѣстность Вашими выдающимися изслѣдованіями въ

области народнаго творчества, языкознанія, этнографіи и археологіи. Высоко цѣня Вашу плодотворную дѣятельность и относясь съ особенной признательностью къ Вашему долголѣтнему постоянному участію въ трудахъ Общества и его Этнографическаго Отдѣла, Совѣтъ Общества приноситъ вамъ искреннѣйшее пожеланіе еще многихъ, многихъ лѣтъ столь же плодотворной и неутомимой дѣятельности на пользу предсѣдательствуемаго Вами Отдѣла и всего Общества, на благо русской науки и русскаго просвѣщенія.

Подписи: Президентъ Общества Д. Анучинъ. Вице-Президентъ Н. Жуковскій. Секретарь Г. Кожевниковъ.

Отъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ!

Наступающее XX-ое столѣтіе могло-бы считаться вѣковымъ юбилеемъ перваго научнаго вниманія къ быту и особенностямъ различныхъ народностей Россіи, если-бы мы могли точно опредѣлить начало собиранія этнографическихъ коллекцій, предпринятаго графомъ Н. П. Румянцовымъ въ концѣ 18-го и началѣ 19-го столѣтій. Означенныя коллекціи, не пополнявшіяся затѣмъ во весь періодъ пребыванія Румянцовскаго Музея въ Петербургѣ, начали значительно расширяться, по перенесеніи Музея въ Москву, и легли въ основаніе его особаго отдѣленія, выросшаго въ цѣлый этнографическій Музей, считающійся почти единственнымъ въ Россіи.

Съ 1867 года, съ самаго начала своего Московскаго періода, жизнь этнографическаго отдѣленія Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ неразрывно связана съ дѣятельностью того учрежденія, главнымъ представителемъ котораго состоите Вы уже почти 20 лѣтъ.

Получивъ богатыя коллекціи съ выставокъ этнографической и политехнической, устроенныхъ Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи ежегодно и по настоящее время пополняются этнографическими коллекціями, собираемыми при Вашемъ руководствѣ членами Этнографическаго Отдѣла названнаго Общества.

Связь Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ съ Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія и, въ особенности, съ его Этнографическимъ Отдѣломъ, состоящимъ подъ Вашимъ безсмѣннымъ предсѣдательствомъ, стала еще болѣе тѣсною съ тѣхъ поръ, какъ 1 января 1885 года Вы вступили въ должность хранителя Дашковскаго Этнографическаго Музея. Ваше 13-лѣтнее служеніе Музею составило свѣтлыя страницы въ исторіи этого учрежденія. Не ограничиваясь однимъ только храненіемъ и приведеніемъ въ порядокъ коллекцій, Вы позаботились о томъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе доступными для обозрѣнія при помощи выработаннаго Вами и многократно переиздаваемаго путеводителя и доставить научнымъ богатствамъ Музея болѣе широкую извѣстность въ ученомъ мірѣ составленіемъ 4-хъ томнаго „Систематическаго описанія коллекцій". Кромѣ того, Вы старались оживить это учрежденіе и привлечь къ нему больше вниманія, основавъ при Этнографическомъ Музеѣ спеціальное повременное изданіе, подъ названіемъ „Сборникъ матеріаловъ по этнографіи", выходившее подъ Вашей редакціей три года.

По назначеніи Васъ на болѣе высокій постъ общественнаго служенія, Совѣтъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, желая сохранить тѣсную связь съ Вами и выразить Вамъ свою посильную признательность за Ваши громадныя заслуги, избралъ Васъ почетнымъ членомъ Музеевъ и въ настоящее время считаетъ особенно пріятнымъ долгомъ присоединиться къ горячимъ привѣтствіямъ по случаю 30-ти-лѣтняго юбилея Вашей учено-литературной дѣятельности, чтобы еще разъ засвидѣтельствовать Вамъ свою глубокую благодарность и выразить искреннія пожеланія, чтобы и на будущее

время Вы еще долгіе годы продолжали Вашу плодотворную дѣятельность для успѣховъ науки и для поддержанія родственной связи, которая, благодаря Вамъ, установилась между Московскимъ Публичнымъ и Румянцовскимъ Музеями и Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія.

Подписи: М. Веневитиновъ, И. Цвѣтаевъ, Н. Янчукъ, А. Келлатъ, С. Череминъ, С. Щуровъ, Р. Павловъ, Н. Боборыкинъ, А. Калишевскій, С. Долговъ, Григорій Георгіевскій, Яковъ Квасковъ, М. А. Боборыкина, С. Горская, С. Соколовъ.

Отъ Имп. Московскаго Археологическаго Общества.

Многоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ!

Предсѣдательствуемое Вами Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи собралось нынѣ привѣтствовать Ваши тридцатилѣтія заслуги на поприщѣ русской науки и просвѣщенія, но это скромное торжество, устроенное Вашими сотоварищами и сослуживцами, совпадаетъ съ четвертью вѣка служенія Вашего и по археологіи, что и позволяетъ мнѣ, какъ Предсѣдателю Московскаго Археологическаго Общества, присоединить и мой скромный голосъ къ привѣтствію Вашихъ ученыхъ собратій.

30-го января 1875 года Вы вошли въ число членовъ Московскаго Археологическаго Общества и съ тѣхъ поръ стали однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Общества, принимая самое теплое участіе не только въ его научной дѣятельности, но и въ организаціи его общенія съ заграничными учеными, въ выработкѣ программъ, намѣченіи новыхъ цѣлей, въ экскурсіяхъ и внутреннихъ распорядкахъ Общества.

Ужъ въ 1876 году Вы назначаетесь представителемъ Общества на Международный Конгрессъ Оріенталистовъ въ Петербургѣ. Съ того же года Вы являетесь почти несмѣннымъ членомъ Ревизіоннаго Комитета Общества. Когда въ обществѣ поднимается вопросъ о необходимости изученія Кавказа и его народностей, Вы первый предпринимаете въ 1881 году путешествіе по Осетіи съ цѣлью изученія языка Осетинскаго племени, которому Вы впослѣдствіи посвящаете весьма драгоцѣнные труды.

Въ 1882 году Вы вмѣстѣ съ Дм. Ник. Анучинымъ входите въ составъ Коммиссіи по выработкѣ программы для изслѣдованія Кавказскихъ пещеръ, а съ Гр. А. С. Уваровымъ вырабатываете правила для усиленія дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества.

Позднѣе, послѣ кончины графа, чувствуя вѣроятно необходимость поддержать Археологическое Общество послѣ понесенной имъ утраты, Вы еще тѣснѣе сливаете Вашу дѣятельность съ дѣятельностью Общества, и помимо Вашихъ ученыхъ трудовъ мы находимъ Васъ: въ числѣ Редакціоннаго Комитета Трудовъ Тифлисскаго Археологическаго Съѣзда, въ числѣ членовъ Коммиссій по выработкѣ программы преміи имени Гр. Уварова и составленія археологическихъ картъ Россіи; Вы становитесь во главѣ археологическихъ экскурсій, снаряжаемыхъ Обществомъ для изученія горскихъ обществъ Кабарды и Осетіи, Вы руководите собираніемъ свѣдѣній о кавказскихъ евреяхъ, Вы являетесь авторомъ I т. издаваемыхъ Обществомъ матеріаловъ по Археологіи Кавказа; когда же поднимается вопросъ о необходимости расширенія дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества по изученію памятниковъ Славянской письменности и древностей Востока и объ образованіи при Обществѣ Славянской и Восточной Коммиссій, Вы являетесь однимъ изъ самыхъ искреннихъ поборниковъ этихъ новыхъ для Общества задачъ и становитесь съ самаго основанія во главѣ Восточной Коммиссіи, исполняя обязанности то Товарища Предсѣдателя, то самого Предсѣдателя.

Время и скромная обстановка нынѣшняго торжества не позволяетъ мнѣ болѣе подробно распространиться о Вашихъ ученыхъ заслугахъ предъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, но Историческая Записка Общества, его протоколы и изданія свидѣтельствуютъ о томъ, что нѣтъ отдѣла, въ которомъ Вы не проявили бы своего участія, нѣтъ вопроса, котораго бы Вы не затронули. Позвольте же мнѣ отъ лица Московскаго Археологическаго Общества и по его порученію, состоявшемуся сего 19-го января, привѣтствовать Васъ, многоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ, благодарить и выразить надежду, что Вы и впредь сохраните Ваше доброе къ намъ расположеніе, Вашу неутомимую энергію, Вашу любовь къ родной старинѣ и наукѣ.

Подпись: Предсѣдатель Графиня Уварова.

Отъ Имп. Историческаго Музея.

Высокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ!

Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III поставляетъ пріятнымъ долгомъ радостно привѣтствовать славное тридцатилѣтіе Вашихъ неутомимыхъ и столь разнообразныхъ ученыхъ работъ, обогатившихъ Русскую Науку въ высокой степени значительными и замѣчательными изысканіями и изслѣдованіями въ области Языкознанія, Древне-Русской народной литературы, Этнографіи, Археологіи, гдѣ повсюду Вы являетесь починателемъ разработки еще мало или совсѣмъ нетронутыхъ вопросовъ и сторонъ безбрежнаго моря Науки.

Ваши многочисленные труды, какъ солнце, освѣтили и темныя въ Наукѣ мѣстности Кавказа и темные, мало еще разгаданные лики нашихъ древнихъ богатырей.

Столь же доброплодны Ваши заслуги и по установленію научныхъ пріемовъ въ изслѣдованіяхъ Русской Этнографіи.

Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III исполненъ живѣйшими пожеланіями, да продолжится славная Ваша дѣятельность на пользу Родной Науки многіе и многіе годы.

Подписи: Товарищъ Предсѣдателя Ив. Забѣлинъ, Чиновникъ особыхъ Порученій при Предсѣдателѣ Кн. Щербатовъ, Ученый Секретарь музея В. Сизовъ, хранитель Музея А. Орѣшниковъ, помощникъ хранителя В. Щепкинъ, помощникъ хранителя Н. Харузинъ, библіотекарь Музея А. Станкевичъ.

Отъ Общества Любителей Россійской Словесности.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ!

Общество Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ приноситъ Вамъ свое искреннее поздравленіе по случаю исполнившагося тридцатилѣтія Вашей учено-литературной дѣятельности. Въ этомъ чествованіи голосу Общества по праву принадлежитъ видное мѣсто. Первый печатный трудъ Вашъ (о книгѣ Стасова) не только былъ помѣщенъ въ „Бесѣдахъ“ Общества въ 1871 году, но еще до того былъ прочтенъ въ засѣданіи Общества давнимъ его членомъ, Вашимъ почтеннымъ отцомъ. Вскорѣ послѣ того Общество Любителей Словесности, принимая во вниманіе также Вашъ стихотворный переводъ комедіи Шекспира „Два Веронца“, избрало Васъ въ свои дѣйствительные члены. Съ тѣхъ поръ не прекращается живая связь Ваша съ нашимъ старѣйшимъ литературнымъ учрежденіемъ; Ваши труды уже въ 90-хъ годахъ помѣщались въ его изданіяхъ, наконецъ, одна изъ послѣднихъ научныхъ работъ Вашихъ была, какъ и первая, прочитана въ засѣданіи Общества. Такимъ образомъ, вся Ваша литературно-ученая дѣятельность съ первыхъ шаговъ до послѣднихъ дней прошла, такъ сказать,

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Отъ Педагогическаго Совѣта Женской Гимназіи З. Д. Перепелкиной въ Москвѣ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Отъ Преподавателей Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Өедоровичъ!

Въ кругу Вашихъ разностороннихъ научныхъ интересовъ, начиная съ самыхъ первыхъ ученыхъ изысканій Вашихъ, было отведено видное мѣсто и востоковѣдѣнію. Ваше дѣятельное участіе въ трудахъ Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, въ качествѣ члена и предсѣдателя, имѣющей столь тѣсную связь съ областью занятій Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ, плодотворно отразилось на развитіи оріентальной науки въ Москвѣ. Ваши цѣнныя изслѣдованія по Кавказу послужили сильнымъ толчкомъ къ развитію Кавказовѣдѣнія и открыли широкій горизонтъ для изученія этого края въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. И въ этихъ областяхъ Вы сумѣли внушить серьезный интересъ не только русскимъ ученымъ и спеціалистамъ Западной Европы, но также и образованнымъ изъ туземцевъ этой многоязычной страны, чутко прислушивающимся ко всѣмъ до нихъ относящимся Вашимъ ученымъ работамъ.

Принося вамъ, глубокоуважаемый Всеволодъ Өедоровичъ, наши искреннія привѣтствія ко дню тридцатилѣтія Вашей научной дѣятельности, пожелаемъ, чтобы она и дальше велась съ тою же неустанной энергіей, какой отличалась до сихъ поръ, на пользу отечественной науки.

Подписи: В. Герье, Мирза Джафаръ, А. Веселовскій, Г Халатьянцъ, Г. Мурносъ, Р. Штакельбергъ, М. Аттая, В. Соколовъ, А. Хахановъ, Ставръ-Саковъ, А. Крымскій, А. Флинкъ, М. Павловъ, К. Кусиковъ, П. Первовъ, А. Кизеветтеръ, П. Эссеринъ-Карлингъ, А. Липеровскій, Хр. Іоаннесовъ. Священникъ М. Добровольскій, Торъ Ланге, Фр. Дюмметьеръ, Ф. Триллингъ, В. Каспарьянцъ, С. Церунянцъ.

Отъ студентовъ-филологовъ Имп. Московскаго университета.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Өедоровичъ.

Прошла четверть вѣка Вашей профессорской дѣятельности. Мы, студенты-филологи, считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ привѣтствовать Васъ съ этимъ знаменательнымъ фактомъ Вашей жизни и выразить Вамъ нашу глубокую благодарность, какъ одному изъ наиболѣе любимыхъ профессоровъ. Не намъ оцѣнивать Ваши тридцатилѣтніе научные труды; они достойно оцѣнены спеціалистами. Мы благодаримъ Васъ за то, что Вы, живо и всесторонне освѣщая въ своихъ лекціяхъ научный матеріалъ, заинтересовали насъ народной русской словесностью и раскрыли передъ нами глубокій смыслъ этой необходимой основы для изученія литературы. Благодаримъ Васъ за то, что Вы внимательно относитесь къ нашимъ ученическимъ работамъ, возбуждаете въ насъ стремленіе къ самостоятельности, высказывая желаніе, чтобы наши рефераты не представляли изъ себя только сухого перечня матеріаловъ, но были освѣщены собственными выводами. Ваши лекціи служатъ лучшимъ примѣромъ труда не формальнаго, но строгаго научнаго съ ясно выраженной идеей, увлекающей Вашихъ слушателей. Но еще съ большей признательностью мы привѣтствуемъ Васъ, глубокоуважаемый профессоръ, за Ваше гуманное и сердечное отношеніе къ студентамъ, среди которыхъ Вы снискали общія симпатіи. Заслуги Ваши, какъ профессора и человѣка, убѣждаютъ насъ въ томъ, что покойный учитель Вашъ, незабвенный Ф. И. Буслаевъ нашелъ въ вашемъ лицѣ достойнаго замѣстителя. Пусть же на долгіе и долгіе годы продлится Ваша плодотворная научная и профессорская дѣятельность, пусть въ Вашемъ лицѣ останутся вѣчно живыми лучшіе завѣты Московскаго университета.

Подписи: Д. Хоменко, Ө. Некрасовъ, Н. Савельевъ, Д. Щеголевъ, И. Соловьевъ, Б. Исаковъ, Дим. Лебедевъ, Вл. Дурасовъ, Н. Семеновскій, В. На-

невичъ. А. Марковъ, Н. Эйзенбергъ. С. [illegible], А. [illegible], В. Заборскій. Г. Портнягинъ, В. Троцкій, Н. [illegible], [illegible]. Н. Городковъ, Н. [illegible], В. Минорскій. Г. Гербаненко [1]).

Отъ Студентовъ Лазаревскаго Института.

Глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ.

Не намъ, студентамъ, дѣлать оцѣнку Вашей тридцатилѣтней плодотворной научной дѣятельности, которая признана не только Россіей, но и Западомъ.

Наше дѣло принести Вамъ свою признательную благодарность за то, что Ваши лекціи по культурной исторіи Востока и Ваши печатанные труды даютъ намъ полную возможность расширять свои научныя стремленія и слѣдовать тѣмъ высокимъ идеямъ, которыми проникнуты Ваши работы. Ваша неутомимая энергія на пользу науки остается для насъ въ дальнѣйшей нашей дѣятельности яркимъ примѣромъ. Мы не можемъ здѣсь обойти молчаніемъ Вашего всегдашняго сердечнаго отношенія къ учащейся молодежи вообще, а къ намъ, студентамъ Лазаревскаго института, въ частности. Итти намъ навстрѣчу, помогать исполненію хорошихъ и благородныхъ намѣреній—во первыхъ; поднимать научное значеніе Института и оживлять введеніемъ общеобразовательныхъ предметовъ преподаваніе въ немъ—во вторыхъ; всѣми способами улучшать бытъ учащейся молодежи Вашего Института—въ третьихъ;—все это составляетъ предметъ Вашихъ постоянныхъ стараній, и мы это прекрасно чувствуемъ. Всякій изъ насъ, разставаясь съ Институтомъ, сохранитъ свѣтлыя воспоминанія о Васъ, какъ профессорѣ, начальникѣ и человѣкѣ.

И вотъ, сегодня, въ памятный день празднованія Вашего юбилея, мы выражаемъ Вамъ, глубокоуважаемый Всеволодъ Ѳедоровичъ, искреннія чувства и высказываемъ глубокую благодарность за все то доброе, что Вы сдѣлали для насъ.

Пусть многіе и многіе годы будетъ раздаваться съ каѳедры Ваше честное, плодотворное слово на благо науки и во славу нашей родины.

Затѣмъ Секретарь Этнографическаго Отдѣла прочелъ нижеслѣдующія привѣтствія:

Историческое Общество Нестора-Лѣтописца, привѣтствуя юбиляра, извѣщаетъ, что избрало его въ свои почетные члены единогласно.

Общество Любителей Русской Словесности въ память А. С. Пушкина при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ избрало проф. В. Ѳ. Миллера единогласно своимъ почетнымъ членомъ.

Далѣе привѣтствовали слѣдующія ученыя учрежденія и общества: Отдѣленіе Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ („своего сочлена"), Историко-Филологическій факультетъ Казанскаго Университета („дѣятеля на почвѣ разработки отечественной литературы, этнографіи и языковѣдѣнія"), Историко-Филологическій факультетъ Университета св. Владимира, Историко-Филологическій факультетъ Харьковскаго Университета, профессора и преподаватели Варшавскаго Университета (Ульяновъ, Зенгеръ, Смирновъ, Карскій, Филевичъ, Дьячанъ, Веховъ, Новосадскій, Кулаковскій, Цвѣтаевъ, Струве, Іезбергъ, Михайловъ, Вержбовскій, Зигель, Симоненко, Бѣляевъ, Зиловъ, Вагнеръ, Митрофа-

---

[1]) Двѣ подписи неразобраны.

новъ, Анисимовъ, Амалицкій, Зининъ, Вроной, Бевадъ, Насоновъ), Отдѣленіе Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Кавказскій Отдѣлъ И. Р. Г. О., Восточно-Сибирскій Отдѣлъ И. Р. Г. О., Русское Антропологическое Общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, Восточное Отдѣленіе Имп. Русск. Археологическаго Общества, Казанское Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи, Харьковское Историко-Филологическое Общество, Историко-Филологическое Общество при Новороссійскомъ Университетѣ („цѣня Ваши работы по русской народной словесности и по изученію народностей Кавказа, близкаго Новороссійскому краю, и глубоко почитая Ваши труды по организаціи этнографическихъ изслѣдованій Россіи“), Уральское Общество Любителей Естествознанія („сердечно желаетъ продолжать многіе годы научную и плодотворную дѣятельность его“), Петровское Общество Изслѣдователей Астраханскаго края, Этнографічна Комисия Наукового Товариства імени Шевченка (во Львовѣ), Чехославянское Этнографическое Общество и Управленіе Чехославянскаго Этнографическаго Музея (въ Прагѣ), Редакціи журналовъ: „Кіевская Старина“, „Кавказскій Вѣстникъ“, „Кавказскій Книжный Вѣстникъ“.

Слѣдующія лица изъ Москвы, не имѣвшія возможности быть на засѣданіи, привѣтствовали юбиляра:

Ректоръ Московскаго Университета А. А. Тихомировъ, Московскій Городской Голова кн. В. М. Голицынъ, Товарищъ Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла В. М. Михайловскій, Товарищъ Августѣйшаго Предсѣдателя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея И. Е. Забѣлинъ, Директоръ Архива Мин-ства Юстиціи Д. Я. Самоквасовъ, Проф. Мих. Покровскій, Магистръ Ив. Евсѣевъ, В. И. Шенрокъ, Преподаватели Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, Гр. Ав. Джаншіевъ, Р. Р. Штакельбергъ, Мих. Иловайскій, студ. Ник. Иковъ, Львовъ, преподаватель 4-ой гимназіи Пискаревъ, Карлъ Пастернакъ, Н. Кожевникова, М. Врунъ, И. А. Вулдинъ, В. А. Грингмутъ.

Слѣдующія иногороднія лица прислали привѣтственныя телеграммы и письма:

Попечитель Кавказскаго Учебнаго Округа К. П. Яновскій, академикъ И. И. Янжулъ, акад. А. А. Шахматовъ, П. В. Шейнъ, академикъ А. Н. Веселовскій, Проф. Сперанскій и словесники Нѣжинскаго лицея: Державинъ, Заболовскій и Музыченко, проф. Кнауэръ, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. Халанскій, Кулаковскіе, Насоновы, Ф. Д. Нефедовъ, лекторъ Брунешекъ, прив. доц. А. М. Лобода, В. Н. Добровольскій, П. В. Ивановъ, Николай Леонтьевъ, А. Н. Малинка, А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ, П. Смирновъ, Н. С. Кленовскій, Аркадій Журавлевъ, Кестеръ, Алфераки, П. К. Симони, П. Д. Боборыкинъ, Н. К. Зейдлицъ, Архіепископъ Карапетъ (ректоръ Академіи и редакторъ армянскаго Богословскаго журнала „Араратъ“), Марія и Антонина Бируковы, осетины (съ восторгомъ привѣтствуютъ автора дорогихъ для нихъ „Осетинскихъ этюдовъ“).

Слѣдующія лица прислали привѣтствія изъ-за границы: Проф. Пав. Хорнъ (Paul Horn) изъ Страссбурга, проф. Шишмановъ изъ Софіи, проф.

А. Людвигъ изъ Праги, Яромиръ Ивановичъ Ганелъ изъ Праги, Кернъ изъ Лейдена, Гюбшманъ (H. Hübschmann) изъ Страссбурга, Ѳ. Волковъ изъ Парижа.

По окончаніи чтенія всѣхъ этихъ привѣтствій Предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества гр. П. С. Уварова пригласила юбиляра, его семью и всѣхъ присутствовавшихъ на засѣданіи къ себѣ въ квартиру, гдѣ за общимъ чаемъ, а потомъ и ужиномъ продолжалось оживленное чествованіе.

Финско-Угорское Общество.

2 декабря нов. ст. происходило годичное засѣданіе Финско-угорскаго общества. Собраніе было открыто предсѣдателемъ Общества, профессоромъ О. Доннеромъ; онъ сообщилъ о тѣхъ изслѣдованіяхъ въ области языка и культуры Китая, которыя, по порученію Общества, производились магистромъ Г. Лундомъ. Во время волненій въ Пекинѣ ему удалось спасти себя и свою семью; но большая часть его матеріаловъ и изслѣдованій погибла.

Первый секретарь Общества, доц. Г. Вихманъ прочелъ отчетъ о дѣятельности Общества за истекшій годъ. Изъ четырехъ стипендіатовъ, отправленныхъ Обществомъ въ 1898 году, магистръ У. Сирелiусъ закончилъ свои изслѣдованія; остальные трое, магистры К. Карьялайненъ, Г. Рамстедтъ и Г. Лундъ еще не вернулись изъ своихъ поѣздокъ. Въ теченіе года Общество, сверхъ того, отправило маг. Фр. Эйма для изученія языка лапландцевъ, которые селятся у озера Энаре.

Работы маг. У. Сирелiуса, главнымъ образомъ, направлялись на изученіе рыбнаго и звѣринаго промысловъ остяковъ; но онъ также обращалъ вниманіе на характеръ строеній и на другіе этнографическіе вопросы. Кромѣ остяковъ, предметомъ его изслѣдованій служили ихъ сосѣди—самоѣды, вогулы и татары. Въ Тобольскомъ музеѣ онъ больше всего былъ занятъ изученіемъ орнаментовъ и одеждъ тѣхъ племенъ. Маг. Сирелiусъ пріобрѣлъ около 400 предметовъ на средства, изысканныя представителями Общества для собраній Антелля; онъ снялъ также свыше 200 фотографій. Во время своихъ разъѣздовъ маг. Сирелiусъ посѣтилъ нѣсколько племенъ остяковъ, которыя доселѣ не входили въ кругъ изслѣдованій этнографовъ.

Маг. Карьялайненъ собралъ значительное количество сказокъ, пѣсенъ, молитвъ и т. д. среди восточныхъ остяковъ и записалъ, посредствомъ фонографа, народныя остяцкія мелодіи.

Маг. Рамстедтъ изучаетъ діалекты сѣверной Монголіи, которые значительно разнятся отъ литературнаго монгольскаго языка. Въ его собраніи находятся двѣ монгольскія работы, которыя онъ досталъ изъ монастыря, и копіи съ уйгурскихъ надписей; онъ также открылъ доселѣ неизвѣстныя развалины и ворота. Безпорядки въ Китаѣ прервали его занятія.

До своего бѣгства изъ Пекина маг. Г. Лундъ работалъ надъ переводомъ китайской грамматики, начала нашей эры.

Сельскіе стипендіаты, отправленные докторомъ Г. Паасоненомъ къ мордвѣ, собрали множество сказокъ, загадокъ, пѣсенъ, пословицъ и т. д.

Маг. Эймэ работаетъ въ Лапландіи надъ фольклоромъ; онъ также разбираетъ и пополняетъ словари Анделина, Квигстада и Виклунда.

Литературная производительность Общества была не особенно богата: вышли только 17 и 18 выпуски „Журнала" со статьями К. Карьялайнена, У. Сиреліуса, Г. Паасонена, Э. Сетэлэ, Э. Юрьенса и др.; изъ „Трудовъ" Общества вышелъ 15 томъ, заключающій въ себѣ работу Г. Франке также законченъ текстъ къ работѣ А. Гейкеля „Мордовскія одежды и узоры".

Общество принимало также участіе во всемірной выставкѣ въ Парижѣ, ознакомивъ съ собраніемъ своихъ изданій, которыя были затѣмъ переданы въ „Національную библіотеку". Перваго іюня Общество, до того, въ теченіе года снимавшее помѣщеніе у Финскаго литературнаго Общества, равно какъ и его библіотека, перешли въ „домъ ученыхъ обществъ".

Какъ радостное событіе, въ отчетѣ былъ отмѣченъ даръ въ 6,172 м. 82 пенни, который былъ предоставленъ неизвѣстнымъ лицомъ Обществу на изданіе журнала, посвященнаго финско-угорскому языковѣдѣнію.

На мѣсячныхъ собраніяхъ рѣчи были произнесены О. Доннеромъ, К. Карьялайненомъ, І. Мандельштаммомъ (профессоръ русскаго языка въ Александровскомъ университетѣ), Г. Паасоненомъ, Э. Сетэлэ, У. Сиреліусомъ и Г. Вихманомъ.

Въ теченіе года Общество избрало четырехъ лицъ въ члены-корреспонденты, 12 человѣкъ въ такъ называемые члены-основатели, 15 лицъ было избрано въ годичные члены. Изъ почетныхъ членовъ Общества скончался профессоръ Максъ Мюллеръ.

Въ концѣ отчетнаго года въ кассѣ Общества было 129,944 марки 60 пенни: 68,689 м. 50 п. въ собственномъ фондѣ Общества, 20,549 м. 80 п; въ фондѣ имени О. Доннера, 10,405 мр. 28 п.: въ фондѣ имени Авг. Альквиста, 30,000 мр. въ безыменномъ фондѣ.

При выборѣ должностныхъ лицъ предсѣдателемъ Общества былъ вновь избранъ проф. О. Доннеръ, товарищемъ предсѣдателя—проф. Э. Сетэлэ, въ секретари—доц. Г. Вихманъ и проф. І. Миккола, въ библіотекари—проф. К. Кронъ и кандидатъ философіи Э. Экманъ, въ казначеи—директоръ І Гёккертъ, въ повѣренные (ombudsman) Общества герадсхёфдинъ (уѣздный судья)—Э. Полонъ, въ архиваріусы—магистръ Г. Оянсуу; ревизорами были опредѣлены докторъ З. Кастренъ и О. Галлстенъ; въ представители Общества, которые войдутъ въ делегацію „дома ученыхъ обществъ", были избраны профессора: О. Доннеръ и Э. Сетэлэ. (Изъ „Hufvudstadsbladet".

Вл. Г.